

ВЕСТНИК

УФИМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НЕФТЯНОЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

УГНТУ

BULLETIN • UFA STATE PETROLEUM TECHNOLOGICAL UNIVERSITY • USPTU

№2 (28)/2019

ISSN 2541-8904

НАУКА / SCIENCE
ОБРАЗОВАНИЕ / EDUCATION
ЭКОНОМИКА / ECONOMY

ВЕСТНИК

УФИМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НЕФТЯНОЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

УГНТУ

Наука, образование, экономика

Серия экономика

№ 2 (28) 2019

Журнал основан в 2012 году. Выходит 4 раза в год

Учредитель

Федеральное бюджетное государственное образовательное учреждение высшего образования «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (УГНТУ)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук».

Редакционный совет:

А.Н. Дегтярев — д-р экон. наук, профессор, председатель редакционного совета, академик РАЕН, член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан, Институт экономики и сервиса ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (г. Уфа, Российская Федерация)

А.Ф. Расулев — д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономическая теория», Ташкентский государственный экономический университет (г. Ташкент, Узбекистан)

Б.Д. Хусаинов — д-р экон. наук, профессор, заведующий Отделом исследований глобализации и региональной интеграции Института экономики МОНРК (г. Алма-Ата, Республика Казахстан)

А.Г. Шеломенцев — д-р экон. наук, профессор, заведующий Отделом развития региональных социально-экономических систем, институт экономики Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург, Российская Федерация)

Т.П. Данько — д-р экон. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова» (г. Москва, Российская Федерация)

Ю.Л. Пустовгаров — управляющий директор АО «Кумертауское авиационное производственное предприятие», депутат Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан (г. Уфа, Российская Федерация)

Л.М. Мазитова — канд. экон. наук, заместитель министра экономического развития Республики Башкортостан (г. Уфа, Российская Федерация)

Редакционная коллегия:

Н.З. Солодилова — д-р экон. наук, профессор, главный редактор, директор Института экономики и сервиса ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (г. Уфа, Российская Федерация)

Ш.З. Валиев — д-р экон. наук, профессор, заместитель главного редактора, начальник отдела научных изданий ИЭС, заведующий кафедрой «Региональная экономика и управление», Институт экономики и сервиса ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (г. Уфа, Российская Федерация)

А.И. Кузьмин — д-р социол. наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, ведущий научный сотрудник Института экономики Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург, Российская Федерация)

Г.Т. Галиев — д-р социол. наук, профессор, начальник отдела дополнительного образования, Институт экономики и сервиса ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (г. Уфа, Российская Федерация)

Т.В. Черкасова — д-р социол. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (г. Уфа, Российская Федерация)

Р.И. Маликов — д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономика и менеджмент», Институт экономики и сервиса ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (г. Уфа, Российская Федерация)

И.У. Зилькарнай — д-р экон. наук, профессор, заведующий лабораторией исследования социально-экономических проблем регионов, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет» (г. Уфа, Российская Федерация)

Н.М. Блаженкова — д-р экон. наук, профессор, заведующая кафедрой «Финансы и кредит», Институт экономики и сервиса ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (г. Уфа, Российская Федерация)

Р.М. Сафуанов — д-р экон. наук, профессор, директор Уфимского филиала ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (г. Уфа, Российская Федерация)

В.И. Сухочев — д-р экон. наук, профессор, ректор НОУ ВПО «Кумертауский институт экономики и права» (г. Кумертау, Российская Федерация)

И.Р. Зарипова — д-р экон. наук, профессор, Институт экономики и сервиса ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (г. Уфа, Российская Федерация)

У.Г. Зиннуров — д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой «Менеджмент и маркетинг», ФГБОУ ВО «Уфимский государственный авиационный технический университет» (г. Уфа, Российская Федерация)

В.В. Жилин — д-р экон. наук, д-р с.-х. наук, профессор, ГБОУ ВО «Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан» (г. Уфа, Российская Федерация)

О.В. Мишулина — д-р экон. наук, профессор, заведующая кафедрой «Менеджмент и маркетинг» Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова (г. Костанай, Республика Казахстан)

Л.А. Амирова — д-р пед. наук, профессор, проректор по научной работе, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы» (г. Уфа, Российская Федерация)

Р.Г. Аслаева — д-р пед. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы» (г. Уфа, Российская Федерация)

Т.Н. Третьякова — д-р пед. наук, профессор, заведующая кафедрой «Туризм и социально-культурный сервис», Институт спорта, туризма и сервиса ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет» (г. Челябинск, Российская Федерация)

А.И. Сорокина — д-р психол. наук, профессор, Институт экономики и сервиса ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (г. Уфа, Российская Федерация)

Ответственный секретарь: Д. А. Седаков

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Доступ и подписка на электронную версию журнала — www.elibrary.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 — 67386 от 05.10.2016 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

© Уфимский государственный нефтяной технический университет, 2019.

Адрес редакции и издательства: 450062, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Космонавтов, д. 1

Тел.: (347) 243 – 16 – 19, ies.rusoil.net

Цена свободная. **12+**

Подписано в печать 28.06.2019 г. Формат 60×84/8. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,62.

Тираж 1 000 экз. Заказ № 73.

Адрес типографии: 450062, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Космонавтов, д. 1

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале «Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика.

Серия экономика», допускается только с письменного разрешения редакции.

Материалы приводятся в авторской редакции.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей.

Отпечатано в типографии издательства УГНТУ с готовых электронных файлов.

BULLETIN

UFA STATE PETROLEUM TECHNOLOGICAL UNIVERSITY

Science, education, economy

Series economy

№ 2 (28) 2019

Founded in 2012. Issued 4 times a year

Founder

Federal State-Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ufa State Petroleum Technological University» (USPTU)

The journal is included in the «List of peer-reviewed scientific publications, which should be published basic scientific results of theses on competition of a scientific degree of candidate of Sciences, on competition of a scientific degree of the doctor of Sciences».

Editorial board:

Prof. Alexander N. Degtyarev — Doctor of Economic Sciences, Professor, Chairman of the Editorial Board, Member of Russian Academy of Natural Sciences, Active Member of Academy of Sciences the Republic of Bashkortostan, Institute of Economics and Service, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)

Prof. Alisher F. Rasulev — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department «Economic Theory» of Tashkent State Economic University (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

Prof. Bulat D. Khusainov — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Department «Globalization and Integration Studies», Institute of Economy, MES of RK (Alma-Ata, Republic of Kazakhstan)

Prof. Andrey G. Shelomentsev — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Regional Development of Social and Economic Systems, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russian Federation)

Prof. Tamara P. Danko — Doctor of Economic Sciences, Professor, Russian Academy of Economics by G.V. Plekhanov (Moscow, Russian Federation)

Yuriy L. Pustovgarov — Managing Director of AO «Kumertau Aviation Production Enterprise», delegate of the State Assembly (Ufa, Russian Federation)

Lilia M. Mazitova — Candidate of Economic Sciences, Deputy Minister of Economic Development of the Republic of Bashkortostan (Ufa, Russian Federation)

Editorial staff:

Prof. Natalia Z. Solodilova — Doctor of Economic Sciences, Professor, editor in chief, Director of the Institute of Economics and Service, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)

Prof. Shamil Z. Valiev — Doctor of Economic Sciences, Professor, Deputy Chief Editor, Head of Scientific Edition Department, Head of Regional Economics and Management, Institute of Economics and Service, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)

Prof. Alexander I. Kuzmin — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Active Member of Russian Academy of Natural Sciences, Leading Researcher at Institute of Economics at Urals Branch of Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation)

Prof. Gali T. Galiev — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief of Department of Additional Education, Institute of Economics and Service, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)

Prof. Tatjana V. Cherkasova — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)

- Prof. Rustam I. Malikov — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Economics and Management, Institute of Economics and Service, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)
- Prof. Ildar U. Zulkarnai — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Laboratory of Socio-Economic Problems in the Regions Research, Bashkir State University (Ufa, Russian Federation)
- Prof. Natalia M. Blazhenkova — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Finance and Credit, Institute of Economics and Service, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)
- Prof. Rafael M. Safuanov — Doctor of Economic Sciences, Professor, Director of Ufa Branch of Financial University under the Government of the Russian Federation (Ufa, Russian Federation)
- Prof. Victor I. Sukhochev — Doctor of Economic Sciences, Professor, Rector of Kumertau Institute of Economics and Law (Kumertau, Russian Federation)
- Prof. Ilsiyyar R. Zariyova — Doctor of Economic Sciences, Professor, Institute of Economics and Service, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)
- Prof. Ulfat G. Zinnurov — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Management and Marketing Chair, Ufa State Aviation Technical University (Ufa, Russian Federation)
- Prof. Valery V. Zhilin — Doctor of Economic Sciences, Doctor of Agricultural Sciences, Professor, Bashkir Academy of State Service and Management Board under the President of Bashkortostan Republic (Ufa, Russian Federation)
- Prof. Olga V. Mishulina — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Management and Marketing Chair at Kostanai State University named for A. Baitursynov (Kostanai, Kazakhstan)
- Prof. Lyudmila A. Amirova — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-Rector on Scientific Work, Bashkir State Pedagogical University named for M. Akmulla (Ufa, Russian Federation)
- Prof. Rahima G. Aslaeva — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Bashkir State Pedagogical University named for M. Akmulla (Ufa, Russian Federation)
- Prof. Tatjana N. Tretjakova — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department «Tourism and Socio-Cultural Service» of the Institute of Sport, Tourism and Service, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation)
- Prof. Anna I. Sorokina — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Institute of Economics and Service, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)

Executive editor — Dmitriy A. Sedakov

The magazine is included in the Russian index of scientific citation (RISC).

Access and subscription to the electronic version of the magazine — www.elibrary.ru.

Mass media registration certificate ПИ № ФС 77-67386 dd. 05.10.2016 is issued by the Federal Department of Mass Media Supervision.

© Ufa State Petroleum Technological University, 2019.

Address of Editors office and Founder: 450062, Republic of Bashkortostan, Ufa, Kosmonavtov str., 1.

Tel. (347) 243–16–19, ies.rusoil.net

Price is free. **12+**

Publishing authorized on 28.06.2019. Paper format 60×84/8. Offset printing. 16,62 publication base sheets.

Volume 1 000 copies. Order № 73.

Address of Publishing Office: 450062, Republic of Bashkortostan, Ufa, Kosmonavtov str., 1.

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced without prior written consent of the Editors office of the «Bulletin USPTU. Science, education, economy. Series economy».

The items of this publication preserve original edition by their authors.

The Editors office do not always share an opinion of authors of the articles published.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ В ОТРАСЛЯХ И СФЕРАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>Леонова Л.Б., Кокшаров В.А.</i> Методологические подходы и критерии оценки формирования и функционирования социально-экономического кластера в сфере ЖКХ	7
<i>Аблаев Р.Р., Кокодей Т.А.</i> Оценка факторов конкурентоспособности авторемонтного предприятия	14
<i>Гилева Т.А.</i> Компетенции и навыки цифровой экономики: разработка программы развития персонала	22
<i>Мухамадиева Э.Ф., Кашипова И.Р.</i> Современное состояние и тенденции развития рынка микрофинансовых услуг в России	36
<i>Шестакович А.Г.</i> Проблемы развития публикационной культуры в научном обществе России	43
<i>Четверикова О.Г., Гирфанова Л.Р.</i> Повышение эффективности развития сырьевой базы легкой промышленности в Российской Федерации	51
<i>Евсейчикова Н.Н.</i> Стандартные вычеты в подоходном налогообложении физических лиц: проблемы, пути решения	60
<i>Степанова А.В.</i> Совершенствование государственного управления в области охраны атмосферного воздуха	67

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

<i>Блаженкова Н.М., Хисаева А.И., Закирова А.Э.</i> Инструментарий повышения эффективности взаимодействия властных и предпринимательских структур при реализации инвестиционных бизнес-проектов	75
<i>Зинатуллина Ю.М., Хисаева А.И., Зинатуллин Р.Р., Маликова Э.Р.</i> Совершенствование инструментария электронной государственной поддержки предпринимательства	81

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

<i>Зайнашева З.Г., Шитов А.О.</i> Социальная стратификация в контексте социальной функции государства	89
<i>Хуснутдинова Л.Г., Старицына О.А.</i> О миграционной ситуации в Республике Башкортостан	96
<i>Гимаев И.З.</i> Методологические принципы социологического исследования институтов социально-политического аудита в России	103

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Сафуанов Р.М., Лехмус М.Ю., Колганов Е.А.</i> Цифровизация системы образования	108
<i>Кондратенко Н.А., Шашкова С.Н.</i> Влияние социально-экономических процессов на развитие системы образования	114
<i>Федосов А.В., Шабанова В.В., Чуркина А.В., Бузрина В.В.</i> Анализ психосоциального состояния и развития профессионально важных качеств студентов направления «Техносферная безопасность»	122
Об авторах	130

CONTENT

ECONOMIC SCIENCE

ECONOMY AND MANAGEMENT IN BRANCHES AND FIELDS OF ACTIVITY

<i>Leonova L.B., Koksharov V.A.</i> Methodological approaches and criteria for assessing the formation and functioning of the socio-economic cluster in the housing and utilities sector	7
<i>Ablaev R.R., Kokodey T.A.</i> Factors of competitiveness increase of car repair company	14
<i>Gileva T.A.</i> Digital economy competencies and skills: staff development program design	22
<i>Mukhamadieva E.F., Kashipova I.R.</i> Modern condition and development trends of microfinance services market in Russia	36
<i>Shestakovich A.G.</i> Problems of publishing culture development in the scientific community of Russia	43
<i>Chetverikova O.G., Girfanova L.R.</i> Improving the efficiency of development of resource base of light industry in Russian Federation	51
<i>Evseichikova N.N.</i> Standard deductions in the income taxation of physical persons: problems, solutions	60
<i>Stepanova A.V.</i> Improvement of state management in atmospheric air protection	67

ENTREPRENEURSHIP

<i>Blazhenkova N.M., Khisaeva A.I., Zakirova A.E.</i> Tools to improve the efficiency of the interaction of authorities and entrepreneurship structures when realizing investment business projects	75
<i>Zinatullina Yu.M., Khisaeva A.I., Zinatullin R.R., Malikova E.R.</i> Improvement of electronic state support tools for entrepreneurship	81

SOCIAL SCIENCE

SOCIAL DEVELOPMENT

<i>Zainasheva Z.G., Shitov A.O.</i> Social stratification as state social functions	89
<i>Khusnutdinova L.G., Staritsyna O.A.</i> On the migration situation in the Republic of Bashkortostan	96
<i>Gimaev I.Z.</i> Methodological principles of a sociological study of the institutions of a socio-political audit in Russia	103

PEDAGOGICAL SCIENCE

DEVELOPMENT OF EDUCATION

<i>Safuanov R.M., Lekhmus M.Yu., Kolganov E.A.</i> Digitalization of the education system	108
<i>Kondratenko N.A., Shashkova S.N.</i> Influence of socio-economic processes on education system development	114
<i>Fedosov A.V., Shabanova V.V., Churkina A.V., Buzrina V.V.</i> Analysis of the psychosocial well-being and development of professionally important qualities of students of a direction «Technosphere safety»	122
About the authors	130

Леонова Л. Б.
Leonova L. B.

*кандидат технических наук, доцент,
докторант, доцент кафедры экономики
и управления строительством
и рынком недвижимости,
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный
университет имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина»,
г. Екатеринбург Российская Федерация*

Кокшаров В. А.
Koksharov V. A.

*доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры экономики
транспорта,
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
университет путей сообщения»,
г. Екатеринбург Российская Федерация*

УДК 338:519.237

DOI: 10.17122/2541-8904-2019-2-28-7-13

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КЛАСТЕРА В СФЕРЕ ЖКХ

В данной работе проведен анализ существующих подходов и критериев оценки формирования и функционирования кластеров. С точки зрения российского опыта, выделены два основных подхода к формированию кластеров — «Сверху вниз» и «Снизу вверх». Выявление кластеров в экономике возможно также на основе данных статистики и экспертных оценок. Среди наиболее значимых подходов для функционирования кластера можно выделить комплексный подход, позволяющий рассмотреть кластер в многообразных аспектах: экономическом, социальном, экологическом, инновационном и политическом. Для оценки кластеров могут применяться различные критерии, например такие, как занятость населения, концентрация производства, производительность кластера.

За рубежом для оценки деятельности кластера применяют такие критерии, как влияние отраслевых особенностей и совместного бренда на изменение конкурентных преимуществ фирм, а также таких факторов, как совокупная занятость и количество фирм в кластере.

Однако данные критерии оценки применялись к промышленным кластерам. Кластер в сфере ЖКХ является социально-экономическим, функционирующим в сфере услуг, имеющим большую социальную и политическую значимость, поэтому он формируется «Сверху вниз», его моделирование осложняется многофакторностью и социальным вектором развития, поэтому критериями оценки и главными показателями эффективности могут служить такие показатели, как социальный эффект от экономии ресурсов и снижение показателя среднемесячной оплаты за ЖКУ, приходящейся на 1 жителя. Это и легло в основу методических расчетов, предложенных авторами статьи. Для «умного микрорайона» на 300 тыс. жителей социальный эффект от формирования кластера может составить 2,9 млрд руб. в год.

Ключевые слова: социально-экономический кластер, комплексный подход, социальный эффект, сфера ЖКХ, оплата за ЖКУ, формирование кластеров, развитие инфраструктуры, критерии оценки кластеров.

METHODOLOGICAL APPROACHES AND CRITERIA FOR ASSESSING THE FORMATION AND FUNCTIONING OF THE SOCIO-ECONOMIC CLUSTER IN THE HOUSING AND UTILITIES SECTOR

In this paper, we analyzed the existing approaches and criteria for evaluating the formation and functioning of clusters. According to Russian experience, two main approaches to the clusters formation have been identified — «Top down» and «Bottom up». Identification of clusters in the economy is also possible on the basis of statistics and expert estimates. Among the most significant approaches to the cluster functioning, we can single out an integrated approach that allows to consider the cluster in various aspects: economic, social, environmental, innovative and political. Various criteria can be used to evaluate clusters, for example, such as employment, production concentration, cluster productivity.

Such criteria as the impact of industry characteristics and a joint brand on changes in the competitive advantages of firms are applied to assess the cluster's activities can be used abroad. They also apply such factors as total employment and the number of firms in the cluster.

However, these evaluation criteria were applied only to industrial clusters. As for the cluster in the housing and utilities sector, we can say, that it is a socio-economic, functioning in the service sector, which has great social and political importance. Therefore, it is formed «Top down», its modeling is complicated by the multi-factorial and development social vector. That is why, the evaluation criteria and the main performance indicators can be indicators such as the social effect of saving resources and the decline in the average monthly payment for utility services per 1 resident. This idea formed the methodological calculations basis proposed by the this article's authors. For a «smart neighborhood» of 300 thousand inhabitants, the social effect of cluster formation can be 2.9 billion rubles per year.

Key words: socio-economic cluster, integrated approach, social effect, housing and utilities sector, housing and utility services, cluster formation, infrastructure development, criteria for evaluating clusters.

В советский период объектами изучения, планирования и управления являлись различные территориально-производственные образования (промышленные узлы, межотраслевые и территориально-производственные комплексы, экономические районы и пр.), получило активное развитие рассмотрение экономики страны как единого народнохозяйственного комплекса (ЕНХК), базирующегося на разделении труда и процессах интеграции [1].

Разделение труда — это система, в соответствии с которой происходит специализация в процессе производства [2]. Кластерный подход позволяет те или иные экономические сферы обеспечивать высококвалифицированными кадрами, специализирующимися в промышленных сферах деятельности.

Интеграция — действие, направленное на долгосрочное сближение стратегических интересов двух или более предприятий. Интегрирующий характер кластерного подхода заключается в возможности комплекс-

ного решения стратегических задач экономического развития: на повышение конкурентоспособности экономики, внедрение инноваций, развитие предпринимательства, развитие инфраструктуры и повышение образовательного уровня.

Экономическая сущность комплекса проявляется в том, что его эффективность выше, чем суммарная эффективность составляющих компонентов, функционирующих изолированно. Принято различать многоотраслевые и межотраслевые комплексы. Межотраслевой комплекс (МОК) — совокупность близких по профилю деятельности технологически связанных отраслей, образующих единый комплекс [1].

К вопросу *формирования кластеров* следует применять комплексный подход, поскольку его деятельность необходимо оценить с точки зрения многообразных аспектов: экономического, социального, экологического, политического, инновационного.

В теоретических исследованиях выделяются два основных подхода при формировании кластера:

1. «Сверху вниз»;
2. «Снизу вверх».

Первый подход применяется для выявления уже сложившихся кластеров, второй — для растущих инновационно передовых кластеров [3]. При этом выделяемые подходы «сверху» и «снизу» различаются не только характером изучаемых объектов (кластеры отраслей или кластеры предприятий), но и используемой информацией и техникой ее обработки.

По мнению Л. Маркова, методы выявления кластеров в экономике региона можно разделить на две большие группы [1]:

- основанные на анализе официальной государственной статистики;
- основанные на экспертных оценках.

Статистические методы могут предоставить большой массив данных и методические указания обрабатываемой информации. Обладают объективностью

Экспертные методы основаны на множестве существующих в настоящее время методик, обладают субъективным мнением экспертов.

Е. Бергман и Е. Фрезер [4] выделяют шесть подходов, которые относятся к межотраслевым методам формирования кластеров:

- мнение экспертов (требуют большой продолжительности исследования и высоких трудозатрат);
- специальные индикаторы (например коэффициенты локализации). Определяются с использованием статистических данных и просты в расчетах, однако они изучают отрасли, а не кластеры;
- таблицы МОБ: торговля;

- таблицы МОБ: инновации (основной метод исследования отраслей и подотраслей);

- теория графов (использование визуализации, программного обеспечения);

- обзоры (сетевой анализ). Позволяют собрать последние и современные данные.

Для оценки кластеров используются следующие критерии [3].

Занятость — абсолютный показатель занятых в кластере работников. Если их более 5000 человек, то такой кластер называют «звезда».

Коэффициент концентрации — абсолютный показатель, определяется как сумма рыночных долей крупнейших фирм, действующих на рынке. Единицами измерения служат доли или проценты. Используется для статистического мониторинга развития отраслей в экономически развитых странах. Региональному кластеру присваивается титул «звезда», если доля занятых в нем превышает среднероссийский показатель для сферы кластера на 30 %.

Коэффициент производительности — это отношение количества продукции, произведенной данной системой за данный период времени, к количеству ресурсов, потребленных для создания производства этой продукции за тот же период. Региональному кластеру присваивается титул «звезда», если доля занятых в нем превышает среднероссийский показатель для сферы кластера на 10 %.

Звездные кластеры — это такие кластеры, которые имеют все три звезды.

В 2018 г. в России работали 25 кластеров, из которых высокий уровень имел 1 кластер, средний — 5, начальный — 19 [5]. В таблице 1 приведены федеральные округа РФ и количество расположенных в них кластеров.

Таблица 1. Количество расположенных кластеров в федеральных округах РФ

Федеральный округ	Всего	Высокий уровень	Средний уровень	Начальный уровень
Приволжский ФО	9	1	3	5
Центральный ФО	6	0	2	4
Северо-Западный ФО	4	0	0	4
Сибирский ФО	4	0	0	4
Уральский ФО	1	0	0	1
Северо-Кавказский ФО	1	0	0	1
Южный ФО	0	0	0	0
Дальневосточный ФО	0	0	0	0

Лидерами по количеству кластеров являются Калужская область (2), Пензенская область (2), Ульяновская область (2), Омская область (2).

Основные показатели промышленных кластеров в России:

— общее количество рабочих мест на предприятиях-участниках промышленных кластеров в 2017 г. составило 5 950 ед.;

— доля высокопроизводительных рабочих мест на предприятиях-участниках промышленного кластера в 2017 г. составила 53,41 % ;

— количество малых и средних предприятий-участников промышленных кластеров в 2017 г. — 15 предприятий.

В работе П. Тикасап (P. Teekasap) применена системно-динамическая модель, которая дает оценку влияния различных факторов, в том числе политических, на эффективность деятельности кластера [6].

М. Сендсмарк (M. Sandsmark) применил в своей модели такие критерии оценки кластера, как влияние отраслевых особенностей и совместного бренда на изменение конкурентных преимуществ фирм, которые входят в кластер [7].

М. Смит (M. Smith) была предложена также системно-динамическая модель кластера, которая оценивает воздействие таких факторов, как совокупная занятость и количество фирм в кластере. Шотландская модель Смита была реализована в некоторых европейских странах и продемонстрировала свою работоспособность [8].

Д. Мартух, Б. Вирджодирджо и И. Ванани (D. Maftuhah, B. Wirjodirdjo и I. Vanany) построили модель кластера для производства комплектующих автопрома, где проработана оценка вклада акционеров, а также финансирования деятельности кластера со стороны государства. По их мнению, оценка этих факторов способствует повышению конкурентоспособности кластера. Также в их работе показано, что интеллектуальное и инновационное сотрудничество внутри кластера, а равно как и правительственные усилия, сильно влияет приток частных инвестиций в

развитие кластера, увеличивая его конкурентоспособность [9].

Л.С. Марков предложил моделирование деятельности кластера с помощью эволюционного подхода [10]. В данной модели оценкой эффективности деятельности кластера для добывающей отрасли (угольной промышленности) главным критерием деятельности кластера на микроуровне является рентабельность фирмы. Модель при определении экономической эффективности учитывает такие показатели, как выручка, издержки, коэффициент использования производственной мощности, а также размеры предприятий, входящих в кластер.

По мнению Л.С. Маркова, особенно тщательного изучения, с точки зрения моделирования и оценки эффективности, заслуживают кластеры крупного бизнеса, где велико значение стартовых условий, а также кластеры в высокоприбыльных отраслях, поскольку для таких систем свойственно наиболее сложнопрогнозируемое поведение [1]. Развитие кластеров с преобладанием малого бизнеса, особенно низкой и средней эффективности, напротив, гораздо более предсказуемо: уровень соперничества обратно зависит от величины издержек на имитацию, что может служить аргументом для обоснования институциональных и инфраструктурных решений, направленных на снижение издержек и улучшения доступа к технологиям для малого бизнеса [1].

Однако все вышеперечисленные кластеры являются промышленными, кластер сферы ЖКХ является кластером сферы услуг, причем социально-экономическим, и для него необходимо выделять другие критерии оценки. Что же касается социально-экономического кластера сферы ЖКХ, то его моделирование осложняется многофакторностью и социальным вектором развития, поэтому критериями оценки и главными показателями эффективности могут служить такие показатели, как социальный эффект от экономии ресурсов и снижение показателя среднемесячной оплаты за ЖКУ, приходящейся на 1 жителя. Этого можно достичь за счет

инновационной составляющей в сфере ЖКХ и внедрения smart технологий, строительства «умных домов» и «умных городов», что, безусловно, повысит конкурентоспособность данной сферы.

«Умные дома» способны на пороге распознавать жильцов и включать отопление при их появлении, кроме того, они способны выключать освещение в пустых комнатах.

В г. Екатеринбурге в районе «Академический» доказано, что при внедрении единой аппаратно-программной системы потребление энергоресурсов снижено на 40 %, а плата за ЖКУ при этом уменьшилась на 25 %. Сегодня в районе проживает порядка 45 тыс. человек, в соответствии с планами там будут иметь жилье порядка 300 тыс. человек. Площадь микрорайона 1,3 тыс. га. Жюри X международного инвестиционного форума по недвижимости PROESTATE признало жилой район «Академический» г. Екатеринбург лучшим проектом комплексного освоения территории (КОТ), наградив премией «Лучшие за 10 лет». Сейчас введен

с эксплуатацию уже 1 млн м². В соответствии с планами их будет 9 млн м².

Авторы данной работы предлагают для расчета социального эффекта и оценки работы социально-экономического кластера в сфере ЖКХ использовать методика, основанную на снижении оплаты за ЖКУ путем экономии энергоресурсов.

Социальный эффект Э для оценки работы социально-экономического кластера для жителей микрорайона с «умными домами» составит:

$$Э = n \cdot p \cdot e,$$

где n — количество жителей, чел.;

p — размер ЖКУ на 1 жителя умного дома или микрорайона в месяц, руб.;

e — экономия за ЖКУ при внедрении инновационных технологий, доли или %.

Экономия для жителей за ЖКУ при строительстве «Умных домов» или социальный эффект в районе «Академический» г. Екатеринбург представлен в таблице 2.

Таблица 2. Социальный эффект при работе социально-экономического кластера на примере района «Академический» г. Екатеринбурга

Показатель	Социальный эффект, тыс. руб.
На весь микрорайон с «умными домами» (количество жителей 45000 чел.), руб./мес.	36 000
На весь микрорайон с «умными домами» (количество жителей 45000 чел.), руб./год	432 000
На весь микрорайон с «умными домами» (количество жителей 300 000 чел.), руб./мес.	240 000
На весь микрорайон с «умными домами» (количество жителей 300 000 чел.), руб./год	2 880 000
На 1 жителя «умного дома», руб./мес.	0,8
На 1 жителя «умного дома», руб./год	9,6
На семью из 3 человек, руб./мес.	2,4
На семью из 3 человек, руб./год	28,8

Таким образом, предложенная в работе методика позволяет применить к формированию и функционированию социально-экономического кластера в сфере ЖКХ комплексный подход, поскольку его деятельность может быть оценена с точки зрения многообразных аспектов: экономического, социального, экологического, политического, инновационного.

Экономический аспект проявляется в снижении платы за ЖКУ, социальный — в

экономии совокупных доходов домохозяйств, экологический и инновационный — в применении инновационных технологий при строительстве «умных домов», позволяющих снижать ресурсопотребление, политический — обеспечение жителей комфортным жильем, позволяющим удовлетворить их потребности и снизить социальную и политическую напряженность в регионе, стране в целом.

Выводы

Таким образом, предложенная в работе методика позволяет применить к формированию и функционированию социально-экономического кластера в сфере ЖКХ комплексный подход, поскольку его деятельность может быть оценена с точки зрения многообразных аспектов: экономического, социального, экологического, политического, инновационного.

Экономический аспект проявляется в снижении платы за ЖКУ, социальный — в

экономии совокупных доходов домохозяйств, экологический и инновационный — в применении инновационных технологий при строительстве «умных домов», позволяющих снижать ресурсопотребление, политический — в обеспечении жителей комфортным жильем, позволяющим удовлетворить их потребности, и снизить социальную и политическую напряженность в регионе и стране в целом.

Список литературы

1. Марков Л.С. Теоретико-методологические основы кластерного подхода. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2015. 300 с.

2. Экономика. Толковый словарь. М.: ИНФРА-М, 2000.

3. Лаврикова Ю.Г. Кластеры как рыночный институт пространственного развития экономики региона: дисс. ... д-ра экон. наук. Екатеринбург, 2009. 490 с.

4. Bergman E., Freser E. *Industrial and Regional clusters: concepts and comparative applications*. Regional Research Institute, West Virginia University, 1999.

5. Сводная статистическая информация геоинформационной системы по кластерам. URL: www.gisip.ru (дата обращения: 05.05.2019.).

6. Teekasap P. Cluster Formation and Government Policy: System Dynamic Approach // Paper Presented at the 27th International System Dynamics Conference, July 26–30, 2009 at Albuquerque, New Mexico. URL: <http://www.systemdynamics.org/conferences/2009/proceed/papers/P1081.pdf> (дата обращения: 05.05.2019.).

7. Sandsmark M. A System Dynamic Approach to Competitive Advantage: the Petro-Industry in Central Norway as a Case Study. URL: <http://www.mfm.no/db/5/2467> (дата обращения: 05.05.2019.).

8. Smith M. Exploring Cluster Dynamics Using Systems Thinking Methodology – International Study. URL: <http://www.yumpu.com/en/document/view/19252515/exploring-cluster-dynamics-using-systems-thinking-methodology> (дата обращения: 26.05.2019.).

9. Maftuhah D. I., Wirjodirdjo B., Vanany I. Modeling of Industrial Cluster Life Cycle in Automotive Component Industry Attempting to Build Knowledge Sharing Collaboration (A System Dynamics Approach) // Proceedings of the Asia Pacific Industrial Engineering & Management Systems Conference. 2012. URL: www.apriems.net/conf2012/M3F1.pdf (дата обращения: 26.05.2019.).

10. Марков Л.С., Петухова М.В. Экономические кластеры: эволюционная перспектива. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-klastery-evolyutsionnaya-perspektiva> (дата обращения: 05.05.2019.).

References

1. Markov L.S. *Teoretiko-metodologicheskie osnovy klasterного podkhoda* [Theoretical and Methodological Foundations of the Cluster Approach]. Novosibirsk, IEEPP SB RAS, 2015. 300 p. [in Russian].

2. *Ekonomika. Tolkovyi slovar'* [Economy. Explanatory Dictionary]. Moscow, INFRA-M Publ., 2000. [in Russian].

3. Lavrikova Yu.G. *Klastery kak rynochnyi institut prostranstvennogo razvitiya ekonomiki regiona: diss. ... d-ra ekon. nauk.* [Clusters as a Market Institution for the Spatial Development of a Regional Economy: Doctor. Econ. Sci. Diss.]. Yekaterinburg, 2009. 490 p. [in Russian].

4. Bergman E., Freser E. *Industrial and Regional Clusters: Concepts and Comparative Applications*. Regional Research Institute, West Virginia University, 1999.

5. *Svodnaya statisticheskaya informatsiya geoinformatsionnoi sistemy po klasteram*

[Summary Statistical Information of Geographic Information System by Clusters]. Available at: www.gisip.ru (accessed 05.05.2019.). [in Russian].

6. Teekasap P. Cluster Formation and Government Policy: System Dynamic Approach. Paper Presented at the 27th International System Dynamics Conference, July 26 – 30, 2009 at Albuquerque, New Mexico. Available at: <http://www.systemdynamics.org/conferences/2009/proceed/papers/P1081.pdf> (accessed 05.05.2019.).

7. Sandsmark M. A System Dynamic Approach to Competitive Advantage: the Petro-Industry in Central Norway as a Case Study. Available at: <http://www.mfm.no/db/5/2467> (accessed 05.05.2019.).

8. Smith M. Exploring Cluster Dynamics Using Systems Thinking Methodology – an International Study. Available at: <http://www.yumpu.com/en/document/view/19252515/exploring-cluster-dynamics-using-systems-thinking-methodology> (accessed 26.05.2019.).

9. Maftuhah D. I., Wirjodirdjo B., Vanany I. Modeling of Industrial Cluster Life Cycle in Automotive Component Industry Attempting to Build Knowledge Sharing Collaboration (A System Dynamics Approach). *Proceedings of the Asia Pacific Industrial Engineering & Management Systems Conference. — 2012.* Available at www.apiems.net/conf2012/M3F1.pdf (accessed 26.05.2019.).

10. Markov L.S., Petukhova M.V. *Ekonomicheskie klasteri: evolyutsionnaya perspektiva* [Economic Clusters: An Evolutionary Perspective]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-klasteri-evolyutsionnaya-perspektiva> [in Russian].

Аблаев Р. Р.
Ablaev R. R.

*преподаватель кафедры
«Экономика предприятия»,
ФГАОУ ВО «Севастопольский
государственный университет»,
г. Севастополь, Российская Федерация*

Кокodeй Т. А.
Kokodei T.A.

*доктор экономических наук,
профессор кафедры «Менеджмент и
бизнес-аналитика»,
ФГАОУ ВО «Севастопольский
государственный университет»,
г. Севастополь, Российская Федерация*

УДК 338.462

DOI: 10.17122/2541-8904-2019-2-28-14-21

ОЦЕНКА ФАКТОРОВ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ АВТОРЕМОНТНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

В России рынок услуг ремонта и технического обслуживания транспортных средств является емким, растущим, характеризуется высокой конкуренцией. В этих условиях проблематика оценки конкурентоспособности и поиска резервов ее роста — крайне актуальная задача. В статье проанализированы трактовки понятия «конкурентоспособность» зарубежными и отечественными исследователями, на основании которых сформулировано авторское определение конкурентоспособности авторемонтного предприятия, согласно которому под этой категорией понимается совокупность возможностей авторемонтного предприятия обеспечивать его преимущество перед конкурентами и стабильное развитие за счет комплексного удовлетворения потребностей потребителей его услуг (диагностика, техническое обслуживание, ремонт) при оптимальном уровне затрат. Методологической основой исследования явилось использование системного подхода, методов логического, экономического и сравнительного анализа, на основании которых в статье проведена классификация факторов конкурентоспособности авторемонтного предприятия с учетом специфики рынка и оказываемых услуг. На основании практического опыта дано подробное описание каждой группы факторов конкурентоспособности, в том числе с выделением составляющих элементов этих факторов, для выработки мероприятий по повышению уровня конкурентоспособности предприятия. Значимость этих факторов в большей части зависит от уровня конкуренции по обслуживанию определенных моделей и/или брендов транспортных средств, экономического состояния региона. Для отбора факторов конкурентоспособности, которые обеспечивают нахождение сильных и слабых сторон компании, их сравнение с лидером, для выявления резервов повышения конкурентоспособности предприятия авторами были сформулированы критерии, с помощью которых можно выбрать группы факторов, оказывающих значительное влияние на уровень конкурентоспособности. Предлагаемый авторами подход к отбору факторов конкурентоспособности позволяет за счет комплексного анализа отобранных факторов выявить резервы увеличения конкурентоспособности предприятия. На основании этих данных становится возможной разработка плана маркетинга для развития конкурентоспособности, роста удовлетворенности как существующих, так и потенциальных клиентов.

Ключевые слова: конкурентоспособность, авторемонтное предприятие, рынок, факторы, критерий отбора, внешняя среда, внутренняя среда, стратегия развития, автосервис, оценка уровня.

FACTORS OF COMPETITIVENESS INCREASE OF CAR REPAIR COMPANY

In Russia, the market for car repair and maintenance services is capacious, growing, and highly competitive. Under these conditions, the issue of assessing competitiveness and finding reserves for its growth is an extremely important task. The article analyzes the interpretation of «competitiveness» concept by foreign and domestic researchers, on the basis of which the author's definition of car repair company competitiveness is formulated, according to which this category means the set of a car repair company possibilities to ensure its competitive advantage and stable development by meeting the needs of its customers (diagnostics, maintenance, repair) at an optimal cost level. The study methodological basis was a systematic approach use, logical methods, economic and comparative analysis, on the basis of which the article classified the factors of car repair company competitiveness, taking into account the specifics of the market and the services provided. On practical experience basis, a detailed description of each competitiveness factors group, including the selection of these factors constituent elements, is given to work out measures to improve the level of an enterprise competitiveness. The these factors significance largely depends on the competition level in servicing certain models and / or car brands, the region economic condition. For the selection of competitiveness factors that ensure the finding of the company's strengths and weaknesses, their comparison with the leader, to identify the reserves for improving the enterprise competitiveness, the authors formulated criteria by which you can select factors groups that have a significant impact on the competitiveness level. The approach proposed by the authors to the selection of competitive factors makes it possible, through a comprehensive analysis of the selected factors, to identify the reserves for increasing the enterprise competitiveness. On these data basis, it becomes possible to develop a marketing plan for the competitiveness development, growth of meeting both existing and potential customer requirements.

Key words: competitiveness, car repair company, market, factors, selection criteria, external environment, internal environment, development strategy, car service, level assessment.

Конкуренентоспособность предприятия и отдельных товаров/услуг — это понятие, которое продолжает дискутироваться в научных кругах, и несмотря на его актуальность и большое прикладное значение не имеет однозначного определения.

В литературе, посвященной маркетингу, много определений понятия «конкуренентоспособность», и это в основном «конкуренентоспособность предприятия» или «конкуренентоспособность товара/услуги».

Одни авторы, среди которых наиболее известны авторы [1, 2] и их отечественные последователи [3, 4], рассматривают, в первую очередь, конкурентоспособность предприятия/фирмы/компании — производителя товаров и услуг, причем основа конкурентоспособности по их мнению — способность удовлетворять нужды/потребности потребителей более качественно. Есть трактовки конкурентоспособности предприятия через свойства, обеспечивающие преимущества или как способность предприятия эффек-

тивно функционировать за счет своих преимуществ [5, 6].

Другие авторы, М. Портер [7] и отечественные исследователи [8, 9] рассматривают конкурентоспособность как свойство товара, услуги, определяя его как способность конкурировать с аналогичными товарами/услугами.

Тема конкурентоспособности авторемонтного предприятия (АРП) начала прорабатываться в последнее время, но эти работы относительно немногочисленны. Однако проблематика оценки уровня конкурентоспособности и управления этим показателем остается актуальной в силу как высокой конкуренции на данном рынке, так и особенностей самих услуг ремонта и обслуживания транспортных средств (ТС).

В результате анализа понятий конкурентоспособности предприятия определим конкурентоспособность авторемонтного предприятия (АРП) как совокупность его возможностей обеспечивать преимущество перед

конкурентами и стабильное развитие за счет комплексного удовлетворения потребностей потребителей его услуг (диагностика, техническое обслуживание, ремонт) при оптимальном уровне затрат.

Основная задача при изучении конкурентоспособности — выявление факторов конкурентоспособности и резервов ее повышения. На сегодняшний день на рынке ремонта и технического обслуживания наблюдается острая конкуренция — по данным информационного сервиса 2ГИС (<https://2gis.ru>) только в 35 городах России с населением более 500 тыс. человек количество автосервисов по состоянию на ноябрь 2015 г. превысило 17600 автосервисных предприятий [10], а в целом в России — более 50 тыс. компаний сейчас связаны с услугами по ремонту и обслуживанию автомобилей [11].

Необходимо систематически отслеживать уровень конкурентоспособности. Анализируя конкурентные позиции на рынке, приоритет нужно отдать факторам, влияющим на отношение потребителей к АРП, — процессам и явлениям в производственно-хозяйственной деятельности предприятия, вызывающим изменение затрат на производство и, как следствие, изменение уровня конкурентоспособности предприятия [12].

Полагаем целесообразным при оценке конкурентоспособности отбирать факторы/показатели в соответствии со следующими критериями:

— в оценке должны участвовать как внутренние, так и внешние показатели;

— приоритет отдается показателям, связанным с оказанием услуг по ремонту и техническому обслуживанию (ТО), комплексные экономические показатели тоже важны, но вторичны, т.к. они только интегрировано выражают результат деятельности и косвенно — уровень конкурентоспособности за прошлые периоды, а нужно определить конкретные направления увеличения конкурентоспособности в будущем;

— отобранные факторы/показатели могут быть изменены АРП в кратко- или среднесрочном периоде;

— должны отбираться однозначно измеримые факторы/показатели, информация для оценки которых должна быть доступна или затраты на ее получение экономически оправданы.

Наиболее фундаментальные исследование факторов конкурентоспособности были проведены М. Портером, который напрямую связывал их с факторами производства: людские ресурсы, физические ресурсы, ресурсы знаний, денежные ресурсы, инфраструктура [7].

Для анализа факторов конкурентоспособности АРП в современных условиях необходимо детализировать эти основополагающие факторы и учесть специфику рынка авторемонтного предприятия. Нельзя не отметить чрезмерно выросшую значимость «ресурсов знаний», т.е. информации как в форме непосредственно знаний, так и технологий, связанных с ее хранением, обменом, использованием в форме программного обеспечения (ПО).

Кроме того, проведем анализ факторов конкурентоспособности АРП, разделив их на внешние и внутренние: внутренние — проявляются при контакте хозяйствующего субъекта с внутренними ресурсами предприятия в ходе решения управленческих задач, а внешние — возникают при взаимодействии предприятия с внешней средой, рынком (рисунок 1).

Внутренние факторы конкурентоспособности

Управление

Управленческий учет и контроль являются залогом контроля финансовой устойчивости АРП, достаточности ресурсов для предпринимаемых инноваций и программ развития, инструментом предупреждения кризисных явлений, аврала, соблюдения сроков работ и прочих обязательств.

Стратегическое планирование. Накопленная информация позволяет моделировать текущую работу и варианты развития АРП в условиях острой конкуренции. Наличие стратегического планирования — это ключ к удержанию и увеличению как доли рынка, так и клиентской базы.

Рисунок 1. Факторы, влияющие на конкурентоспособность авторемонтного предприятия

Информационное обеспечение процесса ремонта и ТО. Необходимо использование информационных технологий для управления процессами оказания услуг, закупки материалов и деталей и управления клиентским потоком. Это обеспечивает соблюдение сроков оказания услуг, уровень дисциплины исполнителей и точность планирования сроков работ, что напрямую определяет количество оказанных услуг и объем выручки. Все это способствует росту конкурентоспособности и удержанию клиентов АРП.

Производственно-техническая база — это количество и оснащенность машино-мест/постов для ремонта ТС, количество подъемников и их грузоподъемность, средства технической диагностики, а для крупных и средних авторемонтных предприятий — наличие токарно-фрезерного участка. Ассортимент услуг, объем выручки, полнота удовлетворения нужд клиентов напрямую определяются производственно-технической базой АРП [13].

Диагностическое оборудование и его программное обеспечение. В связи с ростом технической сложности ТС, стремлением производителей ТС к переходу на программное управление отдельными системами ТС для их диагностики необходимо использовать

современное диагностическое оборудование. Кроме диагностики, т.е. для получения параметров работы ТС, оно применяется для блокировки управляющих сигналов на время ремонта/обслуживания, снятия случайных ошибок внутреннего бортового компьютерных систем (БКС) ТС, записи в БКС ТС сведений об исходных параметрах после ТО, внесение отметки о прохождении ТО.

Инфраструктура. Необходимым фактором конкурентоспособности АРП является наличие парковки для стоянки ТС с площадью, достаточной для приема транспортных средств в ремонт, для хранения транспортных средств в различной степени завершенности ремонта.

Удобство расположения и подъезда — не только наличие удобного подъезда к стоянке АРП, с отсутствием пробок по пути, но и наличие транспортной доступности для получения готовых автомобилей.

Кадровый состав

Обеспеченность персоналом. При всей очевидности данного пункта задача поиска квалифицированных сотрудников АРП и их удержание также актуально, как и для всех инженерно-технических специальностей. Компании успешные в этом направлении

всегда будут в заведомо выигрышной конкурентной позиции.

Уровень квалификации и подготовки кадров — это дополнительный фактор эффективности оказания услуг — основа эффективных решений от правильной диагностики неисправности до выбора технологии ремонта — это основа эффективного использования времени, машиномест, инструмента и, конечном итоге, экономии средств клиента.

Мотивация и уровень трудовой дисциплины. Эффективно действующие мотивационные программы — это важный фактор роста производительности труда, внедрение инноваций в процесс работы, укрепления трудовой дисциплины.

Внешние факторы конкурентоспособности

Государственное воздействие

Нормативно-правовое регулирование — нормативно-правовые документы, регламентирующие процесс обслуживания и ремонта транспортных средств, обязательства и ответственность авторемонтных предприятий за качество и сроки ремонта, срок и объем гарантии. Налоги и сборы, их величина и налогооблагаемая база, установление дополнительного лицензирования отдельных видов ремонта, требования к АРП, имеющих право на выдачу диагностической карты для ОСАГО и степень их ответственности за достоверность результата диагностики.

Административное воздействие — частота и масштабность контрольных мероприятий по контролю условий работы сотрудников АРП, контролю качества и безопасности оказываемых услуг со стороны контролирующих органов. Это важный фактор, так как может влиять на конкурентоспособность АРП за счет трудности соблюдения сроков ремонта из-за возможных предписаний от приостановки работы вплоть до закрытия предприятия, а также создавать дополнительно экономическую нагрузку в виде штрафов.

Экономическое воздействие. Для авторемонтных, автосервисных предприятий в этой сфере регулирования актуальны: а) экономи-

ческая политика органов власти исследуемых регионов, направленная на создание благоприятного инвестиционного климата, осуществление в регионе инфраструктурных проектов, способствующих экономическому росту региона; б) доступность кредита и возможность субсидирования кредитных ставок по договорам закупки нового оборудования и/или инвестиций в производственно-техническую базу АРП.

Конъюнктура рынка — факторы, связанные с характеристиками рынка

Знание рынка (маркетинг) — важный фактор конкурентоспособности, т.к. дает информацию об интенсивности спроса на услуги по обслуживанию и ремонту, о количестве и структуре клиентов по типам и брендам ТС, об условиях работы и ценах конкурентов.

Активность конкурентов. Систематический мониторинг активности и маркетинговых акций конкурентов, используемых ими рекламных каналах, ассортименте их услуг является значимым фактором конкурентоспособности. Эта информация позволяет своевременно реагировать ответными акциями, изменением цен, ассортимента, маркетинговой активности. Необходимо отметить высокую степень взаимного влияния участников рынка ремонта и услуг ТО как и на любом локальном, так и на высококонкурентном рынке.

Положение на рынке. Часто упоминаемый в теории маркетинга показатель «доля рынка» малоприменим на рынке услуг авторемонта. В силу непрозрачности денежных потоков, преобладания на рынке малых предприятий и индивидуальных предпринимателей, большого ассортимента услуг и их технической сложности определение величины показателя доли рынка затруднено, а систематическое отслеживание тем более трудоемко, и поэтому неактуально для большинства АРП. Авторы предлагают заменить этот показатель рейтинговой комплексной оценкой конкурентоспособности услуг АРП относительно ведущего конкурента — суммой взвешенных по весовым коэффициентам (источник — экспертные оценки) оценок

качества услуг по заранее отобранному набору факторов конкурентоспособности. Оценки получаем путем опроса по репрезентативной выборке существующих и потенциальных клиентов авторемонтного предприятия. Кроме общей оценки конкурентоспособности относительно других конкурентов, сравнивая оценки по отдельным факторам с конкурентом-лидером, выявляем факторы, которые нужно улучшить, а приоритет мер определяем, отталкиваясь от весовых показателей факторов конкурентоспособности.

Инновации в отрасли

Новые технологии — рынок сервиса вслед за автомобилестроением испытывает влияние развития технологий. Поэтому знания о новых технологиях — фактор конкурентного преимущества. Необходимо отслеживать на этапе выхода на рынок ТС с новыми технологиями и своевременно, а лучше с опережением конкурентов, внедрять связанные с новыми технологиями диагностическое оборудование и программное обеспечение, и при целесообразности обеспечивать наличие запчастей нового поколения на складе.

Научно-техническое развитие приносит появление новых видов услуг, требует изменений материально-технической базы и изменяет характер конкуренции, что необходимо учитывать при анализе конкурентоспособности.

Кадровый потенциал. Учитывая большое количество конкурирующих на рынке авторемонта и автосервиса предприятий, возможность привлечения квалифицированных кадров — важный ресурс для роста конкурентоспособности. Возникает необходимость создания и отбора трудовых резервов за счет привлечения учащихся профильных ПТУ для прохождения практики и стимулирования передачи опыта квалифицированных сотрудников молодежи. Это создает резерв замены и дисциплинирует коллектив, способствует укреплению трудовой дисциплины, увеличению точности соблюдения сроков ремонта.

Использование современных технологий маркетинга. Увеличивается проникновение современных технологий передачи и обмена

информацией в жизнь потребителей — в 2017 г. уровень проникновения Интернета в России вырос с 70,4 % до 72,8 % среди населения 16+, а аудитория мобильного интернета выросла на 20 % — с 47 % до 56 %. На начало 2018 г. доступом в Интернет со смартфонов пользовались больше половины взрослых жителей России (51,5 %) [14]. Также Интернет и мобильные технологии активно развиваются в бизнес-среде — среди настоящих и потенциальных клиентов авторемонтного предприятия. Необходимо эффективно применять новые маркетинговые технологии, т.к. все больше будет увеличиваться количество людей в экономически активном возрасте, выросших в условиях интерактивного использования Интернета и разнообразных приложений для мобильных устройств. Как конкурентное преимущество для многих авторемонтных предприятий была бы в этом аспекте интеграция их информационных систем с приложениями для мобильных устройств с целью обеспечения: а) первичного контакта с клиентом; б) оперативного информирования о стадиях ремонта ТС, согласования необходимых дополнительных работ и запчастей и в) информирования о завершении работ.

Выводы

На сегодняшний день понятие «конкурентоспособность предприятия» не имеет однозначного определения, тем более не определено понятие «конкурентоспособность для авторемонтного предприятия». Это во многом объясняется как особенностями адаптации теории к практике, так и особенностями рынка услуг по ремонту и технического обслуживания.

В результате анализа существующих подходов к понятию «конкурентоспособность предприятия» авторы предложили свое определение конкурентоспособности авторемонтного предприятия. Определение конкурентоспособности авторемонтного предприятия и его услуг остается актуальной задачей и подразумевает комплексный анализ конкуренции в регионе и основных аспектов маркетинга и экономики изучаемого авторемонтное предприятия для выявления резервов

роста конкурентоспособности и развития предприятия. Авторами предлагается под этой категорией понимать совокупность возможностей авторемонтного предприятия обеспечивать его преимущество перед конкурентами и стабильное развитие за счет комплексного удовлетворения потребностей потребителей его услуг (диагностика, техническое обслуживание, ремонт) при оптимальном уровне затрат.

Описанные в статье факторы конкурентоспособности характеризуют как внутренние, так и внешние факторы конкурентоспособности авторемонтного/автосервисного предприятия с учетом специфики работы и особенностей данного рынка. Их значимость

зависит от уровня конкуренции по обслуживанию определенных моделей и/или брендов транспортных средств, экономического состояния региона.

Предлагаемый авторами подход к отбору факторов конкурентоспособности позволяет за счет комплексного анализа отобранных факторов с наименьшей трудоемкостью выявить резервы увеличения конкурентоспособности предприятия. На основании этих данных становится возможной разработка рационального плана маркетинга для развития конкурентоспособности авторемонтного предприятия, роста удовлетворенности как существующих, так и потенциальных клиентов.

Список литературы

1. Макдоналд М. Сегментирование рынка: практическое руководство. М.: Дело и сервис, 2012. 288 с.
2. Ламбен Жан-Жак. Менеджмент, ориентированный на рынок. Стратегический и операционный маркетинг. СПб.: Питер, 2008. 800 с.
3. Чернов В.А. Экономический анализ: торговля, общественное питание, туристический бизнес. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 686 с.
4. Лебедева О.А. Маркетинговые исследования рынка. М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2012. 192 с.
5. Захаров А.Н. Конкурентоспособность предприятия: сущность, методы, оценки и механизмы увеличения // Бизнес и банки. 2004. № 1-2.
6. Хруцкий В.Е. Современный маркетинг: настольная книга по исследованию рынка. М.: Финансы и статистика, 2002. 528 с.
7. Портер М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов. М.: Альпина Бизнес Букс, 2010. 454 с.
8. Кретов И.И. Организация маркетинга на предприятии. М.: Юристъ, 2009. 96 с.
9. Фатхутдинов Р.А. Конкурентоспособность: экономика, стратегия, управление. М.: Инфра-М, 2008. 312 с.
10. За рулем.рф. В России становится больше автосервисов. URL: <http://www.zr.ru/content/news/828579-v-rossii-stanovitsya->

[bolshe-avtoservisov](http://www.zr.ru/content/news/828579-v-rossii-stanovitsya-bolshe-avtoservisov) (дата обращения: 12.05.2019).

11. Грамматчиков А. Автосервисы: игра на выбывание // Expert Online. 2016. URL: <http://expert.ru/2016/05/28/avtoservisyi> (дата обращения: 12.05.2019).

12. Васильева Н.А., Матеуш Т.А., Миронов М.Г. Экономика предприятия. М.: Юрайт, 2011. 192 с.

13. Исследование GfK: Проникновение Интернета в России. 2017. URL: <https://www.gfk.com/ru> (дата обращения: 12.05.2019).

14. Аблаев Р.Р. Методика оценки направлений развития производственно-технической базы авторемонтного предприятия для увеличения конкурентоспособности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. № 1-1. С. 88-95.

References

1. MakDonald M. *Segmentirovanie rynka: Prakticheskoe rukovodstvo* [Market Segmentation: a Practical guide]. Moscow, Delo i servis, 2012. 288 p. [in Russian].
2. Lamben Zhan-Zhak. *Menedzhment, orientirovanniy na rynek. Strategicheskii i operatsionnyi marketing* [Market-Oriented Management. Strategic and Operational Marketing]. Saint-Petersburg, 2008. 800 p. [in Russian].

3. Chernov V.A. *Ekonomicheskii analiz: trgovlya, obshchestvennoe pitanie, turistskii biznes* [Economic Analysis: Trade, Catering, Tourism]. Moscow, YUNITI-DANA, 2003. 686 p. [in Russian].
4. Lebedeva O.A. *Marketingovye issledovaniya rynka* [Market Research]. Moscow, INFRA-M, 2012. 192 p. [in Russian].
5. Zakharov A.N. *Konkurentosposobnost' predpriyatiya: sushchnost', metody, otsenki i mekhanizmy uvelicheniya* [Competitiveness of the Enterprise: Essence, Methods, Estimates and Mechanisms of Increase]. *Biznes i banki — Business and Banks*, 2004, No. 1–2. [in Russian].
6. Khrutskii V.E. *Sovremennyi marketing: nastol'naya kniga po issledovaniyu rynka* [Modern Marketing: Handbook of Market Research]. Moscow, Finance and Statistics, 2002. 528 p. [in Russian].
7. Porter M. *Konkurentnaya strategiya: Metodika analiza otraslei i konkurentov* [Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors]. Moscow, Alpina Business Books, 2010. 454 p. [in Russian].
8. Kretov I.I. *Organizatsiya marketinga na predpriyatii* [Organization of Marketing in the Enterprise]. Moscow, Jurist, 2009. 96 p. [in Russian].
9. Fatkhutdinov R.A. *Konkurentosposobnost': ekonomika, strategiya, upravlenie* [Competitiveness: Economy, Strategy, Management]. Moscow, INFRA-M, 2008. 312 p. [in Russian].
10. *V Rossii stanovitsya bol'she avtoservisov* [There are More Service Stations in Russia]. Available at: <http://www.zr.ru/content/news/828579-v-rossii-stanovitsya-bolshe-avtoservisov> (accessed 12.05.2019). [in Russian].
11. Grammatichikov A. *Avtoservisy: igra na vybyvanie* [Garages: the Knockout Game]. Available at: <http://expert.ru/2016/05/28/avtoservisy/> (accessed 12.05.2019). [in Russian].
12. Vasil'eva N.A., Mateush T.A., Mironov M.G. *Ekonomika predpriyatiya* [Enterprise Economy]. Moscow, Yurayt, 2011, 192 p. [in Russian].
13. *Issledovanie GfK: Proniknovenie Interneta v Rossii 2017* [The GfK Research: Internet Penetration in Russia to 2017]. Available at: <https://www.gfk.com/ru> (accessed 12.05.2019). [in Russian].
14. Ablaev R.R. *Metodika otsenki napravlenii razvitiya proizvodstvenno-tekhnicheskoi bazy avtoremontnogo predpriyatiya dlya uvelicheniya konkurentosposobnosti* [Methods of Assessment of Directions of Development of Production and Technical base of the Car Repair Enterprise to Increase Competitiveness]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta — Izvestiya Tula State University*, 2018, No. 1-1, pp. 88-95. [in Russian].

Гилева Т. А.

Gileva T. A.

*доктор экономических наук, доцент,
доцент кафедры «Проектный менеджмент
и экономика предпринимательства» Института экономики
и сервиса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной
технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация*

УДК 658.3

DOI: 10.17122/2541-8904-2019-2-28-22-35

КОМПЕТЕНЦИИ И НАВЫКИ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: РАЗРАБОТКА ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ ПЕРСОНАЛА

Представлен анализ различных подходов к выделению компетенций и навыков цифровой экономики. Определено понятие цифровых компетенций как характеристики способностей человека (гражданина, работника, студента) использовать информационно-коммуникационные технологии в различных контекстах (работа, досуг, обучение) с целью повышения результативности деятельности. Показано, что владение цифровыми технологиями («жесткие» навыки) является необходимым, но недостаточным условием обеспечения конкурентоспособности компании. Подчеркнута ведущая роль «мягких» навыков, объединяющих когнитивные способности (логическое и креативное мышление, комплексное решение проблем, скорость и гибкость в принятии решений) и социально-поведенческие аспекты (готовность получения нового опыта, навыки межличностного и межкультурного общения, клиентоориентированность, умение работать в команде, эмоциональная стабильность). Сделан вывод о нецелесообразности разработки и применения обобщенной универсальной модели цифровых компетенций и навыков. Предложен подход к формированию модели компетенций компании в виде иерархически упорядоченного перечня по трем группам цифровых компетенций и навыков: работа с цифровыми технологиями; мышление и поведение, необходимое для успеха в цифровой экономике; профессионально-ориентированные навыки в сфере как производственных, так и управленческих технологий. При определении перечня актуальных для компании цифровых компетенций и навыков рекомендовано ориентироваться на выбранную стратегию цифровой трансформации и величину разрыва между текущим и целевым уровнями цифровой зрелости компании. Сформирована схема разработки программы развития персонала как совокупности методов обучения, ориентированных на преодоление выявленных разрывов компетенций. Разработана матрица ранжирования компетенций, позволяющая определить приоритетные для развития компетенции по критериям важности и проблемности. Определены критерии выбора методов обучения персонала (стоимость, продолжительность, практикоориентированность, профессиональность и комплексность обучения) и дана характеристика наиболее распространенных методов по выделенным критериям. Предложен алгоритм выбора метода обучения на основе обеспечения необходимых результатов с минимально возможными затратами времени и ресурсов. Отмечены перспективы развития цифровых образовательных технологий и необходимость преобразования организационной культуры как драйверы формирования цифровых компетенций и навыков персонала компании.

Ключевые слова: цифровые компетенции, жесткие и мягкие навыки, модель компетенций компании, разрыв компетенций, программа развития, трансформация образовательных технологий.

DIGITAL ECONOMY COMPETENCIES AND SKILLS: STAFF DEVELOPMENT PROGRAM DESIGN

The analysis of various approaches to the allocation of digital economy competencies and skills is presented. The digital competencies concept as a human abilities characteristic (citizen,

employee, student) to use information and communication technologies in various contexts (work, leisure, training) in order to improve performance is defined. It is shown that the digital technologies possession («hard» skills) is a necessary but not sufficient condition for ensuring the company's competitiveness. The leading role of «soft» skills that combine cognitive abilities (logical and creative thinking, complex solution of problems, speed and flexibility in decision-making) and socio-behavioral aspects (readiness for obtaining new experiences, skill of interpersonal and intercultural communication, the customer focus, the ability to work in team, emotional stability) is underlined. Irrelevance of the development and application of a generalized universal model of digital competencies and skills is summarised. An approach to the formation of a company's competence model in the form of a hierarchically ordered three groups list of digital competencies and skills (work with digital technologies; thinking and behavior necessary for success in a digital economy; professional-oriented skills in both industrial and managerial technologies) is proposed. In determining the relevant digital competencies and skills for the company list, it is recommended to focus on the chosen digital transformation strategy and the gap between the current and target levels of the company's digital maturity. A scheme for the staff development program as a training methods set aimed at overcoming identified competence gap is formed. A matrix for ranking competencies, which makes it possible to determine priorities for the competencies development by criteria of importance and problematicity is developed. Criteria for the personnel training methods selection (cost, duration, practice-oriented, professionalism and complexity of training) are defined and the characteristics of the most common methods for the selected criteria are given. An algorithm for choosing a learning method based on providing the required results with the lowest possible time and resources is proposed. The prospects for the digital educational technologies development and the need to transform the organizational culture as drivers of the company staff digital competencies and skills formation are noted.

Key words: digital competencies, soft and hard skills, company's competence model, competence gap, development program, education technologies transformation.

Актуальность осуществления цифровых преобразований в компаниях различных сфер экономики возрастает с каждым годом. Это связано как с возможностями, появляющимися с развитием цифровых технологий, так и с риском потери конкурентоспособности.

Согласно проведенному компанией Cisco анализу, влияние цифровизации будет в 10 раз превышать влияние Интернета. International Data Corporation (IDC) оценивает экономическую ценность цифровой трансформации в 20 трлн долларов или более 20 % валового внутреннего продукта [1]. В отчете, подготовленном экспертной группой Digital McKinsey, потенциальный эффект от цифровизации экономики России к 2025 г. оценивается в 4,1–8,9 млрд руб. или 19–34 % от общего роста ВВП. Правда в настоящее время эта доля составляет порядка 4 % и в несколько раз ниже соответствующих показателей для стран — цифровых лидеров Европы и США. Источниками прироста ВВП являются: оптимизация производственных и логистических операций, повышение производительности оборудования, сокращение

времени и рост эффективности НИОКР и разработки новых продуктов, снижение расхода ресурсов и производственных потерь [2]. Это возможности.

Теперь о рисках, связанных с отсрочкой начала цифровых преобразований. Выжидательная позиция руководителей многих компаний обуславливается неравномерностью цифрового развития отраслей, наглядно проиллюстрированной в концепции «цифрового вихря» («Digital Vortex») [1]. Так, в соответствии с проведенным компанией Cisco анализом, отраслями, наиболее подверженными изменениям, являются: hi-tech, средства массовой информации и сфера развлечений, розничная торговля, финансовые услуги и телекоммуникации. Промышленное производство, нефть и газ находятся ближе к концу списка (из 12 рассмотренных отраслей 8 и 11 места соответственно). Риск «опоздания» возрастает еще и потому, что изменяется сама динамика конкуренции: существенно увеличиваются скорость изменений и размеры ставок (исчезают не только отдельные компании, но и целые отрасли). Опрошенные руководи-

тели считают, что в среднем примерно четыре из десяти ведущих отраслевых предприятий будут уничтожены в ходе цифровой революции в ближайшие пять лет. Число вытесненных компаний колеблется от 4,3 из 10 в сфере телекоммуникаций до 2,5 — в нефтегазовой области [1]. В российской экономике также отмечается неравномерность цифрового развития отраслей: топ-3 отраслей, считающих свой прогресс в цифровой трансформации наиболее продвинутым — ИТ и разработка программного обеспечения, телекоммуникации, банковский сектор и финансовые услуги. Топ-3 отраслей, считающих свой прогресс в цифровой трансформации незначительным, — нефть и газ, торговля, промышленное производство [3].

Аналитическое агентство NAFI совместно с фондом «Сколково» провело в 2017 г. оценку индекса готовности российских компаний к цифровым изменениям [4]. Объектами анализа выступали как компании из «традиционных» отраслей экономики, так и 120 высокотехнологичных стартапов, получивших статус участников проекта «Сколково». По результатам оценки, компании из традиционных секторов показали низкий уровень цифровой готовности — 36 % из 100. Для высокотехнологичных стартапов индекс цифровой готовности составил 49 %. Основная проблемная зона для обеих групп — низкий уровень развития человеческого капитала. Последний вывод подтверждается и исследованием «Цифровая трансформация в России», проведенным в 2018 г. российской консалтинговой компанией в области цифровой трансформации — Команда-А (KMDA) [3]. По результатам опроса в качестве главных препятствий цифровой трансформации были названы: недостаточные компетенции и навыки (64,1 % опрошенных) и нехватка квалифицированных кадров (60,9 %).

Таким образом, первоочередным условием успешности осуществления преобразований, необходимых для обеспечения конкурентоспособности компаний в условиях цифровой экономики, является развитие «мягких» факторов: организационной культуры и

человеческого капитала, подготовка квалифицированных кадров на основе развития необходимых компетенций и навыков. С другой стороны, за последние несколько лет существенно изменился состав наиболее востребованных компетенций и навыков, появились новые методы обучения, что требует пересмотра и уточнения существующих подходов к разработке программ развития персонала.

Навыки и компетенции цифровой экономики

В настоящее время существует достаточно много подходов к выделению приоритетных компетенций, наиболее востребованных в ближайшем будущем. Прежде чем перейти к анализу конкретных перечней, необходимо отметить следующее:

1) необходимо учитывать, что при разработке рекомендаций могут рассматриваться различные категории людей: население в целом (с позиций обеспечения базовой цифровой грамотности), сотрудники компаний и «продвинутые» ИТ-специалисты;

2) анализируется как состав собственно «цифровых» компетенций, так и «компетенций будущего». При этом сами цифровые компетенции могут пониматься как в узком смысле — с позиций ИТ-специалистов, так и в широком. В последнем случае они в значительной степени соответствуют более общим подходам к определению наиболее востребованных в будущем компетенций, поскольку будущее в значительной степени определяется именно развитием и распространением цифровых технологий;

3) существуют определенные различия в применяемой терминологии. Часто термины «компетенции» и «навыки» применяются как синонимы. Но в ряде случаев отмечается наличие между ними определенных отличий [5, 6].

Так, в работе [5] подчеркивается, что понятие компетенций согласуется с Европейской рамкой квалификаций (EQF), включающей:

— знания (Knowledge) — совокупность фактов, принципов, теорий и практик, усвоенных посредством обучения;

— навыки (Skills) — как способность применять знания и использовать ноу-хау для решения задач. При этом в составе навыков выделяются инструментальные, предполагающие использование определенных материалов, методов и инструментов, и когнитивные, основанные на применении логического, интуитивного и творческого мышления;

— отношения (Attitudes) — характеризуют мотивацию к деятельности, ответственность и автономность.

Компетенции (Competence) являются элементом высшего уровня, включающим знания, навыки и то, как они применяются в определенных контекстах, то есть компетенции — это способность и мотивированность к использованию знаний и навыков в различных контекстах, таких как работа, досуг или обучение [5].

Аналогичный вывод делают авторы работы [6], содержащей наиболее развернутый анализ различных вариантов применения терминов «компетенции» и «навыки». При этом в исследовании отмечается факт наиболее частого использования их в качестве синонимов. Поскольку знания являются необходимым условием формирования навыков, основное отличие заключается в «отношенческом» аспекте. Без его учета перечни навыков и компетенций имеют очень близкое содержание, поэтому в данной работе отличия между навыками и компетенциями учитываться не будут.

Таким образом, цифровые компетенции — это общий термин, используемый для характеристики способностей человека (гражданина, сотрудника, студента и др.) использовать информационно-коммуникационные технологии в определенном контексте.

Дадим краткую характеристику наиболее распространенных подходов к выделению компетенций и навыков цифровой экономики.

1. Доклад всемирного банка о мировом развитии «Цифровые дивиденды» [7]. Все виды навыков, востребованных в современной экономике, объединены в три группы:

— когнитивные — математические и когнитивные навыки более высокого уровня

(например, логическое и креативное мышление), умение решать проблемы, вербальная грамотность, память и быстрота мышления;

— социальные и поведенческие — готовность получать новый опыт, добросовестность, экстраверсия, такт и эмоциональная стабильность, готовность к компромиссам, принятие решений и навыки межличностного общения;

— технические — знание методов, умение работать с материалами, механизмами и инструментами; технические навыки, приобретенные в процессе обучения или профессиональной подготовки по окончании средней школы, либо в процессе трудовой деятельности; навыки, необходимые для работы по конкретной профессии.

2. Топ-10 ключевых навыков, которые по мнению аналитиков Всемирного Экономического форума (World Economic Forum) необходимы для успешной работы в условиях четвертой промышленной революции [8]: комплексное решение проблем, критическое мышление, креативность, управление людьми, умение работать с людьми, навыки координации, взаимодействия, эмоциональный интеллект, суждение и скорость принятия решений, клиентоориентированность (сервисная ориентация — Service Orientation), способность согласования и ведения переговоров, когнитивная гибкость. При этом отмечается, что через пять лет более трети навыков (35 %), которые считаются важными в современной рабочей силе, изменятся.

3. Модель цифровых компетенций DigComp [9] имеет пять областей компетенций: компетенции в области информации и данных (Information and Data Literacy Competence); компетенции в области коммуникаций и сотрудничества (Communication and Collaboration Competence); компетенции в создании цифрового контента (Digital Content Creation Competence); компетенции в области безопасности (Safety Competence); решение проблем (Problem Solving). Всего выделена 21 компетенция. Преимуществом данной модели является наличие развернутых оценочных шкал по 8 уровням квалификаций EQF. Устанавливаются следующие уровни

развития компетенций: базовый (Foundation), соответствующий 1 и 2 уровням квалификации, промежуточный (Intermediate) — 3 и 4 уровни, продвинутый (Advanced) — 5 и 6 уровни, высокоспециализированный (Highly Specialised) — 7 и 8 уровни квалификации.

4. Модель фундаментальных навыков цифровой экономики (The New Foundational Skills of the Digital Economy), разработанная компанией Burning Glass [10]. Burning Glass Technologies предоставляет аналитику рынка труда, которая позволяет работодателям, работникам и преподавателям принимать решения в области управления персоналом. В режиме реального времени на основе технологии искусственного интеллекта компания анализирует сотни миллионов рабочих мест и реальных карьерных переходов, что позволяет понять, какие рабочие места наиболее востребованы, какие навыки требуются работодателям, и какие профессии могут предложить работникам наибольший потенциал.

Модель состоит из четырех блоков, в рамках которых определяются соответствующие перечни фундаментальных навыков:

— личные навыки (Human Skills) — критическое мышление, творческий подход, аналитические рассуждения, коммуникации и сотрудничество;

— базовые знания по сферам (Domain Knowledge) — стратегия, экономика, маркетинг, коммуникации/связи с общественностью, развитие талантов/управление человеческими ресурсами, исследования и разработка/разработка продукта;

— цифровые навыки (Digital Building Block Skills) — анализ данных, Big Data и управление данными, разработка программного обеспечения, обеспечение информационной безопасности;

— навыки бизнес-реализации (Business Enabler Skills) — управление проектом, принятие решений, визуализация и передача данных.

В данной модели также выделяются уровни развития компетенций:

— базовые компетенции (Baseline Competencies) предоставляют возможность пони-

мать и ориентироваться в широком разнообразии ролей, проблем и возможностей. Они формируют платформу, на которой люди могут накопить дополнительный опыт для развития новых компетенций и получения квалификации для более технически продвинутых рабочих мест в будущем;

— ключевые компетенции (Core Competencies) основаны на базовых компетенциях и необходимы для получения более высокооплачиваемой работы в более специализированных областях. В отличие от базовых компетенций, которые с меньшей вероятностью кардинально изменятся в ближайшем будущем, ключевые компетенции со временем развиваются, что требует постоянного обучения в течение всей карьеры;

— отличительные компетенции (Distinguishing Competencies) — это высоко ценимые способности, усвоенные специалистами-практиками, часто в определенном подразделении компании или в определенной области навыков. Они основаны на базовых и основных компетенциях, и их ценность наиболее высока как потому, что их предложение невелико, так и потому, что они позволяют командам и организациям достигать более сложных и трудных целей.

5. По результатам исследования компании BCG «Россия 2025. От кадров к талантам» [11] предложена целевая модель компетенций–2025, имеющая три уровня иерархии компетенций/навыков. На первом уровне выделены три укрупненные группы навыков (когнитивные, социально-поведенческие и информационные), в рамках каждой из которых выделены конкретные компетенции с их последующей детализацией. Так, к когнитивным навыкам отнесены: саморазвитие (включающее самосознание, обучаемость, восприятие критики и обратную связь, любознательность), организованность (организация своей деятельности и управление ресурсами), управленческие навыки (умение расставлять приоритеты, постановка задач, формирование команд, развитие и мотивирование других, делегирование), а также достижение результатов, решение нестандартных задач и адаптивность. В группу социально-

поведенческих навыков включены коммуникация, межличностные навыки и межкультурные взаимодействия; в группу цифровых навыков объединены управление информацией и создание систем.

6. Аналитики HR-клуба Сколково [12] выделили четыре основных тренда, определяющих требования к персоналу в ближайшем будущем: обучение на протяжении всей жизни (Life Long Learning), всепроникающая цифровизация, глобальность и плоские организационные структуры, а также возрастающие роли надпредметных компетенций. Этим тенденциям соответствуют три группы компетенций:

— ключевые компетенции, общие для всех профессий: мультидисциплинарность, мультикультурные многоязыковые среды, программирование как базовый навык, работа в распределенных ИТ-насыщенных средах;

— надпредметные навыки: мышление, ориентированное на решение проблем и создание возможностей, предпринимательские компетенции (способность действовать в неопределенности и брать ответственность), творческие способности, умение сотрудничать, эмпатия и эмоциональный интеллект, «этика ответственности» (перед обществом и природой);

— мета-компетенции: умение концентрироваться и управление вниманием, гибкость, адаптивность, внутренняя устойчивость, «настрой на развитие» (Growth Mindset), способность разучиваться и переучиваться в течение всей жизни.

7. Надпрофессиональные навыки и умения, выделенные в рамках проекта «Атлас новых профессий» [13]: системное мышление, навыки межотраслевой коммуникации, умение управлять проектами и процессами, программирование ИТ-решений/управление сложными автоматизированными комплексами/работа с искусственным интеллектом, клиентоориентированность, умение работать с запросами потребителя, мультиязычность и мультикультурность, умение работать с коллективами, группами и отдельными людьми, работа в режиме высокой неопреде-

ленности и быстрой смены условий задач, способность к художественному творчеству, наличие развитого эстетического вкуса, бережливое производство.

Таким образом, состав компетенций и навыков, которыми должен обладать сотрудник конкурентоспособной в цифровой экономике компании, является достаточно обширным и разнообразным. Попытка развить все навыки одновременно, скорее всего, приведет к распылению ресурсов и большой «незавершенке» при низких результатах. Для того, чтобы разработать эффективную (сбалансированную по ресурсам и результатам) программу развития персонала, необходимо ответить на три ключевых вопроса:

— чему учить? Прежде всего, следует сформировать перечень приоритетных для развития компетенций и навыков;

— кого учить? Провести оценку персонала и выбрать тех сотрудников, которые нуждаются в развитии компетенций в первую очередь;

— как учить? Выбрать наиболее целесообразные по соотношению результат / затраты методы обучения.

Формирование перечня цифровых компетенций и навыков компании

Первым шагом на пути формирования перечня приоритетных для развития компетенций компании является сравнительный анализ разработанных моделей. Так, в работе [6] проведен выборочный анализ 13 моделей информационной грамотности, в соответствии с которым сделаны следующие ключевые выводы:

— выделено несколько укрупненных направлений формирования цифровых навыков и компетенций (технические и операционные, информационные и когнитивные, стратегические и навыки создания цифрового контента);

— сделан вывод о несбалансированном внимании к определенным навыкам и компетенциям в ущерб другим;

— выдвинута гипотеза о возможности разработки всеобъемлющей универсальной структуры цифровых навыков и компетенций.

По результатам анализа восьми источников «компетенций будущего», проведенного аналитиками компании ЭКОПСИ консалтинг [14], выделены 10 кластеров компетенций, наиболее часто встречающихся в исследованных моделях:

— взаимодействие и сотрудничество с другими людьми (кластер содержит 23 компетенции и встречается в 100 % рассмотренных моделей);

— аналитическое мышление и решение проблем (15 компетенций, в 100 % рассмотренных моделей);

— инновационность и креативность (10 компетенций, 88 %);

— обучаемость и открытость новому (13 компетенций, 75 %);

— цифровые знания и навыки (10 компетенций, 75 %);

— осознанность и управление собой (10 компетенций, 63 %);

— междисциплинарное и межкультурное взаимодействие (9 компетенций, 63 %);

— этика и социальная ответственность (5 компетенций, 50 %);

— управление людьми, проектами, процессами, ресурсами (8 компетенций, 38 %);

— ориентация на достижение результата (4 компетенции, 25 %).

Оригинальный подход к формированию перечня актуальных для конкретной компании цифровых компетенций и навыков предложен в исследовании [15], проведенном совместно крупнейшим онлайн-сообществом для профессионалов в области обучения Великобритании Trainingzone и образовательной технологической компанией Skillsoft — лидером в области корпоративного обучения на основе облачных технологий. По результатам анализа составлено своеобразное «меню» (Shopping List) из 20 компетенций, ориентируясь на которые компаниям предлагается составлять актуальные для себя списки. Рекомендуются следующий порядок использования списка-«меню»:

1) посмотрите на свои организационные цели и сопоставьте предлагаемый перечень с ними;

2) оцените свои работы и работников, определите существующий разрыв в цифровых навыках;

3) оцените свои цели и условия обучения, чтобы внести соответствующие изменения.

Таким образом, можно сделать ряд выводов относительно навыков и компетенций, необходимых компаниям в цифровой экономике.

Первое. Построение универсальной модели цифровых компетенций не представляется целесообразным, поскольку кроме трудоемкости разработки, она будет обладать излишней избыточностью, и в силу ограниченности ресурсов и времени не сможет быть реализована полностью в большинстве компаний, особенно на ранних этапах цифровой трансформации. Однако как конкретные модели, так и результаты их сравнительного анализа являются необходимой исходной информацией для формирования перечня цифровых компетенций компании.

Второе. Наиболее целесообразным подходом к формированию перечней являются иерархические списки, когда выделяется несколько укрупненных групп компетенций с последующей детализацией. Такой подход, во-первых, наглядно отражает логику формирования компетенций, во-вторых, позволяет учесть специфику конкретной компании, обеспечить соответствие организационным целям.

Третье. С позиций возможности применения универсальных решений представляется целесообразным выделить три укрупненные группы компетенций и навыков цифровой экономики:

— навыки работы с цифровыми технологиями;

— мышление и поведение, необходимые для достижения успеха в цифровой экономике, включая навыки межличностных и межкультурных коммуникаций. Эта группа компетенций должна тщательно проверяться в процессе подбора сотрудников, а также поддерживаться соответствующей организационной культурой;

— профессионально-ориентированные навыки (ноу-хау), характерные для конкрет-

ной отрасли, в составе которых рассматриваются аспекты как производственных, так и управленческих технологий.

Представленная группировка наиболее близка к подходу Всемирного банка [7], только в третьей группе компетенций делается акцент на необходимость учета специфики деятельности компании. Формирование состава компетенций и навыков этой группы представляет наибольшую сложность, а их развитие является основной задачей корпоративного обучения.

Предлагается в качестве основного ориентира при определении перечня приоритетных для развития компетенций использовать стратегию цифровой трансформации предприятия. В соответствии с [16], стратегия цифровой трансформации, в отличие от функциональной ИТ-стратегии, относится к уровню бизнес-стратегий и разрабатывается для того, чтобы позволить компании максимально использовать возможности цифровых технологий по всем аспектам бизнеса (отношениям с клиентами, бизнес-моделям, операциям и др.) для создания и укрепления конкурентных преимуществ. При этом основные требования к разработке бизнес-стратегий остаются в силе и для стратегии цифровой трансформации: систематический и непрерывный анализ внешней среды (технологических, экономических и политических факторов, потребительских предпочтений и конкурентов), учет внутренних возможностей и компетенций предприятия, формирование видения будущего (предоставляемых услуг, источников создания и получения стоимости, факторов дифференциации), конкретизация целевых ориентиров на основе ключевых показателей эффективности (Key Performance Indicators, KPI).

Одной из ключевых особенностей разработки является оценка цифровой зрелости

компании на этапе анализа ее внутренних возможностей. Для проведения такой оценки разработано достаточно большое количество моделей, краткий сравнительный анализ которых приведен в работе [17]. В основном оценка ведется по пяти укрупненным направлениям: стратегия и бизнес-модель, потребители, организационная культура и персонал, операционные процессы и информационные технологии. Для реализации выбранной стратегии компания должна иметь определенный уровень цифровой зрелости. Разница между текущим и целевым уровнями определяет величину разрыва, для преодоления которого необходимы соответствующие компетенции и навыки.

Исходя из сказанного выше, можно представить следующую логическую последовательность разработки программы развития цифровых компетенций и навыков персонала (рисунок 1).

После того, как состав актуальных для компании цифровых навыков и компетенций сформирован, необходимо разработать программу их развития.

Разработка программы развития персонала

Возможность развития компетенций зависит от следующих факторов:

- величины разрыва между текущим и целевым уровнями развития компетенций;
- важности наличия данной компетенции для достижения организационных целей и времени, имеющегося на преодоление разрыва;
- бюджета на обучение персонала.

Для определения разрыва в уровнях компетенций могут быть использованы различные методы оценки (анкетирование, интервьюирование, наблюдение, тестирование, кейс-анализ, опросы мнений клиентов, 360-градусная обратная связь и др.). По

Рисунок 1. Подход к разработке программы развития персонала компании

результатам оценки определяется уровень владения сотрудником данной компетенцией (УС). Поскольку требуемые знания и навыки имеют различную природу, рекомендуется проводить оценку в баллах. Для повышения обоснованности и прозрачности процедуры оценивания целесообразно по каждой компетенции разработать соответствующую оценочную шкалу. Выбор приоритетных для развития компетенций предлагается осуществлять на основе соотношения их важности и проблемности [18]. Индекс (степень) важности (СВ) определяется экспертным путем с учетом степени влияния данной компетенции на достижение организационных целей. Степень проблемности (СП) рассчитывается

исходя из оценки фактического уровня владения сотрудником (УС) данной компетенцией: $СП = 5 - УС$ (при использовании 5-балльной шкалы оценки). Для большей наглядности рекомендуется построить матрицу ранжирования компетенций (рисунок 2), в которой компетенции, требующие первоочередного развития, располагаются в правом верхнем углу (что соответствует сочетанию их высокой важности и проблемности).

Далее необходимо выбрать наиболее целесообразный метод развития компетенций. Критерии выбора метода обучения персонала представлены в таблице 1, а характеристика различных методов по выделенным критериям — в таблице 2.

Важность компетенции (СВ, баллы)	Проблемность компетенции (СП, баллы)				
	1	2	3	4	5
4					
3		К6		К9	К7
2			К5	К2	К1
1			К4		

Рисунок 2. Матрица ранжирования компетенций

Таблица 1. Критерии выбора методов обучения персонала

Критерий	Оценка, баллы		
	1	2	3
А. Стоимость	Низкая	Средняя	Высокая
Б. Продолжительность	Краткосрочный	Средний	Долгосрочный
В. Практичность	Теоретический	Смешанный	Практический
Г. Профессиональность	Межличностный	Смешанный	Профессиональный
Д. Комплексность специализаций	Узкоспециализированный	Несколько	Комплексный
Е. Количество обучаемых	Индивидуальный	Групповой	Массовый

Таблица 2. Характеристика методов обучения (фрагмент)

№	Метод	Значения критериев
1.	Инструктаж	А.1; Б.1; В.3; Г.3; Д.1; Е.1
2.	Ротация	А.1; Б.2; В.3; Г.2; Д.2; Е.1
3.	Наставничество	А.1; Б.2; В.2; Г.2; Д.3; Е.1
4.	Метод копирования	А.1; Б.1; В.3; Г.3; Д.1; Е.1
5.	Метод делегирования ответственности	А.1; Б.2; В.2; Г.2; Д.3; Е.1
6.	Обучение действием	А.1; Б.2; В.3; Г.2; Д.2; Е.2
7.	Разбор практических ситуаций	А.1; Б.1; В.2; Г.3; Д.3; Е.2
8.	Тренинг	А.2; Б.1; В.3; Г.2; Д.3; Е.2
9.	Групповая дискуссия	А.1; Б.1; В.2; Г.2; Д.3; Е.2
10.	Деловые и ролевые игры	А.1; Б.1; В.2; Г.2; Д.3; Е.2
11.	Тематические семинары	А.2; Б.1; В.2; Г.3; Д.1; Е.2
12.	Баскет-метод	А.1; Б.1; В.3; Г.3; Д.2; Е.1
13.	Поведенческое моделирование	А.1; Б.1; В.2; Г.2; Д.3; Е.2
14.	Бенчмаркинг	А.1; Б.2; В.3; Г.3; Д.3; Е.2
15.	Коучинг	А.2; Б.2; В.2; Г.2; Д.3; Е.1
16.	E-learning	А.2; Б.2; В.2; Г.3; Д.3; Е.3
...		

Рисунок 3. Схема разработки программы развития компетенций персонала компании

Выбор метода осуществляется в два этапа:

— сначала проводится предварительный отбор методов с учетом соответствия их содержания выявленной потребности в развитии компетенций. Это соответствие определяется по критерию результативности, объединяющему такие характеристики метода, как практичность, профессиональность и комплексность ($R_i = f \{V_i, \Gamma_i, D_i\}$);

— уточнение выбора осуществляется по критериям стоимости (A_i) и продолжительности (B_i) обучения. Наиболее предпочтительным является метод, набравший минимальную сумму баллов по данным критериям.

Обобщая сказанное выше, на рисунке 3 представлена схема разработки программы развития компетенций персонала компании.

Однако в цифровой экономике меняется не только состав востребованных компетенций и навыков, кардинально изменяются сами принципы и методы обучения. Первым шагом на пути цифровой трансформации обучения стало электронное обучение (E-Learning) или этап виртуализации (Virtualization). Для этого этапа развития технологий обучения характерны [19]: акцент на содержании обучения, массовый охват и фокус на технических возможностях информационных технологий. Следующим этапом развития образования, необходимым для развития компетенций и навыков цифровой экономики, является цифровизация (Digitalization). Характерные черты [19]: цифровая грамотность и социальное обучение, акцент на обучающихся и на бизнес, персонализация обучения, фокус на цифровых учебных сообществах (Digital Learning Communities).

Уже сегодня реализуются многие проекты в этом направлении: открытые образовательные ресурсы (Open Educational Resources, OERs) и массовые открытые онлайн-курсы (Massive Open Online Courses, MOOCs). Ряд технологических компаний, таких как Microsoft, CISCO, HP, Samsung, Apple и Google, предлагают сертификаты, которые участники MOOC могут получить напрямую в Интернете. Многие программы также предполагают применение новых способов обучения, таких как использование виртуальной реальности, игр и пр. Широкий выбор базовых программ и инструментов для развития цифровой грамотности и развития цифровых навыков представлен на сайтах Google, Mozilla, Cisco [20–22] и многих других.

Однако эти методы обучения пока не нашли широкого применения в практике корпоративного обучения. В значительной степени это связано с организационной культурой, далеко не всегда ориентированной на изменения, тем более такие кардинальные. Следует отметить, что в большинстве исследований в области осуществления цифровой трансформации компаний в качестве главного барьера преобразований назывались изменение организационной культуры и преодоление сопротивления изменениям со стороны сотрудников, которые в том числе препятствуют и развитию цифровых навыков и компетенций. Поскольку организационная культура является необходимой средой и одним из важнейших драйверов формирования «мягких» навыков, соответствующее современным условиям развитие персонала невозможно осуществить без ее преобразования. Поэтому решение задачи развития

организационной культуры, ее изменения в соответствии с требованиями цифровой экономики, а также исследование механизма и инструментов воздействия на формирование компетенций и навыков сотрудников, является перспективным направлением дальнейших исследований.

Выводы

1. В большинстве исследований относительно наиболее востребованных компетенций сотрудников в цифровой экономике понятия компетенций и навыков используются как синонимы. В данной работе под цифровыми компетенциями понимаются характеристики способностей человека (гражданина, работника, студента) использовать информационно-коммуникационные технологии в различных контекстах (работа, досуг, обучение) с целью повышения результативности деятельности.

2. Наиболее наглядной и аргументированной формой представления модели цифровых компетенций сотрудников компании является иерархически упорядоченный список, объединяющий различные группы «жестких» (связанных с информационными и производственными технологиями) и «мягких» (относящихся к когнитивным и социально-поведенческим характеристикам) навыков с их последующей детализацией.

3. Разработка и применение обобщенной универсальной модели цифровых компетенций является нецелесообразной, поскольку кроме высокой трудоемкости разработки она будет обладать излишней избыточностью и в силу ограниченности ресурсов и времени не сможет быть реализована полностью в большинстве компаний, особенно на ранних этапах цифровой трансформации. Однако как конкретные модели цифровых компетенций и навыков, так и результаты их сравнительного анализа являются необходимой исходной информацией для формирования модели цифровых компетенций компании.

4. Формирование цифровых компетенций компании должно осуществляться с учетом ее стратегии цифровой трансформации

и разрыва между целевым и существующим уровнями цифровой зрелости. Преодоление разрыва в цифровой зрелости компании требует наличия соответствующих ресурсов и компетенций. В качестве укрупненных групп цифровых компетенций и навыков предлагается рассматривать работу с цифровыми технологиями; мышление и поведение, необходимое для успеха в цифровой экономике; профессионально-ориентированные навыки в сфере как производственных, так и управленческих технологий.

5. Инструментом формирования компетенций сотрудников, необходимых для реализации стратегии цифровой трансформации компании, является программа развития персонала. Логическая последовательность этапов разработки программы включает: выбор стратегии цифровой трансформации компании (определение «фокуса» преобразований), оценку разрыва по уровню цифровой зрелости (определение направлений осуществления преобразований), формирование актуального для его преодоления перечня цифровых компетенций и навыков персонала (чему учить?), диагностику потребностей сотрудников в развитии компетенций (кого учить?) и выбор методов обучения (как учить?).

6. В условиях ограниченных ресурсов необходимо установить перечень приоритетных для развития компетенций на основе оценки их важности с позиций влияния на достижение организационных целей и проблемности, определяемой величиной разрыва между требуемым и текущим уровнями. Вследствие наличия разнообразного арсенала методов обучения следует выбирать тот, который обеспечивает получение необходимых результатов при минимально возможных затратах времени и ресурсов.

7. Успешная реализация модели цифровых компетенций компании требует наличия соответствующей организационной культуры и применения цифровых образовательных технологий.

Список литературы

1. Уэйд М. Цифровой вихрь. Как победить диджитал-новаторов их же оружием. М.: Эксмо, 2016.
2. Цифровая Россия: новая реальность. URL: <https://www.mckinsey.com/ru/~ /media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx> (дата обращения: 12.05.2019).
3. Цифровая трансформация в России: аналитический отчет на основе результатов опроса российских компаний. URL: https://komanda-a.pro/blog/dtr_2018 (дата обращения: 12.05.2019).
4. Альманах Цифровая экономика. Сколково, октябрь 2017. URL: <https://sk.ru/news/m/skmedia/20434.aspx> (дата обращения: 12.05.2019).
5. Ala-Mutka K. Mapping Digital Competence: Towards a Conceptual Understanding. URL: ftp://jrc.es/pub/EURdoc/JRC67075_TN.pdf (дата обращения: 26.05.2019).
6. Iordache C., Marien I., Baelden D. Developing Digital Skills and Competences: A QuickScan Analysis of 13 Digital Literacy Models // Italian Journal of Sociology of Education. URL: http://ijse.padovauniversitypress.it/system/files/papers/2017_1_2.pdf (дата обращения: 26.05.2019).
7. Доклад о мировом развитии. Цифровые дивиденды. URL: https://data.gov.ru/sites/default/files/presentation/vsemirnyy_bank_2016_god.pdf (дата обращения: 26.05.2019).
8. The 10 Skills You Need to Thrive in the Fourth Industrial Revolution. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2016/01/the-10-skills-you-need-to-thrive-in-the-fourth-industrial-revolution> (дата обращения: 15.05.2019).
9. DigComp 2.1. The Digital Competence Framework for Citizens. With Eight Proficiency Levels and Examples of Use. URL: [http://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/bitstream/JRC106281/web-digcomp2.1pdf_\(online\).pdf](http://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/bitstream/JRC106281/web-digcomp2.1pdf_(online).pdf) (дата обращения: 26.05.2019).
10. The New Foundational Skills of the Digital Economy. Developing the Professionals of the Future. URL: https://www.burning-glass.com/wp-content/uploads/New_Foundational_Skills.pdf (дата обращения: 26.05.2019).
11. Россия 2025: от кадров к талантам. URL: <https://www.bcg.com/ru-ru/perspectives/188095> (дата обращения: 02.06.2019).
12. HR клуб СКОЛКОВО. Новая реальность: предположения и факты. URL: <http://trends.skolkovo.ru/2016/09/hr-klub-skolkovonovaya-realnost-predpolozheniya-i-faktyi/> (дата обращения: 13.05.2019).
13. Атлас новых профессий. URL: https://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_Atlas.pdf (дата обращения: 26.05.2019).
14. Безручко П., Шатров Ю., Максимова М. Компетенции неясного будущего. URL: <https://hbr-russia.ru/karera/professionalnyu-i-lichnostnyu-rost/p26131> (дата обращения: 26.05.2019).
15. What are Digital Skills? A Comprehensive Definition for Modern Organizations. URL: http://www.skillssoft.com/assets/white-papers/Skillsoft_whitepaper_What-are-digital-skills-a-comprehensive-definition.pdf (дата обращения: 14.05.2019).
16. Zaki M., Ismail Abdelaa M.H. Digital Business Transformation and Strategy: What Do We Know So Far // Working Paper, 2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/322340970_Digital_Business_Transformation_and_Strategy_What_Do_We_Know_So_Far (дата обращения: 26.05.2019).
17. Гилева Т.А., Гилев Г.А. Обеспечение цифровой зрелости предприятия: направления и методы // Развитие экономики и менеджмента в условиях цифровизации: тр. науч.-практ. конф. с международным участием СПб., 2018. С. 204-224.
18. Гилева Т.А. Технология разработки программы стратегического развития персонала // Менеджмент в России и за рубежом. 2008. № 5. С. 98-108.
19. Digital Age Learning. EFMD Special Interest Group Report. URL: https://efmdglobal.org/wp-content/uploads/5a_SIG_DAL_Report.pdf (дата обращения: 26.05.2019).
20. Learn Today's Most In-Demand Skills. URL: <https://learndigital.withgoogle.com/digitalgarage> (дата обращения: 26.05.2019).

21. The Mozilla Learning Network. URL: <https://learning.mozilla.org/en-US> (дата обращения: 26.05.2019).

22. Новые технологии в образовании. URL: https://www.cisco.com/c/ru_ru/solutions/industries/education.html (дата обращения: 26.05.2019).

References

1. Ueid M. *Tsifrovoy vikhr'. Kak pobezhdat' didzhital-novatorov ikh zhe oruzhiem* [Digital Whirl. How to Win Digital Innovators with Their Own Weapons]. Moscow, Eksmo, 2016. [in Russian].

2. *Tsifrovaya Rossiya: novaya real'nost'* [Digital Russia: a New Reality]. Available at: https://www.mckinsey.com/ru/~/_/media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx (accessed 12.05.2019). [in Russian].

3. *Tsifrovaya transformatsiya v Rossii: analiticheskii otchet na osnove re-zul'tatov oprosa rossiiskikh kompanii* [Digital Transformation in Russia: an Analytical Report Based on the Results of a Survey of Russian Companies]. Available at: https://komanda-a.pro/blog/dtr_2018 (accessed 12.05.2019). [in Russian].

4. *Al'manakh Tsifrovaya ekonomika* [Almanac Digital Economy]. Available at: <https://sk.ru/news/m/skmedia/20434.aspx> (accessed 12.05.2019). [in Russian].

5. Ala-Mutka K. *Mapping Digital Competence: Towards a Conceptual Understanding*. Available at: ftp://jrc.es/pub/EURdoc/JRC67075_TN.pdf (accessed 26.05.2019).

6. Iordache C., Marien I., Baelden D. Developing Digital Skills and Competences: A QuickScan Analysis of 13 Digital Literacy Models. *Italian Journal of Sociology of Education*, 2017. Available at: http://ijse.padovauniversitypress.it/system/files/papers/2017_1_2.pdf (accessed 26.05.2019).

7. *Doklad o mirovom razvitii. Tsifrovye dividendy* [World Development Report. Digital Dividends]. Available at: https://data.gov.ru/sites/default/files/presentation/vsemirnyy_bank_2016_god.pdf (accessed 26.05.2019). [in Russian].

8. *The 10 Skills You Need in the Fourth Industrial Revolution*. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2016/01/the-10-skills-you-need-to-thrive-in-the-fourth-industrial-revolution> (accessed 15.05.2019).

9. *DigComp 2.1. The Digital Competence Framework for Citizens. With Eight Proficiency Levels and Examples of Use*. Available at: [http://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/bitstream/JRC106281/web-digcomp2.1pdf_\(online\).pdf](http://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/bitstream/JRC106281/web-digcomp2.1pdf_(online).pdf) (accessed 26.05.2019).

10. *The New Foundational Skills of the Digital Economy. Developing the Professionals of the Future*. Available at: https://www.burning-glass.com/wp-content/uploads/New_Foundational_Skills.pdf (accessed 26.05.2019).

11. *Rossiya 2025: ot kadrov k talantam* [Russia 2025: from Cadres to Talents]. Available at: <https://www.bcg.com/ru-ru/perspectives/188095> (accessed 02.06.2019). [in Russian].

12. *HR klub SKOLKOVO. Novaya real'nost': predpolozheniya i fakty* [HR Club SKOLKOVO. New Reality: Assumptions and Facts]. Available at: <http://trends.skolkovo.ru/2016/09/hr-klub-skolkovo-novaya-realnost-predpolozheniya-i-faktyi> (accessed 13.05.2019). [in Russian].

13. *Atlas novykh professii* [Atlas of New Professions]. Available at: https://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_Atlas.pdf (accessed 12.05.2019). [in Russian].

14. Bezruchko P., Shatrov Yu., Maksimova M. *Kompetentsii neyasnogo budushchego* [Competences of Unclear Future]. Available at: <https://hbr-russia.ru/karera/professionalnyy-lichnostnyy-rost/p26131> (accessed 26.05.2019). [in Russian].

15. What are Digital Skills? A Comprehensive Definition for Modern Organizations. Available at: http://www.skillsoft.com/assets/white-papers/Skillsoft_whitepaper_What-are-digital-skills-a-comprehensive-definition.pdf (accessed 14.05.2019).

16. Zaki M., Ismail Abdelaa M.H. *Digital Business Transformation and Strategy: Working Paper*, January 2018. Available at: https://www.researchgate.net/publication/322340970_Digital_Business_Transformation_and_Strategy_What_Do_We_Know_So_Far (accessed 26.05.2019).

17. Gileva T.A., Gilev G.A. Obespechenie tsifrovoy zrelosti predpriyatiya: napravleniya i metody [Ensuring Digital Maturity of the Enterprise: Directions and Methods]. *Trudy nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Razvitie ekonomiki i menedzhmenta v usloviyakh tsifrovizatsii»* [Proceedings of the Scientific-Practical Conference with International Participation «Development of Economy and Management in the Conditions of Digitalization»]. Saint-Petersburg, 2018. pp. 204-224. [in Russian].

18. Gileva T.A. Tekhnologiya razrabotki programmy strategicheskogo razvitiya personala [Technology of Developing a Program for Strategic Staff Development]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom — Management in Russia*

and Abroad, 2008, No. 5, pp. 98-108. [in Russian].

19. *Digital Age Learning. EFMD Special Interest Report*. Available at: https://efmdglobal.org/wp-content/uploads/5a_SIG_DAL_Report.pdf (accessed 26.05.2019).

20. *Learn Today's Most In-Demand Skills*. Available at: <https://learndigital.withgoogle.com/digitalgarage> (accessed 26.05.2019).

21. The Mozilla Learning Network. Available at: <https://learning.mozilla.org/en-US/> (accessed 26.05.2019).

22. *Novye tekhnologii v obrazovanii* [New Technologies in Education]. Available at: https://www.cisco.com/c/ru_ru/solutions/industries/education.html (accessed 26.05.2019). [in Russian].

Мухамадиева Э. Ф.
Mukhamadieva E. F.

кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Экономическая
безопасность» института экономики
и сервиса, ФГБОУ ВО «Уфимский
государственный нефтяной технический
университет»,
г. Уфа, Российская Федерация

Кашипова И. Р.
Kashipova I. R.

кандидат экономических наук, доцент,
заместитель директора,
Уфимский филиал ФГБОУ ВО «Финансовый
университет при Правительстве
Российской Федерации»,
г. Уфа, Российская Федерация

УДК 336.7 (470)

DOI: 10.17122/2541-8904-2019-2-28-36-42

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЫНКА МИКРОФИНАНСОВЫХ УСЛУГ В РОССИИ

В статье проводится анализ современного состояния рынка микрофинансовых услуг в России как наиболее динамично развивающегося сектора финансового рынка России. Представлены официальные статистические данные, отражающие различные аспекты деятельности рынка микрофинансовых услуг, в том числе дана количественная характеристика институционального развития рынка микрофинансовых услуг России; проведена оценка динамики объема портфеля займов микрофинансовых институтов; исследована структура совокупного портфеля микрозаймов в разрезе основных категорий потребителей микрофинансовых услуг и т.д. По итогам проведенного анализа определены тенденции развития рынка микрофинансовых услуг, а также выявлены проблемы, существенно сдерживающие уровень их дальнейшего развития. Так, к числу факторов, сдерживающих эффективное развитие рынка микрофинансовых услуг, отнесены: низкий уровень финансовой грамотности потребителей микрофинансовых услуг; отсутствие системы обязательного страхования займов; отсутствие залоговой базы у микрофинансовых организаций; высокие процентные ставки размещения займов, зачастую обусловленные отсутствием долгосрочных и дешевых источников фондирования; недостаточный объем финансовых ресурсов, находящихся в распоряжении микрофинансовых организаций, не способных удовлетворить потенциальный спрос на микрофинансовые услуги; неразвитость системы управления рисками; присутствие «теневого сектора» на рынке микрофинансовых услуг; недостаточная проработанность действующего законодательства, регламентирующего деятельность рынка микрофинансовых услуг; отсутствие унифицированных форм отчетности микрофинансовых организаций, позволяющих получить объективную оценку их деятельности и отвечающих требованиям мировых стандартов; отсутствие единообразных показателей, характеризующих финансовую устойчивость микрофинансовых организаций; практическое отсутствие государственной поддержки рынка микрофинансовых услуг; отсутствие единых стандартов реструктуризации и рефинансирования займов; отсутствие утвержденных рейтинговых оценок микрофинансовых организаций; отсутствие механизма выявления и пресечения злоупотреблений в сфере микрофинансовой деятельности и другие. При этом перспективы развития микрофинансовых институтов, на взгляд авторов, будут напрямую зависеть от эффективного решения выше обозначенных проблем.

Ключевые слова: микрофинансирование, микрофинансовые организации, рынок микрофинансовых услуг, микрофинансовые институты, кредитные потребительские

кооперативы, сельскохозяйственные кредитные потребительские кооперативы, жилищные накопительные кооперативы, бюро кредитных исследований, институциональное развитие.

MODERN CONDITION AND DEVELOPMENT TRENDS OF MICROFINANCE SERVICES MARKET IN RUSSIA

The article analyzes the current microfinance services market state in Russia, as the most dynamically developing sector of the Russian financial market. The official statistics are presented, reflecting microfinance services market various aspects, including a quantitative description of the institutional development of the microfinance services market in Russia; the dynamics of microfinance institutions loan portfolio volume was assessed; investigated the total microloan portfolio structure in the context of the microfinance services consumers main categories, etc. According to the analysis results, trends in the microfinance services market development were identified, and problems that significantly restrain the their further development level were identified. So, among the factors constraining the microfinance services market effective development are: low level of financial literacy of microfinance consumers; lack of a compulsory loan insurance system; lack of microfinance organizations collateral base; high interest rates for placing loans, often due to the lack of long-term and cheap sources of funding; insufficient financial resources amount held by microfinance organizations that are not able to meet the potential demand for microfinance services; undeveloped risk management system; the «shadow sector» presence in the microfinance services market; insufficient elaboration of the current legislation regulating the microfinance services market activities; the lack of standardized reporting forms for microfinance organizations that provide an objective assessment of their activities and meet the requirements of world standards; the lack of uniform indicators characterizing the microfinance organizations financial sustainability; the state support absence for the microfinance market; the lack of uniform standards for restructuring and refinancing loans; lack of approved rating microfinance organizations assessments; the mechanism absence for identifying and preventing abuses in the field of microfinance and others. At the same time, the prospects for microfinance institutions development, in the opinion of the authors, will directly depend on the effective solution of the above problems.

Key words: microfinance, microfinance organizations, microfinance services market, microfinance institutions, consumer credit cooperatives, agricultural consumer credit cooperatives, housing savings cooperatives, credit research bureaus, institutional development.

Микрофинансовые организации (МФО), наращивая объемы и расширяя масштабы своей деятельности, продолжают приобретать все большую популярность, выступая наиболее динамично развивающимся сектором финансового рынка России. Вместе с тем, официальные статистические данные, представленные в таблице 1, отражают общую тенденцию сокращения числа микрофинансовых институтов (МФИ). Снижение числа организаций, по-прежнему, в основном связано с усилением надзора Банка России, что приводит к очищению рынка от недобросовестных участников [1]. Так, например, за последние 5 лет, число микрофинансовых организаций в России сократилось более чем в 2 раза (с 4200 ед. в 2014 г. и 2001 МФО — по итогам 3 квартала 2018 г.), количество кредитных потребительских кооперативов уменьшилось более чем на треть

(с 3545 до 2361). Вместе с тем, следует отметить, что по сведениям Банка России рынок покинули преимущественно слабые игроки, сокращение числа компаний, внесенных в реестр МФО, не оказало влияния на развитие сегмента в целом.

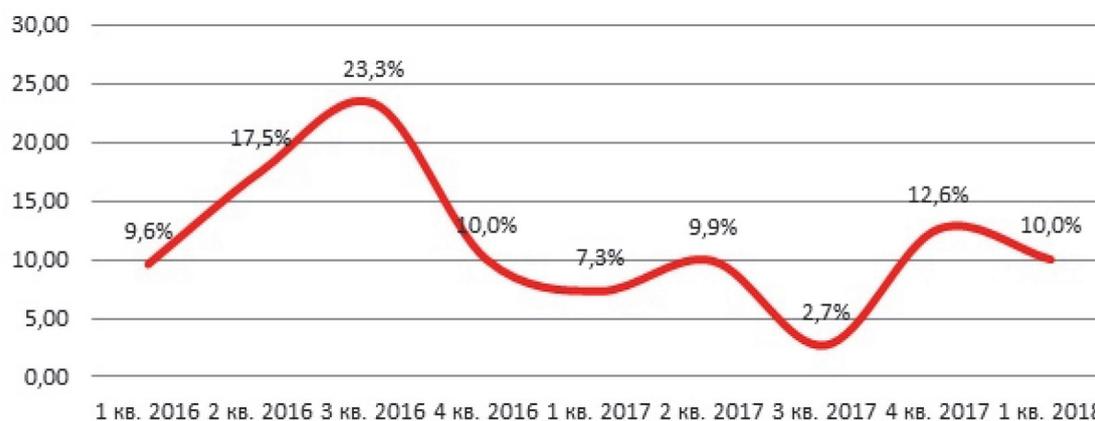
По данным Национального бюро кредитных исследований (НБКИ) по состоянию на 01.04.2018 суммарный объем предоставленных МФИ (МФО, КПК и т.д.) займов населению составил 181,2 млрд руб., увеличившись за 1 квартал 2018 г. на 10,0 % (на 01.01.2018 — 164,7 млрд руб.) (рисунок 1) [2].

Микрофинансовые организации на рынке микрофинансовых услуг занимают третье место по уровню институционального развития. Если же рассматривать данные, характеризующие динамику заключенных договоров микрозайма, то можно отметить тенденцию ежегодного прироста спроса на

Таблица 1. Количественная характеристика институционального развития рынка микрофинансовых услуг России, ед.

№ п/п	Микрофинансовые институты	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
1	Кредитные потребительские кооперативы (КПК)	3545	3500	3059	2666	2476
2	Сельскохозяйственные кредитные потребительские кооперативы (СКПК)	н/д	1738	1470	1242	1146
3	Ломбарды	н/д	8417	7415	5782	5276
4	Микрофинансовые организации (МФО)	4200	3688	2588	2271	2124
5	Жилищные накопительные кооперативы (ЖНК)	88	77	69	63	60

Источник: составлено авторами по данным Росстата, информационно-аналитических материалов Банка России «Обзор ключевых показателей микрофинансовых институтов».

Ежеквартальный прирост портфеля займов МФИ, в %**Рисунок 1.** Динамика объема портфеля займов МФИ в 2016-2018 гг., в %

Источник: НБКИ <https://www.nbki.ru/press/pressrelease/?id=21700>

микрозаймы — среднегодовой прирост за 2014-2017 гг. составил по России 37,13 % [3]. При этом следует обратить внимание на то, что максимальный прирост спроса наблюдался в 2016 г. — темп прироста по количеству заключенных договоров микрозайма по России составил 67,98 % по сравнению с пре-

дыдущим периодом. Также особого внимания заслуживает динамика спроса на услуги предоставления микрозаймов с использованием дистанционных технологий (онлайн микрозаймы), которые по итогам 2017 г. возросли почти вдвое (таблица 2) [4].

Таблица 2. Количество договоров микрозайма МФО, заключенных за отчетный период

№ п/п	Наименование показателя	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
1	Всего договоров микрозайма, тыс. ед.	8712,9	11320,3	19015,1	23498,9	21245,2
	в том числе в разрезе заемщиков:					
1.1	индивидуальные предприниматели	45,8	32,2	25,3	14,4	9,8
1.2	юридические лица	33,9	21,4	19,4	20,7	12,5
1.3	физические лица	8633,2	11266,7	18970,4	23463,8	21222,9
2	онлайн микрозаймы, ед.	н/д	н/д	3663	6721,2	8759

* — Данные представлены по состоянию на 30.09.2018 г.

Источник: составлено авторами по данным информационно-аналитических материалов Банка России «Обзор ключевых показателей микрофинансовых институтов».

Представленные данные также позволяют увидеть, что в структуре заключенных договоров микрозайма доминирующая часть приходится на физических лиц (99,9 %). При этом в поквартальном разрезе структура потребителей микрофинансовых услуг

МФО особых изменений не претерпевает (таблица 3).

При сложившейся тенденции сокращения количества участников МФО и роста спроса на микрозаймы размер портфеля МФО (сумма задолженности по основному долгу по выдан-

Таблица 3. Количество договоров микрозайма МФО, заключенных за отчетный квартал

№ п/п	Наименование показателя	Год	1 квартал	2 квартал	3 квартал	4 квартал
1	Всего, тыс. ед. в т.ч.:	2017	5 693,24	5 660,41	5 330,0	6 815,19
		2018	6 426,57	7 287,16	7 531,45	н/д
1.1	индивидуальные предприниматели	2017	3,52	3,37	5,11	2,36
		2018	3,06	3,25	3,52	н/д
1.2	юридические лица	2017	3,52	8,18	6,12	2,86
		2018	3,74	4,81	3,94	н/д
1.3	физические лица	2017	5 686,2	5 648,86	5 318,77	6 809,97
		2018	6 419,77	7 279,10	7 523,99	н/д
2	онлайн микрозаймы, ед.	2017	н/д	н/д	н/д	н/д
		2018	2 562,91	3 009,53	3 186,57	н/д

Источник: составлено авторами по данным информационно-аналитических материалов Банка России «Обзор ключевых показателей микрофинансовых институтов».

ным микрозаймам) постоянно растет [5]. Так, по итогам III квартала 2018 г. профильные активы МФО увеличились на 11,2%, прирост за год составил 32,9%. В результате портфель микрозаймов МФО достиг 148,6 млрд руб.,

при этом 92,6% квартального прироста совокупного портфеля пришлось на портфель физических лиц, по 3,7% — на портфели индивидуальных предпринимателей и юридических лиц (таблица 4).

Таблица 4. Профильные активы (сумма задолженности по основному долгу по выданным микрозаймам) на конец отчетного периода, млн руб.

№ п/п	Наименование показателя	Год	1 квартал	2 квартал	3 квартал	4 квартал
1	Всего, в т.ч.:	2017	96 399,3	104 106,1	111 793,40	112 759,1
		2018	119 397,3	133 673,9	148 585,9	н/д
1.1	Индивидуальные предприниматели	2017	11 878,1	10 806,4	12 478,8	12 570,4
		2018	12 943,6	14 162,50	14 707,2	н/д
1.2	Юридические лица	2017	10 267,2	10 040,5	10 855,10	11 408,9
		2018	11 298,7	12 371,50	12 926,7	н/д
1.3	Физические лица	2017	74 254,0	83 259,2	88 459,5	88 779,7
		2018	95 155,0	107 139,9	120 925,0	н/д
2	Онлайн микрозаймы	2017	н/д	н/д	н/д	15 226,4
		2018	18 338,8	21 750,1	26 761,1	н/д

* — Данные представлены нарастающим итогом.
Источник: Составлено авторами по данным информационно-аналитических материалов Банка России «Обзор ключевых показателей микрофинансовых институтов».

Структура совокупного портфеля микрозаймов в разрезе основных категорий потребителей микрофинансовых услуг практически не изменилась: ~ 90% составляют микро-

займы, выданные физическим лицам, ~ 4% — микрозаймы индивидуальным предпринимателям и ~ 6% — микрозаймы юридическим лицам (таблица 5).

Таблица 5. Структура совокупного портфеля микрозаймов в разрезе основных категорий потребителей микрофинансовых услуг

№ п/п	Наименование показателя	Год	1 квартал	2 квартал	3 квартал	4 квартал
1	Индивидуальные предприниматели	2017	4,09	4,0	4,58	4,36
		2018	3,56	3,75	3,77	н/д
2	Юридические лица	2017	4,62	5,95	6,56	5,92
		2018	4,44	5,4	5,24	н/д
3	Физические лица	2017	91,29	90,05	88,85	89,71
		2018	92,0	90,85	90,99	н/д

Источник: Составлено авторами по данным информационно-аналитических материалов Банка России «Обзор ключевых показателей микрофинансовых институтов».

При этом доля микрозаймов «До зарплаты» (то есть выданных в сумме не более 30 тыс. руб. на срок, не превышающий 30 дней) в совокупном портфеле микрозаймов физических лиц в анализируемых периодах варьирует на уровне 50 %. (таблица 6).

Средняя сумма микрозаймов, выданных микрофинансовыми организациями, варьирует в пределах 10–11 тыс. руб. (таблица 7).

По сведениям Ассоциации российских банков (далее — АРБ) и Национального рейтингового агентства (далее — НРА) сумма задолженности по выданным займам на конец 3 квартала 2018 г. у микрофинансовых организаций по итогам 3 квартала 2018 г. составила ~ 45,2 млрд руб., продемонстрировав рост на 12 % за предыдущие 3 мес. (значение на конец 2 квартала 2018 г., по аналогичному списку компаний — 40,4 млрд руб.).

Таблица 6. Характеристика выдачи МФО микрозаймов «До зарплаты»*

№ п/п	Наименование показателя	Год	1 квартал	2 квартал	3 квартал	4 квартал
1	Совокупная сумма выданных микрозаймов «До зарплаты», млн руб.	2017	н/д	н/д	н/д	119920,3
		2018	32 619,0	65 570,6	104 608,3	н/д
2	Доля в совокупном портфеле потребительских микрозаймов, %	2017	н/д	н/д	н/д	52,2
		2018	50,58	47,7	48,47	н/д
3	Количество договоров, заключенных в отчетном периоде, тыс. ед.	2017	н/д	н/д	н/д	18 193,76
		2018	4 705,54	9 913,71	15 192,65	н/д

* — Данные представлены нарастающим итогом.
 Источник: Составлено авторами по данным информационно-аналитических материалов Банка России «Обзор ключевых показателей микрофинансовых институтов».

Таблица 7. Средняя сумма микрозаймов, выданных МФО, тыс. руб.

№ п/п	Наименование показателя	Год	1 квартал	2 квартал	3 квартал	4 квартал
1	Средняя сумма выданных микрозаймов	2017	9,9	11,4	11	11,2
		2018	10,9	11,1	11,4	н/д
1.1	Индивидуальным предпринимателям	2017	658,4	750,2	663,9	1241,8
		2018	817	975	930,7	н/д
1.2	Юридическим лицам	2017	743,7	560,8	750,5	1181,3
		2018	831,6	1052,5	1079,3	н/д
1.3	Физическим лицам	2017	9,1	10,1	9,5	10,3
		2018	10	10	10,4	н/д
2	Онлайн микрозаймы	2017	н/д	н/д	н/д	н/д
		2018	7,7	7,5	8,1	н/д

Источник: Составлено авторами по данным информационно-аналитических материалов Банка России «Обзор ключевых показателей микрофинансовых институтов».

При этом практически половина всех действующих заемщиков имеет доход, не превышающий 30 тыс. руб., 20 % — до 40 тыс. руб. Наибольший годовой прирост (45 %) наблюдается в категории заемщиков с доходами свыше 40 тыс. руб. Количество клиентов с доходом «до 60 тыс. руб.» за год выросло на 22 %, «до 80 тыс. руб.» — на 50 %, «до 100 тыс. руб.» — 54 %, «свыше 100 тыс. руб.» — на 168 %.

Анализируя заемщиков микрофинансовых организаций с доходами выше среднего уровня, можно констатировать следующее:

1) более 40 % заемщиков имеют испорченную кредитную историю;

2) 10 % имеют действующую просроченную задолженность;

3) 21 % по различным причинам (непостоянное место работы, отсутствие справки о доходах, отсутствие филиала банка в населенном пункте) сразу обращаются в микрофинансовые организации, минуя банковский сектор;

4) 12 % заемщиков обратились в микрофинансовые организации по причине отказа в получении кредита в банке в связи с отсутствием кредитной истории;

5) 10 % имеют уже несколько кредитов и в силу высокой долговой нагрузки банки их не кредитуют [6].

Вместе с тем, следует отметить, что те, кто ранее имел испорченную кредитную историю, начинают думать над ее исправлением — по предварительным оценкам, таких клиентов в портфелях МФО порядка 5 %.

Таким образом, современный этап развития рынка микрофинансовых услуг характеризуется рядом положительных тенденций и социально-экономических результатов своей деятельности. Однако следует отметить, что в последнее время все чаще ведутся негативные дискуссии о микрофинансовой деятельности в России [7]. Тем не менее, дальнейшее развитие и совершенствование деятельности микрофинансовых институтов обусловлено, прежде всего, необходимостью решения существующих проблем [8].

Выводы

Теоретико-методологическое исследование рассматриваемой проблематики позволило определить и систематизировать наиболее актуальные проблемы функционирования системы микрофинансирования, решение которых позволит вывести рынок микрофинансовых услуг на качественно новый уровень своего развития.

Так, к числу факторов, сдерживающих эффективное развитие рынка микрофинансовых услуг, относятся:

- низкий уровень финансовой грамотности потребителей микрофинансовых услуг;
- отсутствие системы обязательного страхования займов;
- отсутствие залоговой базы у микрофинансовых организаций;
- высокие процентные ставки размещения займов, зачастую обусловленные отсутствием долгосрочных и дешевых источников фондирования;

Список литературы

1. Базюк Н. Микрофинансовые организации России: микрозаймы и инвестиции // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. 2016. № 13. С. 7–11.
2. Григорян С.А. Проблемы и перспективы микрофинансирования в России //

- недостаточный объем финансовых ресурсов, находящихся в распоряжении микрофинансовых организаций, не способных удовлетворить потенциальный спрос на микрофинансовые услуги;

- неразвитость системы управления рисками;

- присутствие «теневого сектора» на рынке микрофинансовых услуг;

- недостаточная проработанность действующего законодательства, регламентирующего деятельность рынка микрофинансовых услуг;

- отсутствие унифицированных форм отчетности микрофинансовых организаций, позволяющих получить объективную оценку их деятельности и отвечающих требованиям мировых стандартов;

- отсутствие единообразных показателей, характеризующих финансовую устойчивость микрофинансовых организаций;

- практическое отсутствие государственной поддержки рынка микрофинансовых услуг;

- отсутствие единых стандартов реструктуризации и рефинансирования займов;

- отсутствие утвержденных рейтинговых оценок микрофинансовых организаций;

- отсутствие механизма выявления и пресечения злоупотреблений в сфере микрофинансовой деятельности.

Таким образом, подводя итоги рассмотрению текущего состояния и факторов, сдерживающих развитие рынка микрофинансовых услуг в России, отметим, что перспективы развития микрофинансовых институтов будут напрямую зависеть от эффективности решения выше обозначенных проблем.

Вестник научных конференций. 2016. № 3–4 (7). С. 31–34.

3. Захарова О.В. Проблемы функционирования и регулирования институтов микрофинансирования в России // Проблемы экономики, финансов и управления производством: сб. науч. тр. вузов России. 2017. № 40. С. 14–21.

4. Зиганшина Е.А., Пуговкина Ю.А., Самородова А.С., Барбарская М.Н. Основные аспекты функционирования рынка микрофинансирования на территории Российской Федерации // Наука и образование: новое время. 2017. № 3. С. 34–40.

5. НБКИ: в 1 квартале 2018 года рост портфеля займов МФО составил 10 %. URL: <https://www.nbki.ru/press/pressrelease/?id=21700> (дата обращения: 12.05.2019).

6. Обзор ключевых показателей микрофинансовых институтов // https://www.cbr.ru/analytics/analytics_nfo/ (дата обращения: 12.05.2019).

7. Семенова К.С. Микрофинансирование в России и за рубежом: сравнительный анализ // Современные научные исследования и разработки. 2017. Т. 2. № 1 (9). С. 458–460.

8. Шиликова В. Роль микрофинансовых организаций в развитии финансового рынка России // Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки. 2017. № 7. С. 118–122.

References

1. Bazyuk N. Mikrofinansovye organizatsii Rossii: mikrozaimy i investitsii [Microfinance Organizations of Russia: Microloans and Investments]. *Sotsial'no-ekonomicheskie nauki i gumanitarnye issledovaniya — Social and Economic Sciences and Humanitarian Studies*, 2016, No. 13, pp. 7–11. [in Russian].

2. Grigoryan S.A. Problemy i perspektivy mikrofinansirovaniya v Rossii [Problems and Prospects of Microfinance in Russia]. *Vestnik nauchnykh konferentsii — Bulletin of Scientific Conferences*, 2016, No. 3-4 (7), pp. 31-34. [in Russian].

3. Zakharova O.V. Problemy funktsionirovaniya i regulirovaniya institutov mikrofinansirovaniya v Rossii [Problems of Functioning and Regulation of Microfinance Institutions in Russia]. *Sbornik nauchnykh trudov vuzov Rossii*

«Problemy ekonomiki, finansov i upravleniya proizvodstvom» [Collection of Scientific Papers of Russian Universities «Problems of Economics, Finance and Production Management»]. Ivanovo, 2017. No. 40, pp. 14–21. [in Russian].

4. Ziganshina E.A., Pugovkina Yu.A., Samorodova A.S., Barbarskaya M.N. Osnovnye aspekty funktsionirovaniya rynka mikrofinansirovaniya na territorii Rossiiskoi Federatsii [The Main Aspects of the Microfinance Market in the Territory of the Russian Federation]. *Nauka i obrazovanie: novoe vremya — Science and Education: New Times*, 2017, No. 3, pp. 34–40. [in Russian].

5. NBKI: v 1 kvartale 2018 goda rost portfelya zaimov MFO sostavil 10 % [NBCH: in the 1st Quarter of 2018, the Growth of the MFI Loan Portfolio Amounted to 10 %]. Available at: <https://www.nbki.ru/press/pressrelease/?id=21700> (accessed 12.05.2019). [in Russian].

6. *Obzor klyuchevykh pokazatelei mikrofinansovykh institutov* [Review of Key Indicators of Microfinance Institutions]. Available at: https://www.cbr.ru/analytics/analytics_nfo/ (accessed 12.05.2019). [in Russian].

7. Semenova K.S. Mikrofinansirovanie v Rossii i za rubezhom: sravnitel'nyi analiz [Microfinance in Russia and Abroad: a Comparative Analysis]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki — Modern Scientific Research and Development*, 2017, Vol. 2, No. 1 (9), pp. 458–460. [in Russian].

8. Shilikova V. Rol' mikrofinansovykh organizatsii v razvitii finansovogo rynka Rossii [The role of Microfinance Organizations in the Development of the Financial Market of Russia]. *Sbornik nauchnykh trudov «Obrazovanie i nauka bez granits: sotsial'no-gumanitarnye nauki»* [Collection of Scientific Papers «Education and Science without Borders: Social and Humanitarian Sciences»]. Orel, 2017. No. 7. pp. 118–122. [in Russian].

Шестакович А. Г.
Shestakovich A. G.

*кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Центра стратегических и междисциплинарных исследований,
Федеральное государственное бюджетное
научное учреждение Уфимский федеральный
исследовательский центр Российской Академии наук,
г. Уфа, Российская Федерация*

УДК 330.3

DOI: 10.17122/2541-8904-2019-2-28-43-50

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПУБЛИКАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В НАУЧНОМ ОБЩЕСТВЕ РОССИИ

В статье рассматривается процесс публикации результатов научного исследования в отечественной практике. Актуальность исследования определяется, прежде всего, тем, что научная статья выступает одним из основополагающих инструментов выражения научной идеи, представления научного результата, и тем, насколько публикации качественны и продуктивны, от чего зависит дальнейшее развитие науки. Одной из главных проблем настоящего времени является то, что уровень научности того или иного ученого, научной организации определяется общим числом публикаций, а не тематикой, научной новизной, теоретической или практической значимостью, уровнем качества проведения исследования, достоверностью результатов, полученных в ходе исследования и отраженных в статье. В научном сообществе на подсознательном уровне действует неформальный институт — «нужно как можно больше опубликовать статей», что изначально неправильно, так как это противоречит институту репутации ученого. Личный интерес, любопытство должны выступать первостепенным мотивом, побуждающим к исследованию и к желанию донести его результаты до коллег с целью закрепления своего приоритета в проведенном открытии новых закономерностей, свойств, в решении научных проблем. Автором представлен краткий анализ существующих инструментов оценки качества научных публикаций (проверка научных статей в системе «Антиплагиат»; наличие показателей цитирования; размещение статьи в том или ином издании), сложившихся на сегодняшний день в российской практике, в ходе которого были сделаны выводы об их несовершенстве. В связи с этим, с целью поиска более эффективных инструментов в данном исследовании был рассмотрен зарубежный опыт (Китай), опыт одного из ведущих университетов России — Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Были сформулированы основные предложения по повышению качества оценки публикаций в научной среде через формирование «черных» списков подобно практике НИУ ВШЭ, служб контроля публикационной деятельности научных и педагогических работников с целью оперативно обнаружения уже имеющегося плагиата; через премиальное стимулирование публикаций в журналах со сложившейся культурой, серьезной редакционной работой и соответственно с должной репутацией, как это организовано в Китае.

Ключевые слова: инновации, публикация, научная статья, наука, эффективность, оценка, качество, неформальный институт.

PROBLEMS OF PUBLISHING CULTURE DEVELOPMENT IN THE SCIENTIFIC COMMUNITY OF RUSSIA

The article considers the process of scientific research results publication in domestic practice. The study relevance is determined primarily by the fact that a scientific article is one of the fundamental tools for expressing a scientific idea, presenting a scientific result, and the publications' quality degree and productivity results in science further development. Now one of the major problems is that the scientific knowledge level of a scientist or a scientific organization is determined substantially by the publications total number not by the subject, scientific novelty,

theoretical or practical significance, research quality level, results reliability obtained during the study and reflected in the article. There exists an informal institution in the scientific community that operates on a subconscious level — «you need to publish as many articles as possible», which is initially wrong, since it contradicts the institute of a scientist's reputation. Personal interest, curiosity should be the primary motive that encourages research and the desire to convey its results to colleagues, in order to secure priority in the discovery of new regulatories, properties, and solutions of scientific problems. The author presents a brief analysis of existing tools for assessing the scientific publications quality (checking scientific articles in the Antiplagiat system; citation indicators availability; an article placement in scientific periodicals) that have developed in Russian practice today, during which some conclusions about their imperfection are being stated. In this regard, in order to search for more effective tools, this study examines the foreign experience (China), one of the leading universities of Russia experience — National Research University Higher School of Economics (HSE). The main proposals were formulated to improve the publications evaluation quality in the scientific environment through the formation of «black lists» like HSE practice, the monitoring services of the academic and teaching staff publication activities in order to promptly detect already existing plagiarism; through publications premium promotion in journals with established culture, serious editorial work and, accordingly, with a due reputation, as it is organized in China.

Key words: innovation, publication, scientific article, science, efficiency, evaluation, quality, informal institution.

Актуальность исследований в области инноваций, позволяющих учесть влияние основных социальных институтов на развитие инновационной активности в экономике, подтверждается наличием большого количества работ, посвященных данной проблематике (В.М. Полтерович, В.П. Тамбовцев, А.Е. Шаститко, Д.С. Норт). Институциональный подход к исследования проблемы развития высоких технологий является одним из наиболее перспективных, так как он не оставляет в стороне социальные и психологические аспекты взаимоотношений индивидов в ходе осуществления ими инновационной деятельности.

Как показывает практика, в отечественной экономике большое внимание уделяют анализу формирования и развития формальных институтов, стимулирующих развитие инновационного потенциала. Так, с целью создания благоприятных институциональных условий эффективного трансфера результатов научных исследований в экономику страны Правительство России проводит мероприятия, направленные на реорганизацию структуры научного сектора, на финансирование малого бизнеса, на создание технопарков, на разработку программ развития регионов и т.д. Однако несмотря на все проводимые мероприятия со стороны государства развитие производства, науки, челове-

ского капитала и в целом экономики остается по-прежнему на низком уровне, о чем свидетельствует тот факт, что Россия находится на стадии четвертого технологического уклада, в то время как в развитых странах уже стартовал шестой технологический уклад. Причин такого отставания достаточно, среди них можно выделить следующие:

- слабая активность представителей бизнеса в вопросах инновационного развития;
- отсутствие реализации рыночных механизмов, направленных на поддержание и развитие науки;
- сырьевая направленность страны;
- рост административных барьеров;
- развитие ренториентированного поведения общества и др.

Во многом наличие вышеперечисленных проблем определяется отсутствием должного внимания со стороны государства наличию и развитию неэффективных неформальных институтов в обществе. Нужно понимать, что неформальные институты наряду с формальными оказывают значительное влияние на развитие человеческих ресурсов, а вместе с тем и инновационного потенциала экономики. Формирование человеческого капитала, способствующего переходу к инновационной экономике в стране, должно

выступать первостепенной задачей экономики.

В рамках проблематики, направленной на исследование неформальных институтов, препятствующих эффективному процессу технологической модернизации, стоит подробнее остановиться на неэффективных институтах, действующих в научной среде. Наука имеет большое значение для развития общества. Научные исследования выступают основным драйвером технологического развития страны, дают возможность решения актуальных проблем в экономике. Политика большинства стран мира нацелена на поддержание развития науки. Здесь существует смысл более подробно рассмотреть процесс научного публикации результатов исследования, так как научная статья является наиболее важной и распространённой формой публикации. Научная статья выступает одним из основополагающих инструментов выражения научной идеи, представления научного результата, которые могут повлиять на дальнейшее развитие науки. Через научные статьи осуществляется коммуникация отечественных и зарубежных ученых, представителей бизнеса и представителей государственной власти между собой, и от того, насколько она эффективна, будет зависеть конечный результат исследования — останется оно на бумаге или сделает вклад в общий научный потенциал страны. Кроме того, публикационная активность, а именно число публикаций высшего учебного заведения, индексируемых в информационно-аналитических системах научного цитирования Web of Science, Scopus, РИНЦ, в рамках более общего показателя «Научно-исследовательская деятельность» является одним из показателей, характеризующим эффективность деятельности университетов в России [1–5]. В современных условиях ученые в лице научных работников, преподавателей университетов, аспирантов повсеместно включаются в своего рода гонку публикаций. Действует закон научной деятельности, который был сформирован одним из самых известных социологов двадцатого века, Робертом Мертоном — «publish or perish», что в переводе означает — «публикуйся или умри». Необходимо отметить, что

в этой гонке страдает качество публикаций, а в свою очередь именно качество формирует общее мнение об исследователе. В научной практике сложилось мнение, что продуктивность того или иного ученого, научной организации определяется общим числом публикаций, а не тематикой, научной новизной, теоретической или практической значимостью, уровнем качества проведения исследования, достоверностью результатов, полученных в ходе исследования и отраженных в статье. В научном сообществе на подсознательном уровне в большинстве случаев действует неформальный институт — «нужно как можно больше опубликовать статей», что изначально неправильно, так как это противоречит институту репутации ученого. Личный интерес, любопытство должны выступать первостепенным мотивом, побуждающим к исследованию и к желанию донести его результаты до коллег, с целью закрепления своего приоритета в проведенном открытии новых закономерностей, свойств, решении научных проблем.

Анализируемая проблема не может решиться одномоментно, так как это годами сформированный неформальный институт. Для того чтобы сформулировать предложения по повышению качества публикаций, нужно рассмотреть сложившийся процесс оценки качества научных трудов в современных условиях. В основном, в отечественной практике качество определяется следующими инструментами:

1. проверка научных статей в системе «Антиплагиат»;
2. наличие показателей цитирования;
3. размещение статьи в том или ином издании.

Рассмотрим каждый из инструментов более подробно. В настоящий момент система «Антиплагиат» позволяет осуществить лишь формальную проверку, а не семантическую, к тому же в современных условиях существуют способы «обмана» электронных систем. Проблема плагиата довольно актуальна, существует достаточное количество работ, посвященных ей [6–8]. В России сложилась ситуация, когда число диссертаций со значительной долей заимствования сопоставимо с числом диссериа-

ций авторских (честных). Для того, чтобы исправить эту ситуацию, в 2012 г. даже был создан институт выявления плагиат-диссертаций — общественная организация «Диссернет» в составе с неравнодушными к данной проблеме учеными и журналистами. Данный институт больше ориентируется на публичное наказание лиц, пойманных на плагиате. Стоит отметить, что один институт, созданный на добровольных началах, не решит эту проблему, которая уже превысила все мыслимые пределы. Необходима целая система, направленная на решительную борьбу с плагиатом, ее отсутствие связано, в основном, с тем, что сами руководители научных и образовательных организаций, которые должны, по сути, осуществлять эту борьбу, часто выступают плагиаторами [6]. Государство в лице Правительства и общество не придают особого значения важности поддержания репутации и морального статуса ученых, что отражается на статусе отечественной науки в целом.

Еще одним из показателей качества научной статьи служит показатель цитирования. Все большую популярность набирает индекс цитирования Хирша, который больше можно охарактеризовать не как показатель качества, а как показатель оцененности публикации научным сообществом. Методика расчета индекса проста основана на вычислении числа изданных статей и количества их цитирования в других научных трудах. Дословно — «индекс Хирша ученого — это число h , которое означает количество опубликованных им статей, из которых каждая цитируется не менее h раз в иных научных трудах, а каждая из других написанных статей упоминается не более h раз» [9, 10]. Однако данный показатель не лишен недостатков, которые детально исследованы в [9]:

- под вопросом стоит обоснованность библиографической ссылки;

- различное значение источников в библиографическом списке к публикации — «разные литературные источники имеют различное значение»;

- мошеннические схемы искусственного повышения показателя. Индекс Хирша не учитывает разбег между числами цитируемости, который в некоторых случаях явно

указывает на искусственное повышение индекса. Например, возьмем двух гипотетических работников А и Б с одинаковым индексом Хирша — 10, в таблице 1 представлены данные о цитируемости.

Таблица 1. Цитируемость предполагаемых ученых А и Б

А		Б	
№ статьи	Число цитирования	№ статьи	Число цитирования
1	98	1	35
2	56	2	30
3	24	3	28
4	15	4	25
5	14	5	20
6	13	6	18
7	11	7	16
8	11	8	15
9	11	9	13
10	10	10	10

Очевидно, что деятельность работника А наиболее продуктивна, что не показывает индекс (у двух работников индекс равен 10), но насколько эта продуктивность правдива, так как интервал от статьи № 1 к статье № 2 в 42 цитирования наводит на мысль искусственного поднятия индекса.

Индекс Хирша также объективно не оценивает публикации, ориентированные на непрерывное развитие научного знания. Рассмотрим две ситуации: 1) одна статья автора X цитируется десятью авторами, которых в последующем не цитируют; 2) одна статья автора X цитируется сначала автором X1, затем статья автора X1 цитируется автором X2 и т.д. Очевидно, что в первом случае научная публикация не является значимой для научного сообщества, что нельзя сказать про вторую ситуацию, где видна роль статьи в непрерывном развитии научного знания. Но парадокс в том, что согласно индексу цитирования с формальной точки зрения статья в первом случае имеет большую теоретическую значимость, чем статья во втором случае.

Таким образом, можно сделать вывод, что индекс Хирша не может в полной мере объективно отразить продуктивность и эффективность деятельности ученого и значимость того или иного исследования в целом. Данный вывод подтверждается и данными

ведущего мирового издательства, представленного в 25 странах мира, — «Springer», указывающими на сомнительную весомость оценки индексов цитирования. Издательство опубликовало информацию не только о количестве цитируемости статей, но и о количестве официальных скачиваний этих статей, что вызывает интерес в рамках настоящего исследования. Выводы таковы, что число цитирования статьи достаточно слабо связано с числом скачиваний текста. Например, были зафиксированы такие моменты, что на одну статью приходилось одно цитирование и сто четырнадцать скачиваний, это лишний раз подтверждает, что индекс цитирования слабо связан с использованием результатов коллегами-учеными.

Говоря о размещении публикаций, стоит отметить то, что статьи, индексируемые системами Web of Science, Scopus, считаются наиболее качественными. Однако и здесь присутствуют недостатки, которые подробно рассматривались и анализировались в ходе дискуссии, проведенной информационным агентством ТАСС 14.11.2018. В дискуссии принимали участие ведущие эксперты по данной проблематике, среди которых директор наукометрического центра Высшей школы экономики Иван Стерлингов; старший научный сотрудник института языкознания РАН, соредактор «Диссеропедии российских журналов» (база научных журналов, показывающих признаки некорректной и неэтичной редакционной политики) Алексей Касьян; ответственный секретарь журнала «Успехи физических наук» Мария Аксентьева; директор Департамента государственной научной, научно-технической и инновационной политики Министерства науки и высшего образования РФ Михаил Романовский и др. К примеру, в 2017 г. РФ заняла 15-ое место в системе Web of Science по количеству опубликованных статей российскими учеными, однако по средней цитируемости на статью Россия занимает только 147-ое место, что в какой-то степени указывает на невостребованность отечественных публикаций [11]. Наличие журналов в четвертой четверти, которые преследуют чисто коммерческий интерес, выполнив все технические условия включения в систему Scopus

[11]. Если основываться на том, что основная цель, преследуемая руководством данных журналов, — получение коммерческой выгоды, то, соответственно, можно предположить, что оценка качества научных работ происходит стихийно. Представители руководства подобных журналов рассуждают вполне предсказуемо — чем меньше требований к публикациям, тем легче ее опубликовать, а значит, будет достаточно большое количество потенциальных клиентов. К сожалению, рынок предоставления услуг по размещению научных статей в настоящее время процветает, что неблагоприятно сказывается на их качестве.

Логично предположить, что поиск решения сложившейся проблемы, заключающейся в низком уровне публикационной культуры в отечественной науке, должен основываться на опыте стран, сумевших в какой-то степени преодолеть проблемы подобного рода. Существует смысл рассмотреть возможность трансплантации формальных институтов этих стран, способствующих совершенствованию неформальных норм. Процесс и технология трансплантации подробно описаны в [12], стоит только напомнить, что данный процесс требует наличия донора-института, стратегии, инфраструктуры трансплантации, которая включает в себя создание вспомогательных и промежуточных институтов, что часто в отечественной практике не принимается во внимание. Реформирование в нашей стране в большей степени всегда было ориентировано на скорость совершения, а не на эффективность и успех его проведения [12]. Среди стран, вызывающих интерес с точки зрения донорства института, можно выделить Китай, так как несмотря на наличие больших трудностей, чем в России, Китай развивается более успешно, во многом это обусловлено крупными инвестициями в промышленность и реформированием научной сферы. Правительство Китая подобно Правительству России озадачено «качеством» науки в своей стране. В Китае также, как и в России, не существует институтов наказаний для ученых, нарушающих профессиональную этику. Единственный инструмент, координирующий процесс публикаций, — это импакт-фактор журнала, то есть сред-

ний уровень цитирования статей в нем, и наличие во многих крупных научных организаций денежных выплат за публикации, размер которых зависит от импакт-фактора. В ряде случаев они достигают внушительных размеров и превышают заработную плату в десятки раз. Существует довольно простая формула расчета этих денежных поощрений:

$10000 \text{ юаней} \times 1 + \text{импакт-фактор журнала. (1)}$

Денежные выплаты в таком случае мотивируют публиковаться в журналах с высоким уровнем значения импакт-фактора, ученые больше склонны публиковаться в крупных, известных журналах, что подтверждает опрос научных сотрудников в Китае, который был проведен Наоми Чинг. Наоми Чинг живет в Пекине и пишет о проблемах науки в Китае, согласно проведенному ею опросу 15 из 17 работающих ученых в Китае согласны с тем, что импакт-фактор — объективный показатель качества журнала, и что данная система оплаты статей, ориентированная на импакт-фактор, достаточно весомо сказывается на их зарплате, а именно составляет более 50 % их дохода. В свою очередь, 13 из 17 опрошенных считают, что импакт-фактор не является объективным показателем оценки потенциала ученого, и такое мнение тоже имеет место быть ввиду того, что импакт-фактор изначально был создан для оценки журнала, а не ученого или области науки. Но результат от введенной системы оплаты публикаций однозначно существует — сокращение «мусорных» журналов в 2–3 раза [13]. Поэтому опыт Китая можно учесть при решении проблемы сокращения коммерческих изданий, направленных не на качество публикаций, а на их количество, оставив тем самым наиболее крупные, известные журналы с соответствующей репутацией.

Нельзя сказать, что в нашей стране не предпринимается попыток борьбы за качество публикаций. В решении данной проблемы значительно продвинулся национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). В рамках данной организации официально создан «черный» список изданий, публикации в которых не будут учитываться при установ-

лении академических надбавок. Список включает не только отечественные издания, но и зарубежные, разрабатывается Бюро совета программы «Научный фонд НИУ ВШЭ», и он доступен только сотрудникам организации ввиду наличия юридических претензий со стороны запрещенных издателей. Согласно документу «Положение о Списке журналов и издательств, публикации в которых не учитываются при назначении академических надбавок и в оценке публикационной активности научных работников НИУ ВШЭ» экспертизу изданий проводит Управление академической экспертизы НИУ ВШЭ и включает в себя:

- анализ содержания;
- анализ практик рецензирования и редактирования;
- анализ официальных сайтов;
- анализ библиометрических характеристик журналов, издательств;
- учет экспертиз внешних экспертов.

Решение о рассмотрении и о проведении экспертизы принимает исполнительный директор Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ». Повторная экспертиза проходит только по истечению двух лет с момента завершения предыдущей [14]. «Черный» список служит институтом очистки всей массы журналов от недобросовестных, нацеленных на коммерческий интерес изданий, тем самым оставив журналы с высоким уровнем рецензирования рукописей, что, в свою очередь, отражается на общем уровне качества публикационной культуры в организации. То есть формальный институт в виде создания «черного» списка формирует неформальный институт у сотрудников НИУ ВШЭ, помогает постепенно отходить от публикаций в «мусорных» журналах и работать не на количество публикаций, а на их качество.

Выводы

Резюмируя все вышеизложенное, можно сделать вывод, что нужно серьезно задуматься о качестве публикаций и о системе оценки этого качества, которая сможет комплексно учитывать все аспекты статьи и объективно диагностировать ее продуктивность и эффективность, так как действующая система инструментов, как показывает прак-

тика, несовершенна. Это задача достаточно сложная и не может быть решена одномоментно, так как она требует вовлечения всех научных и образовательных организаций в ее решение. Логично предположить, что помимо формирования «черных» списков должны создаваться службы контроля публикационной деятельности научных и педагогических работников с целью оперативного обнаружения уже имеющегося плагиата. Возможно, нужно учесть и опыт Китая, обращая внимание на импакт-фактор журнала, а именно через премиальные сти-

мулировать публикации в журналах со сложившейся культурой, серьезной редакционной работой и, соответственно, с должной репутацией. Развитие научного знания невозможно без его качественного распространения. Уровень развития публикационной культуры определяет уровень науки, которая, в свою очередь, создает условия для инновационного развития общества в целом.

Статья подготовлена в рамках выполнения НИР по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ №075-00326-19-00 от 27.12.2018.

Список литературы

1. Зулькарнай И.У., Шестакович А.Г. Инновационный центр «Сколково» как проект по трансплантации успешных институтов «Силиконовой долины» // Инновационная деятельность. 2014. № 3. С. 17–27.
2. Зулькарнай И.У., Ислакаева Г.Р. Российские вузы в глобальных рейтингах // Высшее образование в России. 2015. № 12. С. 13–21.
3. Левин В.И. Плагиат, его сущность и борьба с ним // Высшее образование в России. 2018. № 1. С. 143–150.
4. Материалы по оценке журналов и издательств. URL: <https://scientometrics.hse.ru/evaluation> (дата обращения: 17.04.2019).
5. Индекс Хирша что это такое и как его узнать. URL: <http://disszakaz.ru/publikatsii/indeks-khirsha-chto-eto-takoe-i-kak-ego-uznat> (дата обращения: 17.04.2019).
6. Недобросовестные публикации в научных журналах. URL: https://chrdrk.ru/other/nedobrosovestnye_publicacii_v_nauchnyh_zhurnalah (дата обращения: 14.04.2019).
7. Полтерович В.М. Стратегии институциональных реформ. Перспективные траектории // Экономика и математические методы. 2006. Т. 42. № 1. С. 3.
8. Платные публикации. URL: <https://postnauka.ru/talks/31201> (дата обращения: 12.02.2019).
9. Романов Д.А., Попова О.Б., Арефьева С.А. Диагностика качества публикаций научных трудов // Научные труды КубГТУ. 2016. № 2.

10. Слава приносит большие деньги китайской науке // РИА новости. URL: <https://ria.ru/20131119/977980404.html> (дата обращения: 15.04.2019).

11. Тамбовцев В.Л. Теория институциональных изменений. М.: ИНФРА-М, 2011. 154 с.

12. Шаститко А.Е. Условия и результаты формирования институтов // Вопросы экономики. 1997. № 3. С. 67.

13. Юркина Л.В. Интеграция науки и образования: тенденции и возможности // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 147–149.

14. North D.C., Thomas R.P. The Rise of the Western World: a New Economic History. Cambridge, 1973. 167 p.

References

1. Zul’karnai I.U. Shestakovich A.G. Innovatsionnyi tsentr «Skolkovo» kak proekt po transplantatsii uspeshnykh institutov «Silikonovoi doliny» [Innovation Center «Skolkovo» as a Project for the Transplantation of Successful Institutes «Silicon Valley»]. *Innovatsionnaya deyatel’nost’ — Innovative Activity*, 2014, No. 3, pp. 17–27. [in Russian].
2. Zul’karnai I.U., Islakaeva G.R. Rossiiskie vuzy v global’nykh reitingakh [Russian Universities in Global Rankings]. *Vysshee obrazovanie v Rossii — Higher Education in Russia*, 2015, No. 12, pp. 13–21. [in Russian].
3. Levin V.I. Plagiat, ego sushchnost’ i bor’ba s nim [Plagiat, Its Essence and the Fight Against It]. *Vysshee obrazovanie v Rossii —*

Higher Education in Russia, 2018, No. 1, pp. 143–150. [in Russian].

4. *Materialy po otsenke zhurnalov i izdatel'stv* [Materials on the Evaluation of Journals and Publishing Houses]. Available at: <https://scientometrics.hse.ru/evaluation> (accessed 17.04.2019). [in Russian].

5. *Indeks Khirsha chto eto takoe i kak ego uznat'* [The Hirsch Index, what it is and How to Recognize It]. Available at: <http://disszakaz.ru/publikatsii/indeks-khirsha-chto-eto-takoe-i-kak-ego-uznat/> (accessed 17.04.2019). [in Russian].

6. *Nedobrosovestnye publikatsii v nauchnykh zhurnalakh* [Unscrupulous Publications in Scientific Journals]. Available at: https://chrk.ru/other/nedobrosovestnye_publicacii_v_nauchnyh_zhurnalakh (accessed 14.04.2019) [in Russian].

7. Polterovich V.M. Strategii institutsional'nykh reform. Perspektivnye traektorii [Strategies for Institutional Reform. Perspective Trajectories]. *Ekonomika i matematicheskie metody — Economics and Mathematical Methods*, 2006, Vol. 42, No. 1, pp. 3. [in Russian].

8. *Platnye publikatsii* [Paid Publications]. Available at: <https://postnauka.ru/talks/31201> (12.02.2019). [in Russian].

9. Romanov D.A., Popova O.B., Aref'eva S.A. Diagnostika kachestva publikatsii

nauchnykh trudov [Diagnostics of the Quality of Publications of Scientific Works]. *Nauchnye trudy KubGTU — Scientific Works of KubGTU*, 2016, No. 2. [in Russian].

10. *Slava prinosit bol'shie den'gi kitaiskoi nauke* [Glory Brings a Lot of Money to Chinese Science]. Available at: <https://ria.ru/20131119/977980404.html> (accessed 15.04.2019). [in Russian].

11. Tambovtsev V.L. *Teoriya institutsional'nykh izmenenii* [Theory of Institutional Change]. Moscow, INFRA-M, 2011. 154 p. [in Russian].

12. Shastitko A.E. Usloviya i rezul'taty formirovaniya institutov [Conditions and Results of the Formation of Institutions]. *Voprosy ekonomiki — Voprosy ekonomiki*, 1997, No. 3, pp. 67. [in Russian].

13. Yurkina L.V. Integratsiya nauki i obrazovaniya: tendentsii i vozmozhnosti [Integration of Science and Education: Trends and Opportunities]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya — Theory and Practice of Social Development*, 2014, No. 2, pp. 147-149. [in Russian].

14. North D.C., Thomas R.P. *The Rise of the Western World: a New Economic History*. Cambridge. 1973. 167 p.

Четверикова О. Г.
Chetverikova O. G.

*студент кафедры «Технология
и конструирование одежды»
Института экономики и сервиса,
ФГБОУ ВО «Уфимский государственный
нефтяной технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация*

Гирфанова Л. Р.
Girfanova L. R.

*кандидат технических наук,
доцент кафедры «Технология и
конструирование одежды»
Института экономики и сервиса,
ФГБОУ ВО «Уфимский государственный
нефтяной технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация*

УДК 338.12

DOI: 10.17122/2541-8904-2019-2-28-51-59

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАЗВИТИЯ СЫРЬЕВОЙ БАЗЫ ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

За последние годы в секторе финансовых услуг произошли серьезные изменения, вызванные появлением новых технологий. Развитие экономических отношений между субъектами финансового рынка обязывает их находиться в постоянном поиске новых решений, создании и внедрении инновационных технологий в свои продукты и услуги. Процессы взаимодействия в создании банковского продукта, выстраивании долгосрочной стратегии и успешной проектной деятельности переходят в цифровую интерактивную модель взаимодействия, когда традиционные экономические процессы приобретают новые способы взаимодействия в цифровой среде. На сформировавшихся рынках появляются финтех-стартапы в таких областях, как обслуживание физических лиц и управление частным капиталом, которые выбиваются в лидеры за счет удобных для клиентов решений, не обремененных традиционными системами.

Финансовые технологии предполагают не только внешнюю модернизацию банка, но и реструктуризацию большей части внутренней системы работы коммерческих банков во взаимодействии на основе партнерства с создаваемыми на финансовом рынке финтех-компаниями, что определяет актуальность темы исследования.

Цель научной статьи заключается в мониторинге практики применения финансовых технологий в банковской сфере как наиболее быстроразвивающихся тенденций в банковском деле, что служит основой для прогнозирования направлений развития сферы финансовых услуг в новой цифровой конкурентной среде.

Финансовые технологии коренным образом меняют конкурентную среду финансовых институтов и структуру рынков их функционирования, сокращая филиальную сеть банков, число занятых в сфере финансовых услуг, одновременно расширяя их предоставление в режиме реального времени, формируя условия для многофункциональных цифровых банков с низкой базой текущих затрат за счет упрощения традиционных систем. Финтех-сегмент рынка капитала способствует формированию новой бизнес-модели, предлагая пользователям более персонализированный вариант обслуживания в сочетании с более низкими фиксированными затратами и ценовыми параметрами.

Ключевые слова: легкая промышленность, текстильная промышленность, ткани, натуральное сырье для тканей, проблемы текстильной промышленности России, лен, хлопок, шерсть.

IMPROVING THE EFFICIENCY OF DEVELOPMENT OF RESOURCE BASE OF LIGHT INDUSTRY IN RUSSIAN FEDERATION

The structure of such branch of the national economy as light industry is brought in article, characteristic on its productions raw basis is given. The problem of natural raw materials deficiency in production of fabrics and knitted cloths is revealed. The this deficiency causes and a way of its overcoming on the current state analysis basis, development history and dynamics of such agriculture branches as cultivation of flax, sheep breeding and cotton growing in Russia are considered. It is noted that Russia territory in terms of climatic and geographical conditions is most suitable for sheep breeding and cultivation of flax, while growing cotton is difficult and requires the creation of more resistant cotton seeds. The production dynamics of flax, wool and cotton in Russia against the background of global manufacturers of similar raw materials is given. The analysis of light industry productions raw material basis made it possible to conclude about the industry strategic importance, which is confirmed by the strategic program adoption for the light industry development until 2025, which aims to support domestic producers and sets the industry a high development bar in a short time. Based on the above information and analysis, a conclusion was drawn on the need for systemic measures to overcome the current crisis situation in the materials production from natural raw materials in Russia. Despite the fact that the domestic light industry is currently experiencing a serious shortage of natural raw materials, primarily flax, cotton and wool, difficulties can be overcome using two main tools — economic and marketing, aimed at reviving the industry and expanding the market for products. At the same time, an economic instrument should be applied at the level of government, and marketing, as a continuation of a market economy, should be formed in society based on the general idea of state development.

Key words: light industry, textile industry, fabrics, natural raw materials for fabrics, Russia's textile industry problems, flax, cotton, wool.

Легкая промышленность — это один из важнейших секторов экономики, объединяющий несколько отраслей, оказывающий влияние на стабильный рост экономической ситуации страны и обеспечивающий социальный и интеллектуальный уровни общества [1]. Сектор легкой промышленности включает в себя переработку сырья (производство волокон, нитей, пряжи; обработка кож и мехов); производство тканей, трикотажных полотен, искусственных кожи мехов и нетканых материалов (текстильная промышленность); производство швейных изделий (швейная промышленность); производство кожгалантерейных изделий (кожгалантерейная промышленность); производство обуви (обувная промышленность) (таблица 1). В России лёгкая промышленность в большинстве своем работает на той же сырьевой базе, что и во времена Советского Союза, основу составляют хлопок, шерсть, лен, что и обуславливает низкие темпы ее развития и зависимость от импорта.

Многие из перечисленных в таблице 1 конечных продуктов являются не только

товарами народного потребления, но и составляют стратегически важные продукты, используемые в авиа- и космической отраслях, в военно-космических войсках. Сырьевая база легкой промышленности состоит из продуктов химической промышленности, животноводства и растениеводства, для развития двух последних необходимы плодородные земли и значительные инвестиции на фоне невысокой прибыльности и высоких рисков в этих отраслях народного хозяйства.

На этапе распада СССР произошло разрушение сложившейся системы, прочно связывавшей сырьевую базу, формируемую сельскохозяйственным сектором, и швейную промышленность. Сырьевая база, находившаяся в основном на территориях азиатских республик, осталась на территориях других государствах, поэтому на сегодняшний день лёгкая промышленность испытывает массу значительных проблем, одной из которых является существенный недостаток отечественного натурального сырья для производства текстильных материалов. Нехватка

Таблица 1. Анализ сырьевой основы производств легкой промышленности

Производство	Сырье	Конечный продукт	Использование в легкой промышленности
Волоконо, нити, пряжа	Хлопок, лен, шерсть, полимеры	Волокно, нити, пряжа	Скрепляющие материалы, ткани, трикотажные полотна, кружевные полотна, штучные текстильные изделия, чулки, носки, перчатки, валенки, одежда
Кожи	Кожи животных, птиц, рыб	Кожи различной выделки, коллагеновые массы	Кожгалантерейные изделия (сумки, папки, перчатки, ремни, сбруя и т.п.), одежда и обувь, головные уборы, чехлы
Меха	Шкуры животных	Меха пластинами, чулком	Одежда, обувь, шапки, рукавицы, чехлы
Ткани	Волокно, нити, пряжа	Ткани, штучные текстильные изделия	Одежда, обувь, аксессуары, домашний текстиль
Трикотажные полотна	Волокно, нити, пряжа	Трикотажное полотно	Одежда, обувь, аксессуары, домашний текстиль
Искусственная кожа	Трикотажные полотна	Искусственная кожа	Одежда, обувь, аксессуары, кожгалантерейные изделия
Искусственный мех	Волокно, нити, пряжа, ткани, трикотажные полотна	Искусственный мех	Одежда, обувь, аксессуары, кожгалантерейные изделия
Нетканые материалы	Волокно, нити, пряжа, клеевые растворы	Нетканые материалы	Прикладные материалы для швейной промышленности, материалы технического назначения
Швейные изделия	Ткани, трикотажные полотна, прикладные материалы, скрепляющие материалы	Одежда	Продажа потребителю
Кожгалантерейные изделия	Ткани, трикотажные полотна, кожа, мех, прикладные материалы, скрепляющие материалы	Сумки, папки, перчатки, ремни, сбруя, визитницы, кошельки, чехлы и т.д.	Продажа потребителю
Обувь	Ткани, трикотажные полотна, кожа, мех, прикладные материалы, скрепляющие материалы	Обувь	Продажа потребителю

сырья повлекла упадок текстильных и ткацких фабрик, что, в свою очередь, привело к потере объемов производства швейными фабриками на фоне повышения цен на конечную продукцию, связанного с использованием импортного сырья. Так, производство продукции из натуральных тканей в России за последние 10 лет сократилось в разы, а российский рынок текстильной продукции почти на 80 % формируется за счёт импортной продукции [2].

На фоне тотального дефицита отечественного сырья и высоких цен на импорт в 90-х годах XX века произошло массовое закрытие швейных фабрик и объединений, в частности, в Республике Башкортостан закрылись все крупные фабрики, существовавшие в каждом городе. Подобные процессы прокатились по всей стране, что привело к резкому падению доли рынка, занятой отечественным

производителем. В условиях рыночной экономики и постоянного спроса на одежду и обувь продавец отдал предпочтение импортной продукции.

Импортопотребление отрицательно повлияло на развитие отечественного производства, что в условиях геополитической нестабильности и расширения санкций против России может иметь негативные последствия для страны. Наиболее перспективным отечественным сырьём, способным повысить независимость страны от импортных поставок, является лён. Сырьевой базой отечественного льнокомплекса являются двадцать субъектов Российской Федерации в пяти федеральных округах, где возделывают лен-долгунец. По данным Минсельхоза России наибольшие посевные площади под льном-долгунцом располагаются в Центральном федеральном округе — 30,5 %, на втором

месте Сибирский федеральный округ — 30 %, на третьем — Приволжский федеральный округ — 22,4 %. При этом до 60 % посевных площадей приходится на пять регионов: Тверскую, Омскую, Вологодскую, Смоленскую области и Республику Удмуртию. Отличительной особенностью российского льняного комплекса является его широкая географическая распространенность. В Российской Федерации зоны посева льна располагаются на территориях, удаленных на тысячи километров друг от друга. Это во многом определяет трудности в управлении (разнообразные почвенно-климатические условия, организация предприятий, экономические различия региональной поддержки отрасли и пр.), но и предполагает определённую стабильность существования отрасли на национальном уровне [3, 4]. Однако в связи с расширением использования хлопка в XX веке посевные площади льна в России существенно сократились. Льняные поля уменьшились с 1524, 8 тыс. га в 1940 г. до 727,4 тыс. га в 1970 г., т.е. в 2 раза. За последние 30 лет сокращение составило 309,4 тыс. га или 42,5 % [2].

Проведённая в 1990-х годах либерализация торговли привела к неконтролируемому увеличению импорта и усугубила ситуацию. Отсутствие государственной поддержки снизило возможности успешного функциониро-

вания предприятий льняного комплекса. С 1990 г. по 2014 г. посевная площадь льна уменьшилась с 418 тыс. га до 51,7 тыс. га или в 8,1 раз. В 2017 г. льняные поля составили 47,5 тыс. га [2]. Помимо прогрессирующего уменьшения посевной площади льна проблемой является его низкая урожайность (таблица 2). Так, урожай льна во Франции в 2016 г. превысил российские показатели в 14 раз при разнице площадей посева в 2 раза [5].

В связи с длительным падением спроса на лён произошла переориентация производства на короткое волокно с более широкой областью применения. За последние 30 лет по России закрылось две трети текстильных предприятий, перерабатывающих лен, а оставшиеся почти полностью перешли на импортное сырье. Из 67 льносеменоводческих станций, построенных в 1975 г., сейчас работает только 12 [6].

Причинами проблем с производством льняного сырья для текстильной промышленности являются [7]:

- текущая отрицательная рентабельность производства льна;
- дефицит сельскохозяйственной техники;
- высокая капиталоемкость производства;
- недостаток квалифицированных специалистов.

Таблица 2. Сравнительная характеристика производства льна по данным FAOSTAT на 2016 г.

Страна	Площадь посева, га	Урожайность, т/га	Производство, т	Доля производства в мире, %
Франция	87 015	6,75	587 047	73
Бельгия	15 095	5,77	87 162	11
Беларусь	44 066	0,94	41 345	5
Россия	43 974	0,94	41 233	5

Аналогичные причины присутствуют и в производстве хлопка и шерсти, хотя в настоящее время ситуация на рынке меняется: и сельхозпроизводители, и текстильные предприятия отмечают растущий интерес к производству льна, хлопка и шерсти. В последнее время появились предпосылки для возрождения льняной отрасли в России.

В России на сегодняшний день нет эффективно действующего рынка шерсти: современное шерстяное хозяйство РФ представ-

ляет собой совокупность практически не связанных между собой функциональных компонентов, действующих в общих неблагоприятных условиях, обусловленных, прежде всего, недостаточным уровнем развития рыночной инфраструктуры [8, 9]. До 1990-х годов прошлого столетия эффективному развитию овцеводства способствовали гарантированный государственный заказ на продукцию овцеводства и стабильная государственная поддержка. В 1990 г. поголовье овец

составляло 55,2 млн голов, а годовое производство шерсти — 227 тыс. т [9]. Проведение экономических реформ в 1990-х негативно сказалось на состоянии отечественного сельского хозяйства. Наиболее тяжелая ситуация отмечена в 2000 г. Объём произведённой в этот год шерсти составила рекордно низкие 39,2 тыс. т, тем не менее в последующие

годы наблюдалась положительная динамика роста производства шерсти (рисунок 1) [10, 11]. Ухудшение финансового положения предприятий, в первую очередь, связано с лишением их государственной поддержки, которая стабильно осуществлялась на протяжении десятков лет.

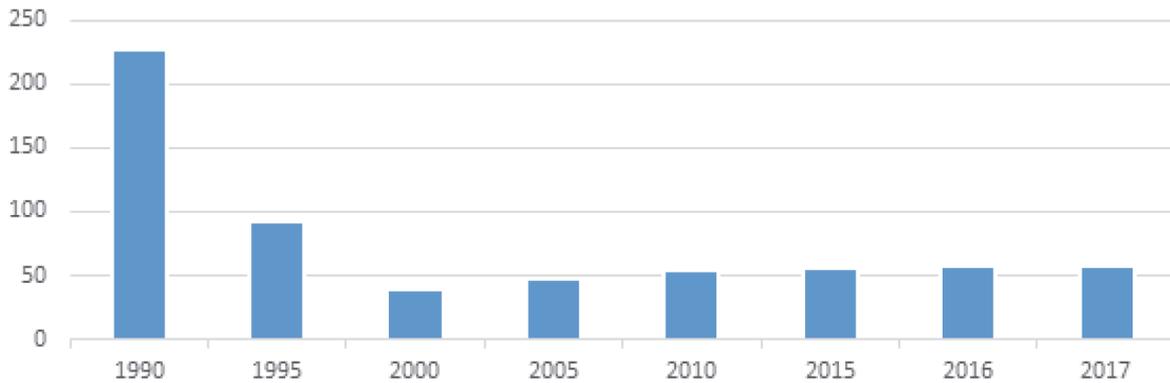

Рисунок 1. Динамика производства шерсти в России, т [8]

В 2017 г объём произведённой шерсти составил 56954 т, что в 1,5 раза больше объёма, произведенного в 2000 г., но в 4 раза меньше показателей на 1990 г. [7]. В настоящее время мировым лидером по производству шерсти является Китай: в 2016 г. объём произведённой невытёранной шерсти составил 427,2 тыс. т; второе место занимает Австралия с показателем 404 тыс. т, а Россия находится на пятом месте [9]. Несмотря на наметившиеся положительные тенденции российское производство шерсти продолжает пребывать в состоянии кризиса. Дальнейшее развитие этой отрасли зависит от государственных и региональных программ, направленных на увеличение поголовья овец и повышение качества производимой шерсти.

Не лучшим образом складывается и ситуация на российском рынке хлопка. Климатические условия не позволяют России выращивать хлопок в требуемом количестве. В России его выращивали ещё до 1917 г., однако во времена СССР эту практику прекратили, обусловив решение тем, что выгоднее возделывать хлопок в среднеазиатских республиках. После распада Советского

Союза и превращения южных республик в самостоятельные государства Россия вынуждена закупать хлопок за границей, главным образом в Узбекистане (45 %), Туркмении (7 %), Казахстане (5 %), Таджикистане (4 %), и Китае (15 %) [12, 13].

Однако в России ведётся непрекращающаяся работа по возрождению отечественного хлопководства. Эксперимент по выращиванию хлопка, проведённый в двух областях (Астраханской и Волгоградской), проходивший в течение нескольких лет, оказался успешным. Сейчас очевидно, что климатические условия некоторых областей позволяют выращивать хлопок в России. Минсельхоз оценивает в 221,5 тыс. га максимальную площадь возделывания хлопчатника в России. Больше всего подходящей земли — 120 тыс. га — насчитали в Ставропольском крае, 47,4 тыс. га — в Астраханской области, 34,1 тыс. га — в Калмыкии, и по 10 тыс. га в Волгоградской области и Крыму [14, 15].

Длительный период стагнации в отрасли привел к снижению привлекательности профессий, связанных с ней, в результате чего резко сократилось количество специалистов, необходимых для поддержания существующей

щего уровня производства на предприятиях лёгкой промышленности и машиностроительного комплекса. Очевидно, что для преодоления проблемы нехватки натурального сырья для легкой промышленности предстоит предпринять системные меры, которые затронут несколько отраслей народного хозяйства (рисунок 2). Стратегия развития

лёгкой промышленности в Российской Федерации на период до 2025 года (Стратегия) охватывает вопросы развития текстильной отрасли, в том числе производства натуральных волокон и нитей, а также розничной торговли продукцией лёгкой промышленности [16].

Рисунок 2. Мероприятия, направленные на развитие лёгкой промышленности

Ключевой целью Стратегии является создание в России устойчиво развивающейся лёгкой промышленности, интегрированной в мировую систему разделения труда и основанную на естественных конкурентных преимуществах страны:

1) увеличение вклада цепочки создания стоимости лёгкой промышленности в ВВП с 0,9% до 1,5% путём замещения импорта, развития внутреннего спроса и реализации экспортного потенциала в конкурентоспособных сегментах рынка;

2) обеспечение стратегически значимых отраслей технологичной текстильной отечественной продукцией с высокой добавленной стоимостью;

3) сохранение и поддержка занятости в отрасли путём создания рабочих мест с высокой производительностью труда и частичного перемещения рабочей силы из сегментов с низкой производительностью.

Разработан перечень стратегических мероприятий, реализация которых ожидаема в течение всего периода действия стратегии:

1) поддержка создания и развития российских брендов одежды и обуви;

2) борьба с нелегальным оборотом товаров лёгкой промышленности;

3) стимулирование экспорта в конкурентоспособных сегментах лёгкой промышленности;

4) формирование кадрового потенциала отрасли;

5) стимулирование НИОКР и трансфера технологий;

6) информационная и маркетинговая поддержка развития отрасли;

7) мониторинг эффективности реализации стратегии и корректировка плана.

Ожидаемые результаты от реализации стратегии развития лёгкой промышленности к 2025 г.:

— наращивание объёмов и повышение конкурентоспособности производимой продукции;

— повышение доли российской продукции в объёме продаж на внутреннем рынке к 2025 г. не менее чем на 50 %;

— укрепление позиций отечественных производителей в средних ценовых сегментах на российском и зарубежных рынках, развитие межтерриториальной и межотраслевой кооперации;

— повышение экспортного потенциала отрасли, рост экспорта конкурентоспособной наукоёмкой продукции более чем в 4 раза;

— увеличение коэффициента обновления активной части основных производственных фондов (не менее чем на 7 % ежегодно), рост производственных мощностей к 2025 г. на 25-30 %;

— повышение производственного потенциала лёгкой промышленности, технической оснащённости предприятий и их конкурентного уровня до мировых стандартов [16].

Для достижения поставленных в Стратегии целей необходимо провести комплекс мероприятий (рисунок 2) как специфических для различных отраслей народного хозяйства, так и универсальных, например, господдержка заключается в развитии кадрового потенциала отрасли, грантовой поддержке ученых и предприятий, совершенствовании механизмов госзаказов и госзакупок, дифференцированном повышении пошлин на импорт, снижении налоговых нагрузок для производств с учетом объемов использования отечественного сырья и комплектующих. Модернизация и реинжиниринг производственных мощностей должны охватить как предприятия перерабатывающей и лёгкой промышленности, так и машиностроительные, на том основании, что на рынке оборудования отечественная продукция занимает не более 20 %, а износ оборудования на предприятиях приближается к 85 % [1]. Региональные программы должны поддерживать

производство путем обучения кадров по целевым направлениям, создания комфортных социально-экономических условий в регионе, формирования устойчивого спроса на продукцию как на местном рынке, так и за его пределами. Необходима финансовая помощь предприятиям на региональном и федеральном уровнях для модернизации оборудования и наращивания производственных мощностей. Государство, используя ресурсы и опыт, опираясь на региональные особенности, должно выстроить систему предприятий отрасли, которая при минимальных затратах на логистику обеспечила бы всю страну необходимой продукцией. Так, концентрация производства сырья, обусловленная климато-географическими потребностями, указывает на предпочтительные области расположения текстильных предприятий соответствующей специализации, а при размещении предприятий по производству одежды, обуви и кожгалантереи ориентируются на транспортную доступность и трудовые ресурсы.

Вывод

Таким образом, очевидно, что отечественная лёгкая промышленность испытывает в настоящее время серьёзный дефицит натурального сырья, в первую очередь, льна, хлопка и шерсти, преодолеть который можно, используя два основных инструмента — экономический и маркетинговый, направленные на возрождение предприятий отрасли и расширение рынка сбыта продукции. Для этого необходимы стабильная государственная поддержка отраслей сельского хозяйства, текстильных и ткацких предприятий, инвестиции в модернизацию и реинжиниринг фабрик, создание условий для развития малого и среднего предпринимательства, рациональное использование земельных ресурсов страны и пропаганда на всех уровнях, направленная на переориентацию предпочтений потребителя в сторону отечественного товара из натурального сырья.

Список литературы

1. Литвинова А.Г. Проблемы развития лёгкой промышленности в РФ // Инновации в науке: сб. ст. по матер. X междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК, 2012.
2. Боткин О.И., Сутыгин П.Ф. Стратегическая цель льноводства в России // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2015. Т. 25. Вып. 1.
3. Ушаповский И.В., Новиков И.В. Системные проблемы льнокомплекса России и зарубежья, возможности их решения // Молочно-хозяйственный вестник. 2017. № 1 (25).
4. Жукова А. Льняной подкомплекс АПК Алтайского края // Экономика сельского хозяйства России. 2004. № 7. С. 28.
5. FAOSTAT // Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН. URL: <http://www.fao.org/faostat/en> (дата обращения: 18.04.2019).
6. Министерство сельского хозяйства РФ // Официальный сайт. URL: <http://mcs.ru> (дата обращения: 18.04.2019).
7. Итыгина А.А. Анализ состояния и перспектив развития текстильной промышленности России // Экономика, социология и право. 2014. № 2. С. 37–45.
8. Хайитов А.Х. Рынок шерсти и его регулирование // Сб. науч. тр. Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. Санкт-Петербург: СПбГАУ, 2018. 572 с.
9. Украинцева И.В. Влияние государственной поддержки на развитие отрасли овцеводства // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2019. № 1.
10. Разумеев К.Э. Современное состояние и динамика производства и переработки шерсти в мире // Овцы, козы, шерстяное дело. 2018. № 4.
11. Лебедева Т.С. О влиянии государственной поддержки фермерства на развитие овцеводства в красноярском крае // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2017. № 1 (5). С. 43–53.
12. Дворцеков А.С. Производство хлопка — реальность Юга России // «Э-Вести» — культурно-политический журнал. URL: <http://www.e-vesti.ru/ru/vsyo-vozmozhno-proizvodstvo-hlopka-realnost-yuga-rossii> (дата обращения: 18.04.2019).
13. Петрова Т.В., Колгушева Т.Н. Современный ассортимент натуральных растительных волокон // Кожа и мех в XXI веке: технология, качество, экология, образование: матер. XI междунар. науч.-практ. конф. 2015. С. 375–381.
14. Григорьев С.В., Якушева Т.В. Исследование коллекционных образцов хлопчатника GOSSYPIMUM HIRSUTUM L. В условиях Краснодарского края // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. 2018. С. 126–133.
15. Комраков А.Г. Минсельхоз обещает засеять Россию хлопком // Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/economics/2018-02-01/1_7163_cotton.html (дата обращения: 18.04.2019).
16. Егорова А.О., Поляков М.А. Основные положения стратегии развития лёгкой промышленности на период до 2025 года // Новая наука: современное состояние и пути развития. 2015. № 5. С. 205–207.

References

1. Litvinova A.G. Problemy razvitiya legkoi promyshlennosti v RF [Problems of Development of Light Industry in the Russian Federation]. *Sbornik statei po matermalam X mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Innovatsii v nauke»* [Collection of Articles on Materials of the X International Scientific and Practical Conference «Innovations in Science»]. Novosibirsk, SibAK, 2012. [in Russian].
2. Botkin O.I., Sutygin P.F. Strategicheskaya tsel' l'novodstva v Rossii [A Strategic Objective of a Flax Production in Russia]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo»* — *Bulletin of Udmurt University Series Economics and Law*, 2015, Vol. 25, Issue 1. [in Russian].
3. Ushchapovskii I.V., Novikov I.V. Sistemnye problemy l'nokompleksa Rossii i zarubezh'ya, vozmozhnosti ikh resheniya [System problems of Flax Production of Russia and Abroad, Possibility of their Solution]. *Molochnokhozyaistvennyi vestnik* — *Molochnokhozyaistvennyi Vestnik*, 2017, No. 1 (25). [in Russian].

4. Zhukova A. L'nyanoi podkompleks APK Altaiskogo kraia [Linen Subcomplex of HSC of Altai Krai]. *Ekonomika sel'skogo khozyaistva Rossii — Economics of Agriculture of Russia*, 2004, No. 7, pp. 28. [in Russian].
5. FAOSTAT. The Food and Agriculture Organization of the United Nations. Available at: <http://www.fao.org/faostat/en> (accessed 18.04.2019).
6. *Ministerstvo sel'skogo khozyaistva RF* [The Ministry of Agriculture of the Russian Federation]. Available at: <http://mcx.ru> (accessed 18.04.2019) [in Russian].
7. Itygina A.A. Analiz sostoyaniya i perspektiv razvitiya tekstil'noi promyshlennosti Rossii [Analysis of a Status and Perspectives of Development of the Textile Industry of Russia]. *Ekonomika, sotsiologiya i pravo — Economy, Sociology and Law*, 2014, No. 2, pp. 37-45. [in Russian].
8. Khaiitov A.Kh. Rynok shersti i ego regulirovanie [The Market of Wool and its Regulation]. *Sbornik nauchnykh trudov «Nauchnoe obespechenie razvitiya APK v usloviyakh importozameshcheniya»* [Collection of Scientific Papers «Scientific Support of the Development of the Agro-Industrial Complex in Terms of Import Substitution»]. Saint-Petersburg, SPSAU, 2018. 572 p. [in Russian].
9. Ukraintseva I.V. Vliyanie gosudarstvennoi podderzhki na razvitie otrasli ovtsevodstva [Influence of the State Support on Development of the Industry of Sheep Breeding]. *Kontsept — Concept*, 2019, No. 1. [in Russian].
10. Razumeev K.E. Sovremennoe sostoyanie i dinamika proizvodstva i pererabotki shersti v mire [The Current State and Dynamics of Production and Processing of Wool in the World]. *Ovtsy, kozy, sherstyanoe delo — Sheep, Goats, Woolen Business*, 2018, No. 4. [in Russian].
11. Lebedeva T.S. Ovliyanii gosudarstvennoi podderzhki fermerstva na razvitie ovtsevodstva v krasnoyarskom krae [About Influence of the State Support of Farming on Development of Sheep Breeding in Krasnoyarsk Krai]. *Sotsial'no-ekonomicheskii i gumanitarnyi zhurnal Krasnoyarskogo GAU — Socio-Economic and Humanitarian Magazine*. Krasgau, 2017, No. 1 (5), pp. 43–53. [in Russian].
12. Dvortsekov A.S. *Proizvodstvo khlopka — real'nost' Yuga Rossii* [Production of Cotton — Reality of the South of Russia]. Available at: <http://www.e-vesti.ru/ru/vsyo-vozmozhno-proizvodstvo-hlopka-realnost-yuga-rossii> (accessed 18.04.2019). [in Russian].
13. Petrova T.V., Kolgusheva T.N. Sovremenniy assortiment natural'nykh rastitel'nykh volokon [The Modern Range of Natural Vegetable Fibers]. *Materialy XI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Kozha i mekh v XXI veke: tekhnologiya, kachestvo, ekologiya, obrazovanie»* [Materials of the XI International Scientific and Practical Conference «Leather and Fur in the XXI Century: Technology, Quality, Ecology, Education»]. Buryati, 2015. 375-381 p. [in Russian].
14. Grigor'ev S.V., Yakusheva T.V. Issledovanie kolleksiionnykh obraztsov khlopchatnika GOSSYPIUM HIRSUTUM L. V usloviyakh Krasnodarskogo kraia [Research of Collection Samples of a Cotton GOSSYPIUM HIRSUTUM L. In the Conditions of Krasnodar Krai]. *Trudy po prikladnoi botanike, genetike i selektsii — Proceedings on Applied Botany, Genetics and Breeding*, 2018, pp. 126–133. [in Russian].
15. Komrakov A.G. *Minsel'khoz obeshchaet zaseyat' Rossiyu khlopkom* [The Ministry of Agriculture Promises to Sow Russia Cotton]. Available at: http://www.ng.ru/economics/2018-02-01/1_7163_cotton.html (accessed 18.04.2019). [in Russian].
16. Egorova A.O., Polyakov M.A. Osnovnye polozheniya strategii razvitiya legkoi promyshlennosti na period do 2025 goda [Basic Provisions of the Strategy of Development of Light Industry until 2025]. *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Novaya nauka: problemy i perspektivy»* [Materials of the International Scientific-Practical Conference «New Science: Problems and Prospects»]. Sterlitamak, 2015, No. 5. pp. 205-207. [in Russian].

Евсейчикова Н. Н.

Evseychikova N. N.

ассистент кафедры «Налоги и налогообложение»,

УО «Белорусский государственный экономический университет»,

г. Минск, Республика Беларусь

УДК 336.22.02(476)

DOI: 10.17122/2541-8904-2019-2-28-60-66

СТАНДАРТНЫЕ ВЫЧЕТЫ В ПОДОХОДНОМ НАЛОГООБЛОЖЕНИИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ: ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ РЕШЕНИЯ

Статья написана на актуальную тему, учитывающую современные тенденции в области подоходного налогообложения. В ней исследуются проблемы налогообложения доходов физических лиц в Республике Беларусь и возможные направления его дальнейшего совершенствования с учетом реализации социально-экономической политики в стране.

Одним из основных вопросов фискальной политики государства является выбор оптимальной модели льгот, содействующей должной реализации его экономических и социальных программ. В Республике Беларусь в рамках проводимой социальной политики предоставляется ряд налоговых льгот и освобождений. Однако в дальнейшем, если государство проявляет заботу о своём существовании и существовании своих граждан, в целях социальной справедливости необходимо продолжать корректировать систему подоходного налогообложения, в том числе и в части оптимизации существующих преференций.

В статье рассматривается роль стандартных налоговых вычетов в решении вопроса о преодолении неравенства благосостояния в различных слоях общества и обеспечении финансовой поддержки групп населения с низким доходом. Произведен сравнительный анализ существующих льгот по подоходному налогообложению в нашей стране и за рубежом.

Для усовершенствования действующей системы льгот и усиления ее воздействия на достижение намечаемых целей ускоренного развития экономических и социальных процессов рекомендуется модернизация системы льгот по подоходному налогообложению, в том числе за счет увеличения стандартных вычетов на детей в зависимости от их возраста до соответствующего размера бюджета прожиточного минимума. Изложенные рекомендации направлены на гармонизацию общегосударственных и личных интересов членов общества.

В целом можно отметить, что пространство для действий в части реформирования налоговых преференций в подоходном налогообложении имеется. В этой ситуации при внедрении предлагаемых нами мер налоговые льготы могут стать более действенным инструментом изменений социально-экономических и политических условий и решения национальных проблем.

Ключевые слова: подоходное налогообложение, налоговые льготы, стандартный вычет, бюджет прожиточного минимума, пассивный социальный доход, демографическая политика.

STANDARD DEDUCTIONS IN THE INCOME TAXATION OF PHYSICAL PERSONS: PROBLEMS, SOLUTIONS

The article is written on a relevant topic, taking into account current trends in income taxation field. It examines the problems of personal income taxation in Republic of Belarus and possible directions for its further improvement, taking into account the implementation of socio-economic policy in the country.

One of the state fiscal policy main issues is the choice of benefits optimal model, contributing to the proper implementation of its economic and social programs. In the Republic of Belarus, a number of tax benefits and exemptions are provided within the social policy framework. However,

in the future, if the state takes care of its existence and the existence of its citizens, with a view to social justice, it is necessary to continue to adjust the income taxation system, including in optimizing existing preferences terms.

The article discusses the role of standard tax deductions in addressing the issue of overcoming welfare inequalities in society various sectors and providing low-income groups financial support. A comparative analysis of the existing income tax exemptions in our country and abroad has been made.

To improve the existing system of benefits and enhance its impact on the achievement of the planned goals of economic accelerated development and social processes, it is recommended to modernize the income tax benefits system, including by increasing the standard deductions for children depending on their age to the subsistence budget corresponding size. The recommendations are aimed at the harmonization of national and personal interests of society members.

In general, it can be noted that there is room for action in reforming tax preferences in income taxation. In this situation, when introducing the measures we offer, tax breaks can become a more effective tool for changing socio-economic and political conditions and solving national problems.

Key words: income taxation, tax exemptions, standard deduction, minimum subsistence level, passive income, population policy.

Одним из основных вопросов фискальной политики государства является выбор оптимальной модели льгот, содействующей должной реализации ключевых экономических и социальных задач. Действующая система льгот по подоходному налогу отличается громоздкостью и существенной дифференциацией ее форм и размеров, иногда без учета их должной эффективности. К группе стандартных вычетов относят льготы, предоставляемые плательщикам по определенным критериям, одним из которых является размер получаемого дохода. С учетом социальной ориентации отечественной экономики в подоходном налогообложении законодательно установленные многочисленные преференции направлены на уменьшение сумм налогового изъятия для менее обеспеченной категории граждан, на решение демографических проблем и иное. Тем не менее, суще-

ствующий размер стандартных вычетов не учитывает установленные государством статистические показатели в области жизнеобеспечения и оплаты труда работников. Так, например, на сегодняшний день в Республике Беларусь размер вычета на работника составляет примерно половину бюджета прожиточного минимума, рассчитанного в среднем на душу населения, и практически в три раза меньше минимальной заработной платы. Таким образом, при начислении дохода ниже установленных государственных статистических показателей уровня жизни населения работник будет вынужден уплатить налог. На рисунке 1 графически изображена динамика стандартного вычета на работника, бюджета прожиточного минимума (БПМ) и минимального потребительского бюджета (МПБ) за период с 2009 г. по 2019 г.

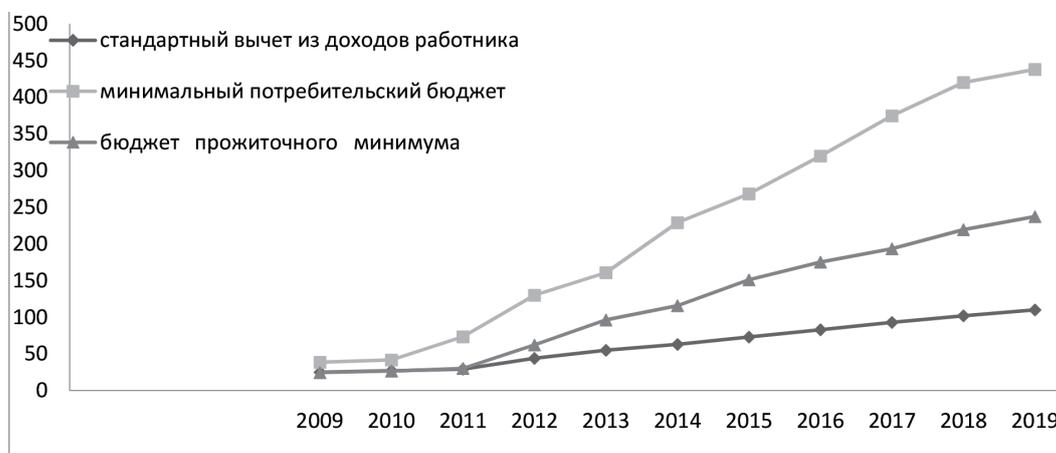

Рисунок 1. Динамика минимального потребительского бюджета, бюджета прожиточного минимума на начало года и стандартного вычета на работника в рублях за 2009–2019 гг. в Республике Беларусь
 Источник: Собственная разработка на основе данных МНС, Минфина [1, 2]

Обращает на себя внимание и тот факт, что предоставление данного вычета осуществляется только в том случае, если доход до налогообложения не превышает определенной законодательством суммы для применения льготы. Устанавливаемый критерий должен был бы обеспечивать возможность применения стандартного вычета работающими гражданами, исходя из средней заработной платы в целом по республике, однако на практике такого соответствия не наблюдается. Вместе с этим, следует отметить еще одну особенность белорусского подоходного налогообложения, а именно, налоговое законодательство проводит резкое различие между доходом граждан, чуть ниже либо немного выше установленного критерия, для применения данной льготы. В результате чистый доход плательщика, рассчитанный исходя из начисленной заработной платы выше установленного критерия, будет меньше суммы денежных средств после налогообложения, исчисленной с применением стандартного вычета. Также не исключены случаи, когда льготой могут воспользо-

ваться плательщики, работающие по основному месту занятости неполный рабочий день или на ставку и при этом иметь доходы от трудоустройства на иных рабочих местах. В этом случае их совокупная заработная плата может превышать размер установленного критерия для применения льготы, но вычет для таких плательщиков сохранится по основному месту работы. При этом для плательщиков с аналогичным уровнем доходов, но начисляемых только по единственному месту работы, вычет предоставляться не будет. Таким образом, из вышеизложенного следует, что законодательно установленный подход к определению величины стандартного вычета на работника и механизм его предоставления не в полной мере соответствуют принципу справедливости в обложении доходов и лишь частично иллюстрируют социально-ориентированный характер системы подоходного налогообложения. Динамика исследуемых величин за период 2009–2019 гг. представлена на рисунке 2.

Рисунок 2. Динамика номинальной начисленной среднемесячной заработной платы и критерия для определения вычета из доходов работника в 2009–2019 гг. в Республике Беларусь
 Источник: Собственная разработка на основе данных Минфина, МНС [2, 3]

Важной группой вычетов, снижающих налоговую базу по подоходному налогу, являются льготы при наличии детей и (или) иждивенцев. За последние 10 лет налоговый

вычет на ребенка до 18 лет увеличился почти в 4 раза и составил на 01.01.2019 32 рубля. Однако размер данной льготы оказывает незначительное влияние на налоговую

нагрузку плательщиков, поскольку он не превышает 3 % от начисленной на начало года среднемесячной заработной платы по республике [3].

Для вдов (вдовцов), одиноких родителей, опекунов или попечителей предусмотрен повышенный вычет на ребенка. Он почти в 2 раза больше общеустановленного. За аналогичный период его размер также вырос с 14 до 61 рубля и составил примерно 6 % от начисленной среднемесячной заработной платы. Кроме этого, в 2011 г. было уточнено понятие «одинокий родитель». К льготной категории были причислены родители, если второй из них лишен родительских прав. Считаем, что при такой формулировке закона выпала целая категория граждан, имеющих детей в возрасте до 18 лет и (или) иждивенцев и также воспитывающих их без супруга (супруги). Это затрагивает, в первую очередь, малообеспеченные семьи, где родители состоят в разводе и не получают алиментов либо получают их нерегулярно и в мизерном размере. Государственная поддержка таких семей и повышение уровня их благосостояния также возможны за счет причисления данных плательщиков к категории «одинокий родитель».

Для родителей, имеющих трех несовершеннолетних, а с 2012 г. двух и более, налоговым кодексом также предусмотрен повышенный размер льготы. Причем он предоставляется обоим родителям вне зависимости от их дохода. Тем не менее, по мнению автора, потенциал данной льготы для целей решения задач демографической политики государства полностью не реализован.

Опыт наших ближайших соседей подтверждает, что более высокие размеры этих льгот ориентированы на поддержку, в первую очередь, семей с низким уровнем доходов. Так, в Российской Федерации суммы вычетов в 1,6–1,8 раза больше, чем в Республике Беларусь. Российское налоговое законодательство, в отличие от белорусского, предусматривает отдельный стандартный вычет на ребёнка-инвалида, который в 8,5 раза превышает вычет на детей в иных случаях [4]. В Украине налоговая социальная

льгота в 2018 г. для семей с двумя или более детьми предусмотрена в размере половины БПМ. Вычет в размере 75 % БПМ предоставляется на ребенка-инвалида и для одиноких родителей и опекунов на каждого ребенка в возрасте до 18 лет [5].

Таким образом, проведенные исследования многолетнего применения стандартных вычетов по подоходному налогу и изученный зарубежный опыт применения льгот на детей позволяют заключить, что:

- размеры стандартных вычетов на ребенка лишь частично покрывают расходы на содержание детей;

- применяемые льготы не учитывают доходы конкретной семьи;

- при одновременном предоставлении льгот двум родителям нарушается принцип равенства в налогообложении доходов, поскольку усугубляет материальное положение неполных семей и иное.

В этой связи целесообразно с учетом финансовой возможности государства постепенно увеличивать размер льгот на детей. Ориентиром конечной величины данного вычета должен стать бюджет прожиточного минимума. Также следовало бы предоставлять льготу только одному родителю, что в определенной мере сократит разрыв налоговой нагрузки на семью [6].

С учетом вышеизложенного произведем расчет подоходного налога по существующей системе вычетов и сравним с суммой налога при условии увеличения льготы на ребенка до размера бюджета прожиточного минимума. В основу определения градации налогооблагаемых доходов с целью применения критерия для реализации налоговой льготы на работающего предлагается воспользоваться имеющимися на сегодняшний день статистическими данными о распределении численности работников организаций по размеру номинальной начисленной среднемесячной заработной платы (рисунок 3).

Исходя из количества занятых в экономике страны и с учетом их ранжирования по размерам номинальной начисленной заработной платы, произведем расчет налоговой базы, применив законодательно установлен-

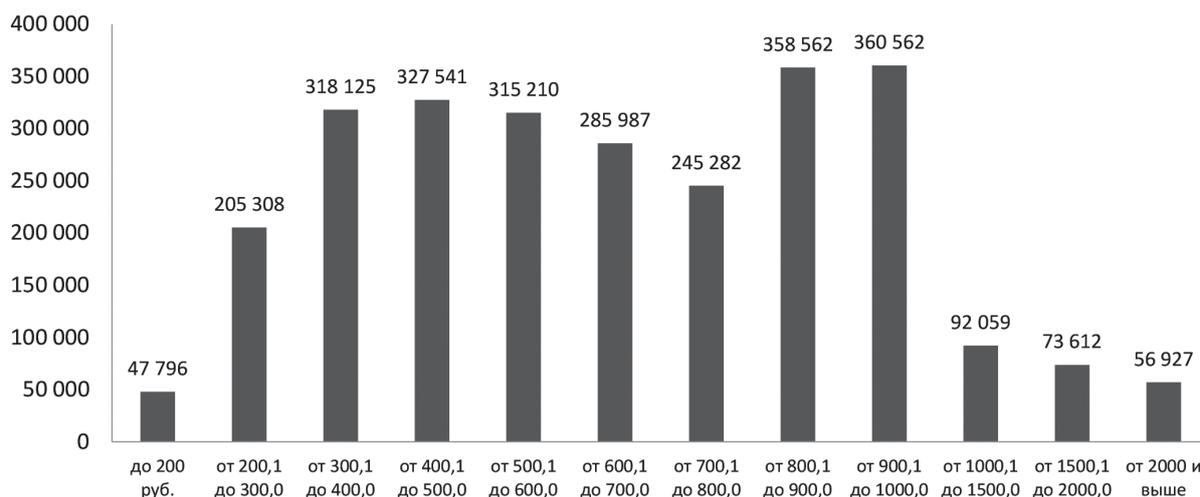

Рисунок 3. Распределение численности работников организаций по размерам номинальной начисленной заработной платы по состоянию на ноябрь 2017 г.

Источник: Собственная разработка на основании [7]

ный стандартный вычет по подоходному налогу из доходов работника в 2017 г. В результате размер данной льготы составил 101 180 837 рублей.

Для расчетов стандартного вычета на детей используем стандартный вычет на ребенка и данные основных демографических показателей по стране. Так, согласно официальным статистическим данным в Республике Беларусь численность несовершеннолетнего населения на 01.01.2018 составляла 1 956 069 человек. Из них 48,3 % детей проживало в семьях с одним ребенком, 51,7 % — с 2 и более детьми [8]. Учитывая это, размер стандартного вычета по существующей системе налогообложения доходов населения для родителей, занятых в экономике, в среднем за месяц составил 143 914 508 рублей.

Для расчета подоходного налога применим формулу:

$$\text{Нпд} = (\text{НБ} - \text{НВр} - \text{НВД}) \cdot \text{Ст}_{\text{нп}}, \quad (1)$$

где Нпд — сумма подоходного налога;

НБ — суммы налогооблагаемых доходов;

НВр — налоговый вычет на работника;

НВД — налоговый вычет на ребенка (детей);

$\text{Ст}_{\text{нп}}$ — ставка подоходного налога.

В результате подстановки данных сумма подоходного налога при применении законодательно установленных стандартных вычетов за ноябрь 2017 г. составила 355 342 604 рублей.

В предлагаемой корректировке стандартных льгот вычет на ребенка целесообразно предоставлять только одному из родителей по их выбору, что позволит также упростить налоговое администрирование по подоходному налогу. Для расчета вычета в целом по стране воспользуемся данными Национального статистического комитета Республики Беларусь и законодательно установленным размером БПМ в ноябре 2017 г. (таблица 1).

Таблица 1. Размер бюджета прожиточного минимума и количество несовершеннолетних детей в Беларуси

Возраст ребенка (лет)	БПМ (в бел. руб.)	Количество несовершеннолетних детей (чел.)
до 3 лет	128,32	341 757
от 3 до 6 лет	177,04	256 210
от 6 до 18 лет	216,85	1 358 102

Примечание. Источник: собственная разработка на основе [2, 7]

Расчет ежемесячной суммы предлагаемого стандартного вычета на детей по стране можно представить в виде следующей формулы:

$$\text{НВД} = \text{КД}_1 \cdot \text{БПМ}_1 + \text{КД}_2 \cdot \text{БПМ}_2 + \text{КД}_3 \cdot \text{БПМ}_3, \quad (2)$$

где НВД — суммы совокупного стандартного вычета на детей;

$\text{КД}_1, \text{КД}_2, \text{КД}_3$ — количество детей до 3 лет; 3–6 лет; 6–18 лет соответственно;

БПМ₁, БПМ₂, БПМ₃ — бюджет прожиточного минимума для детей до 3 лет, 3–6 лет, 6–18 лет соответственно.

Таким образом, в результате подстановки исходных и рассчитанных данных сумма совокупного стандартного вычета на детей за месяц составила 383 718 095 рублей, сумма подоходного налога 337 061 647 рублей.

По результатам произведенных расчетов за ноябрь 2017 г. при применении предлагаемой системы вычетов по подоходному налогу поступления в бюджет в сравнении с действующим порядком предоставления льгот уменьшатся на 18 280 957 рублей или на 5,1 % соответственно. Однако данный вариант корректировки стандартных вычетов значительно повысит социальную функцию налога. Это возможно за счет существенного снижения налоговых обязательств родителей с одним ребенком, а в большей степени — с двумя и более детьми. Предлагаемые изменения позволят также не только уменьшить, но и полностью снять налоговую нагрузку на доходы неполных семей, имеющих низкий уровень заработных плат. В случае превышения размера стандартных льгот на детей над суммой налогооблагаемых денежных средств финансовая поддержка родителей

возможна за счет возврата им рассчитанной разницы (условно пассивного социального дохода). Так, интеграция социальных выплат малоимущим семьям с детьми с подоходным налогообложением может стать альтернативным вариантом адресной помощи для таких плательщиков. Нивелировать потери бюджета в данном случае возможно за счет роста объемов реализуемых в стране товаров, работ, услуг, что повлечет увеличение налогов с оборота (НДС, акцизов). Кроме этого, не исключено, что в большей степени активизируется рынок страховых услуг, увеличится объем депозитов населения, возрастет инвестиционный интерес акционеров среди физических лиц, повысится предпринимательская активность и иное.

Вывод

Таким образом, предлагаемые изменения существующей системы вычетов за счет увеличения реальных доходов родителей не только несколько оживят многие сферы экономики, но и снизят уровень малообеспеченности семей с детьми, а в перспективе обеспечат устойчивую положительную динамику прироста населения, что является одной из главных задач Правительства на ближайшие годы.

Список литературы

1. Официальный интернет-портал Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь. URL: <http://www.nalog.gov.by> (дата обращения: 06.04.2019).
2. Официальный интернет-портал Министерства финансов Республики Беларусь. URL: http://www.minfin.gov.by/ru/budgetary_policy/analytical_reports/2004/bbf8830285fdeb46.html (дата обращения: 06.04.2019).
3. Налоговый кодекс Республики Беларусь от 29.12.2009 № 71-3 (Особенная часть). URL: <http://www.pravo.by> (дата обращения: 06.03.2019).
4. Стандартные налоговые вычеты. URL: <http://nalogovykodeks.ru/statya-218.html> (дата обращения: 16.04.2019).
5. Налоговая социальная льгота в Украине. URL: <http://www.buhoblik.org.ua/>

nalogi/nalog-na-doxody-fizicheskix-licz/1138-nalogovaya-soczialnaya-lgota.html (дата обращения: 06.04.2019).

6. Евсейчикова Н.Н. Применение стандартных вычетов в подоходном налогообложении: проблемы и перспективы // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: XI Международ. науч.-практ. конф. Минск: БГЭУ, 2018. С. 150-151.

7. Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь: статистический сборник. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2017. 335 с.

8. Семья в Республики Беларусь: статистический сборник. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2017. 114 с.

References

1. *Ofitsial'nyi internet-portal Ministerstva po nalogam i sboram Respubliki Belarus'* [Official Internet Portal of the Ministry of Taxes and Levies of the Republic of Belarus]. Available at: <http://www.nalog.gov.by> (accessed 06.04.2019). [in Russian].
2. *Ofitsial'nyi internet-portal Ministerstva finansov Respubliki Belarus'* [Official Internet Portal of the Ministry of Finance of the Republic of Belarus]. Available at: http://www.minfin.gov.by/ru/budgetary_policy/analytical_reports/2004/bbf8830285fdeb46.html (accessed 06.04.2019). [in Russian].
3. *Nalogovyi kodeks Respubliki Belarus' ot 29.12.2009 № 71-Z (Osobennaya chast')* [Tax Code of the Republic of Belarus of December 29, 2009 No. 71-3 (Special Part) (with amendments and additions)]. Available at: <http://www.pravo.by> (accessed: 06.03.2019). [in Russian].
4. *Standartnye nalogovye vychety* [Standard Tax Deductions]. Available at: <http://nalogovyykodeks.ru/statya-218.html> (accessed 16.04.2019). [in Russian].
5. *Nalogovaya sotsial'naya l'gota v Ukraine* [Tax Social Benefits in Ukraine]. Available at: <http://www.buhoblik.org.ua/nalogi/nalog-na-doxody-fizicheskix-licz/1138-nalogovaya-sotsialnaya-lgota.html> (accessed 06.04.2019). [in Russian].
6. Evseichikova N.N. *Primenenie standartnykh vychetov v podokhodnom nalogooblozhenii: problemy i perspektivy* [Application of Standard Deductions in Income Taxation: Problems and Prospects]. *XI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Ekonomicheskii rost Respubliki Belarus': globalizatsiya, innovatsionnost', ustoychivost'»* [XI International Scientific and Practical Conference «Economic Growth of the Republic of Belarus: Globalization, Innovation, Sustainability»]. Minsk, BSEU, 2018. pp. 150-151. [in Russian].
7. *Sotsial'noe polozhenie i uroven' zhizni naseleniya Respubliki Belarus': statisticheskii sbornik* [Social Status and Standard of Living of the Population of the Republic of Belarus: Statistical Compilation]. Minsk, National Statistical Committee of the Republic of Belarus, 2017. 335 p. [in Russian].
8. *Sem'ya v Respubliki Belarus': statisticheskii sbornik* [Family in the Republic of Belarus: Statistical Collection]. Minsk, National Statistical Committee of the Republic of Belarus, 2017. 114 p. [in Russian].

Степанова А. В.

Stepanova A. V.

студент кафедры «Региональная экономика и управление»

Института экономики и сервиса,

ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной

технический университет»,

г. Уфа, Российская Федерация

УДК 34.09

DOI: 10.17122/2541-8904-2019-2-28-67-74

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА

К настоящему времени экология перешагнула за границы биологии и преобразовалась в междисциплинарную науку, исследующую труднейшие проблемы взаимодействия человека с окружающей средой. Термин «экология» определяет совокупность взаимоотношений природы и общества. Атмосферный воздух является неотъемлемой частью окружающей среды.

Государственное регулирование в области охраны атмосферного воздуха оказывает значительное влияние на показатели качества жизни населения в целом. Этим и обусловлена актуальность данной темы.

Основой государственной политики в области охраны окружающей среды в Российской Федерации на период до 2024 года является национальный проект «Экология». Глобальная цель нацпроекта — радикально изменить воздействие на окружающую среду к 2024 г. Нацпроект «Экология» включает в себя 10 федеральных проектов, одним из которых является проект «Чистый воздух».

Цель исследования — разработка рекомендаций по совершенствованию государственного управления в области охраны атмосферного воздуха в Республике Башкортостан на основе результатов проведенного мониторинга.

На сегодняшний день рост автотранспорта и промышленного производства, низкое качество топливного сырья, применение в производстве экологически небезопасного и устаревшего оборудования являются основными источниками загрязнения воздушного бассейна Республики Башкортостан.

В статье предложены следующие рекомендации по улучшению государственного управления в области охраны атмосферного воздуха:

1. Снижение доли выхлопа автомобильного транспорта в загрязнении населенных пунктов республики путём применения чистых видов топлива;

2. Усиление государственного наблюдения и контролирования за потенциально небезопасными предприятиями;

3. Реконструкция старых заводов с установкой современных технологий, а также обязательная выплата штрафов предприятиями, не готовыми модернизировать производство и снизить экологический ущерб;

4. Озеленение территории, уменьшение вырубки и восстановление лесов;

5. Повышение экологической культуры населения;

6. Необходимость введения налога на загрязнение воздуха. Система налогообложения должна быть направлена на снижение антропогенного воздействия на окружающую среду до допустимых значений.

Ключевые слова: окружающая среда, регион, государственное управление и регулирование, государственный и муниципальный экологический контроль, экологическая политика, охрана атмосферного воздуха, индекс загрязнения атмосферного воздуха, экономическое благополучие, техногенная нагрузка, рост промышленного производства.

IMPROVEMENT OF STATE MANAGEMENT IN ATMOSPHERIC AIR PROTECTION

To date, ecology has crossed the boundaries of biology and transformed into an interdisciplinary science that explores the most difficult problems of human interaction with the environment. The term «ecology» defines a set of relationships between nature and society. Atmospheric air is environment integral part.

State regulation in air protection has a significant impact on the quality of population life as a whole. This is due to the relevance of this topic.

The basis of the state policy in environmental protection in Russian Federation for the period up to 2024 is the national project «Ecology». The national project global goal is to radically change the impact on the environment by 2024. The national project «Ecology» includes 10 Federal projects, one of which is the project «Clean air».

The study aim is to develop recommendations for improving public administration in air protection in Republic of Bashkortostan on the monitoring basis.

Today, motor transport growth, industrial production growth, low quality of fuel and raw materials, application in production of environmentally unsafe and outdated equipment are the main sources of air pollution in Republic of Bashkortostan.

The article offers recommendations for improving public administration in air protection:

1. Reduction of road transport exhaust in the pollution of settlements of the Republic through the clean fuels use;
2. Strengthening state surveillance and control of potentially unsafe enterprises;
3. Reconstruction of old plants with the modern technologies installation, as well as to oblige to pay fines to enterprises that are not ready to modernize production and reduce environmental damage;
4. Landscaping, reducing deforestation and reforestation;
5. Improving the environmental culture of the population;
6. The need to introduce a tax on air pollution. The tax system will be aimed at reducing the anthropogenic impact on the environment to acceptable values.

Key words: environment, region, state management and regulation, state and municipal environmental control, environmental policy, atmospheric air protection, air pollution index, economic development, industrial load, growth in industrial production.

Наиболее важным фактором, оказывающим непосредственное влияние на показатели качества жизни населения, является состояние атмосферного воздуха, следовательно, государственное управление в области охраны атмосферного воздуха — важнейшая задача экологической политики.

В Российской Федерации регулирование качества атмосферного воздуха и защита населения от негативного воздействия загрязняющих веществ регламентируется Федеральным законом № 96 — ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» от 04.05.1999 [1].

Согласно № 96 — ФЗ «Об охране атмосферного воздуха», охрана атмосферного воздуха — система мер, осуществляемых органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти

субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, юридическими и физическими лицами в целях улучшения качества атмосферного воздуха и предотвращения его вредного воздействия на здоровье человека и окружающую среду [1].

Основой государственной политики в области охраны окружающей среды в Российской Федерации на период до 2024 года является национальный проект «Экология». Глобальная цель нацпроекта — радикально изменить воздействие на окружающую среду к 2024 г. [2].

Нацпроект «Экология» включает в себя 10 федеральных проектов, одним из которых является проект «Чистый воздух». В таблице 1 представлен свод целевых показателей регионального проекта «Чистый воздух» в Республике Башкортостан.

Таблица 1. Свод целевых показателей регионального проекта «Чистый воздух» в Республике Башкортостан

Наименование показателя	Базовое значение	Годы						
	Значение	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Строительство автомобильных газовых накопительных компрессорных станций, ед.	16	16	21	21	21	21	21	2
Система автоматизированного мониторинга посредством строительства автоматизированных станций контроля загрязнения атмосферы (АСКЗА) в крупных промышленных городах республики, шт.	5	5	6	7	7	8	8	3
Автобусы, работающие на газомоторном топливе	181	255	255	255	255	255	255	4
Потребление метана, млн куб. м	31	33	39	41	43	45	47	5

Цель исследования заключается в мониторинге загрязнения атмосферного воздуха в Республике Башкортостан от стационарных и передвижных источников, разработке рекомендаций по совершенствованию государственного управления в области охраны атмосферного воздуха.

Антропогенное воздействие на атмосферный воздух включает годовые показатели

выбросов загрязняющих веществ, отходящие от стационарных и передвижных источников.

Наибольшее количество выбросов загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников за период с 2010 г. по 2017 г., приходилось на 2011 г. (1148,5 тыс. т). В 2017 г. выбросы значительно (на 308,4 тыс. т по сравнению с 2011 г.) снизились (рисунок 1).

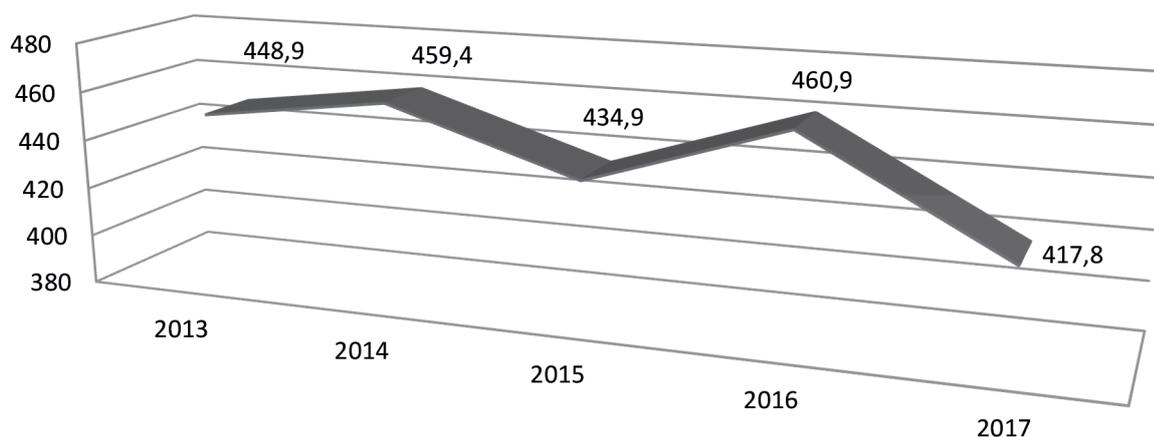

Рисунок 1. Годовые показатели выбросов загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников, тыс. т [3]

Индекс загрязнения атмосферного воздуха ФГБУ «Башкирское Управление по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды» определяет по пяти городам республики (таблица 2).

Градация индекса загрязнения атмосферного воздуха:

- 0–4 — мало влияет на здоровье;
- 5–6 — повышенное влияние;
- 7–13 — неблагоприятное влияние для здоровья;
- 14 — очень неблагоприятное влияние для здоровья.

Таблица 2. Индекс загрязнения атмосферного воздуха в городах Республики Башкортостан [4]

Город	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Уфа	9	5	4	3	3
Стерлитамак	12	5	3	3	3
Салават	6	4	3	3	3
Туймазы	5	3	3	2	3
Благовещенск	5	2	2	5	2

В крупных городах Республики Башкортостан уровень загрязнения атмосферного воздуха характеризуется как низкий.

Республика Башкортостан является одним из наиболее развитых промышленных регионов Российской Федерации. Обладая многоотраслевой экономикой, республика входит в первую десятку регионов Российской Федерации по объему промышленного производства. На долю промышленного производ-

ства приходится около 49,6% валового регионального продукта (ВРП).

На территории республики находится огромное количество предприятий топливно-энергетического комплекса, включающего в себя нефтедобывающую, нефтеперерабатывающую, нефтехимическую, химическую и электроэнергетическую отрасли, именно они являются основными источниками загрязнения атмосферного воздуха (рисунок 2).

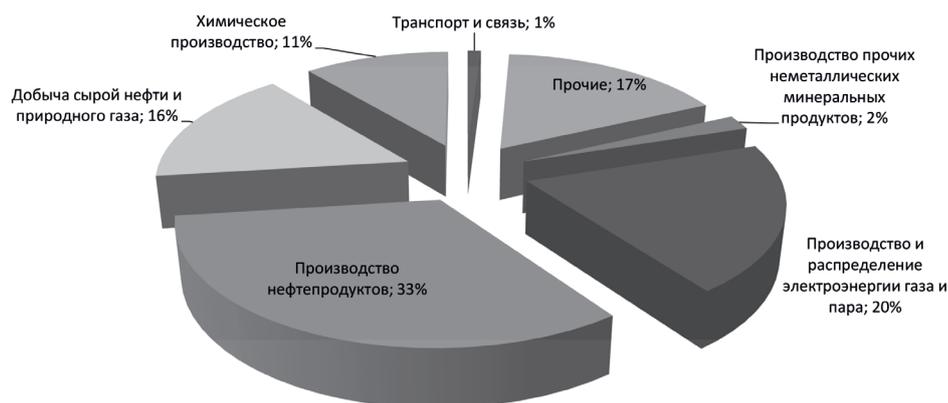

Рисунок 2. Вклад ведущих отраслей промышленности Республики Башкортостан в валовые выбросы загрязняющие атмосферу в 2017 г., % [3]

Развитие промышленного комплекса определяет экономическое благополучие республики, но в тоже время обуславливает высочайшую техногенную нагрузку на окружа-

ющую среду. На рисунке 3 представлена динамика изменения количества выбрасываемых в атмосферу основных загрязняющих веществ по Республике Башкортостан за 2013–2017 гг.

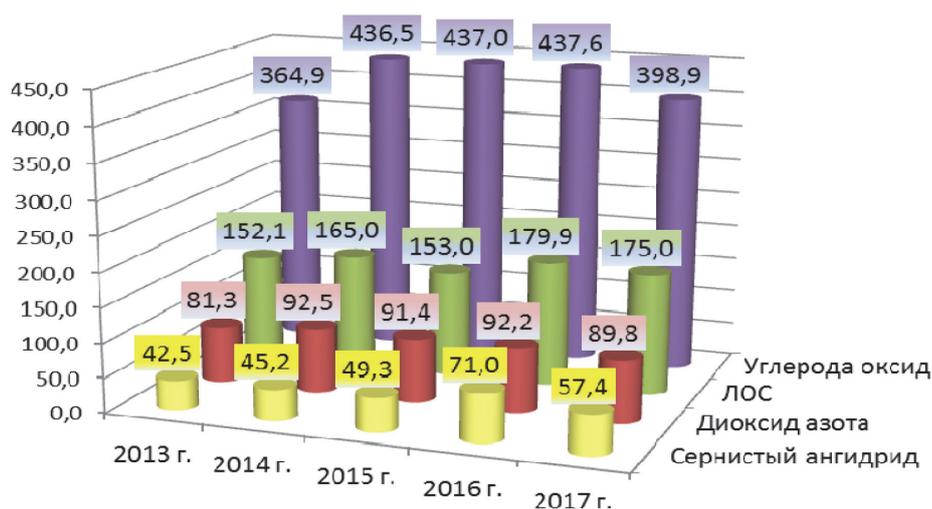

Рисунок 3. Динамика изменения количества выбрасываемых в атмосферу основных загрязняющих веществ по Республике Башкортостан за 2013–2017 гг., тыс. т [5]

Антропогенные воздействия приводят к отрицательным последствиям. Данная проблема наиболее характерна для г. Сибай, где сосредоточены крупные центры Российской Федерации по добыче и переработки медно-

колчеданных руд. Экологическое обострение в области охраны атмосферного воздуха, произошедшее в городе из-за тления руды в карьере, негативно повлияло на состояние здоровья населения.

Немаловажную роль в загрязнении воздушного бассейна играет автотранспорт. В среднем обычная легковая машина ежедневно выпускает около 9 кг углекислого газа. В Российской Федерации зарегистрировано около 45 млн легковых и около 7 млн грузовых автомобилей. Все это сводится к тому, что в регионах РФ загрязнение атмосферного воздуха от автотранспорта с каждым годом увеличивается и оказывает негативное воздействие на окружающую среду.

В Республике Башкортостан в 2017 г. объем загрязняющих веществ от транспортных средств уменьшился на 9%, уменьшение выбросов в атмосферу произошло путем применения двигателей с улучшенными экологическими характеристиками, а также перевод транспорта на газомоторное топливо. Динамика выбросов загрязняющих веществ, отходящих от передвижных источников, в РБ показана на рисунке 4.

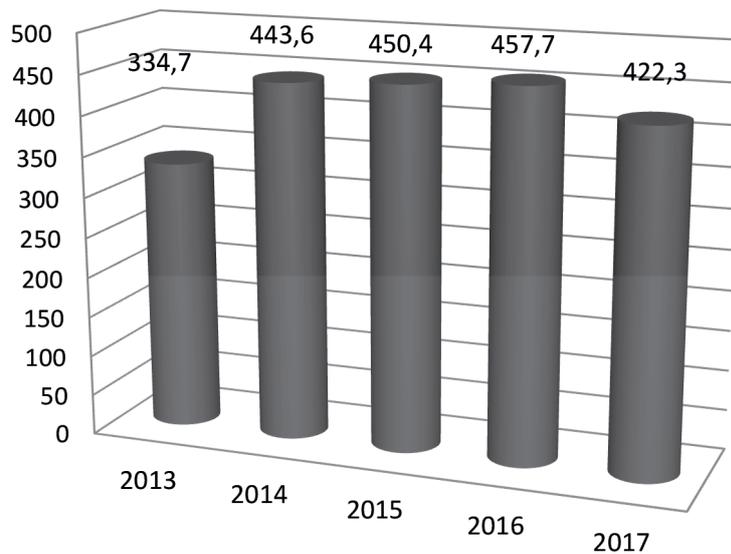

Рисунок 4. Динамика выбросов загрязняющих веществ, отходящих от передвижных источников, тыс. т [5]

Статистические данные позволяют изучить динамику развития валовых выбросов во времени. Закономерность развития валовых выбросов во времени описывается уравнением $y = -24,62x^2 + 160,6x + 655,1$.

Временная регрессия представляет тренд с коэффициентом детерминации $R^2 = 0,847$. Это

говорит о том, что уравнение хорошо описывает существующую тенденцию (рисунок 5).

С помощью уравнения определяется интервальный прогноз выбросов на период до 2020 г. (рисунок 6).

С каждым последующим годом валовые выбросы, отходящие от стационарных и передвижных источников, будут возрастать.

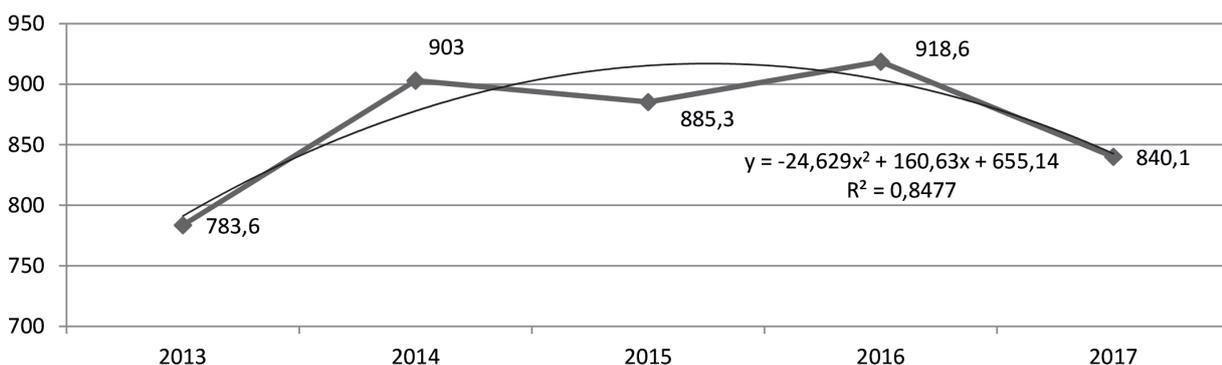

Рисунок 5. Динамика валовых выбросов загрязняющих веществ за 2013-2017 гг., тыс.т

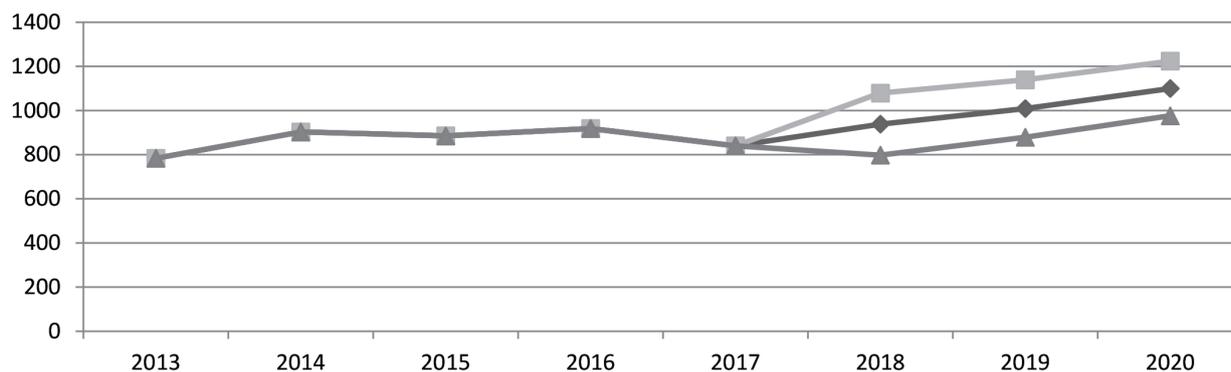

Рисунок 6. Интервальный прогноз изменения выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух в РБ до 2020 г., тыс. т

Основными причинами увеличения объема загрязняющих веществ атмосферы РБ являются:

- рост автотранспорта;
- рост промышленного производства;
- низкое качество топливного сырья;
- применение в производстве экологически небезопасного и устаревшего оборудования;
- ослабление управленческих функций государства в области охраны атмосферного воздуха;
- низкий уровень экологической культуры населения [6].

Для решения экологической проблемы в Республике Башкортостан необходимо организовать ряд мероприятий по улучшению атмосферной ситуации, в том числе:

1. снижение доли выхлопа автомобильного транспорта в загрязнении населенных пунктов республики путём применения чистых видов топлива;
2. усиление государственного наблюдения и контролирования за потенциально небезопасными предприятиями [7];
3. реконструкция старых заводов с установкой современных технологий, а также обязательная выплата штрафов предприятиями, не готовыми модернизировать производство и снижать экологический ущерб;
4. озеленение территории, уменьшение вырубки и восстановление лесов;
5. повышение экологической культуры населения;
6. необходимость введения налога на загрязнение атмосферного воздуха. Система налогообложения должна быть направлена на

то, что бы снизить антропогенное воздействие на окружающую среду до допустимых значений, а также стимулировать производителей сокращать уровень загрязнения окружающей среды и модернизировать устаревшие технологии. Рассчитываться сумма налога может на основании показателей загрязнения [8].

В зарубежных странах реализация эффективной экологической политики в области охраны атмосферного воздуха является одним из значимых направлений экологической политики.

Китайская Народная Республика занимает лидирующую позицию по загрязнению воздушного бассейна в связи с высокой рождаемостью. Так, с 2014 г. Правительство КНР обязало все предприятия, в том числе государственные, представлять данные о выбросах в атмосферу в открытом доступе. За правонарушения в области охраны атмосферного воздуха Правительство Китая вводит неограниченные штрафы с предприятий, а органы местного самоуправления привлекаются к административной ответственности за сокрытие нарушений [9].

Федеративная Республика Германия — индустриальная страна с хорошо развитой промышленностью. В борьбе с выбросами, загрязняющими атмосферный воздух, Германия активно использует новейшие технологии, в частности, электрофильтры и катализаторы. Законодательство в сфере окружающей среды наиболее строгое: за умышленное преступление предусматривается уголовное наказание сроком до 5 лет, а за особо тяжкое преступление — сроком до 10 лет [10].

С каждым годом проблема загрязнения атмосферного воздуха приобретает актуальный характер, ее решение требует в обязательном порядке государственного и муниципального участия.

Вывод

Мониторинг атмосферного воздуха в Республике Башкортостан позволил выявить, что за рассматриваемый период, с 2013 г. по 2017 г., объем вредных выбросов от стационарных и передвижных источников характеризуется как низкий, что подтверждают данные индекса загрязнения атмосферы. График

интервального прогноза выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух в Республике Башкортостан показывает, что объем валовых выбросов будет увеличиваться с каждым последующим годом. Для минимизации негативного воздействия от передвижных и стационарных источников загрязнения необходимо усилить государственный контроль, а также разработать ряд административно-правовых, технологических, планировочных и санитарно-технологических мероприятий.

Список литературы

1. Федеральный закон № 96 «Об охране атмосферного воздуха» от 04.05.1999. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.05.2019).
2. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 21.05.2019).
3. Государственный доклад о состоянии природных ресурсов и окружающей среды Республики Башкортостан за 2017 г. URL: <https://ecology.bashkortostan.ru> (дата обращения: 14.05.2019).
4. Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 г. URL: <https://economy.bashkortostan.ru> (дата обращения: 12.05.2019).
5. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. URL: <http://bashstat.gks.ru> (дата обращения: 05.05.2019).
6. Василенко В.А. Экономика и экология: проблемы и поиски путей устойчивого развития. Новосибирск, 2010. 91 с.
7. Зайнашева З.Г., Гавриленко И.Г. Информатизация системы управления региональным развитием (на примере Республики Башкортостан). URL: <https://esj.today/PDF/76ECVN518.pdf> (дата обращения: 05.05.2019).
8. Петров К.М. Экология и культура. URL: <https://www.studmed.ru/petrov-km->

ekologiya-i-kultura_4fef0f7decb.html (дата обращения: 05.05.2019).

9. Брославский Л.И. Государственный экологический контроль в КНР // Журнал российского права. 2010. 73 с.

10. Копылов М.Н. Право на развитие и экологическая безопасность развивающихся стран (международно-правовые аспекты). М., 2012. 85 с.

References

1. *Federal'nyi zakon № 96 «Ob okhrane atmosfernogo vozdukha» ot 04.05.1999* [Federal Law No. 96 «On the Protection of Atmospheric Air» of 04.05.1999]. Available at: <http://www.consultant.ru> (accessed 05.05.2019). [in Russian].
2. *Ukaz Prezidenta RF ot 7 maya 2018 g. № 204 «O natsional'nykh tselyakh i strategicheskikh zadachakh razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2024 goda»* [Presidential Decree of May 7, 2018 No. 204 «On the National Goals and Strategic Objectives of the Development of the Russian Federation for the Period up to 2024»]. Available at: <https://www.garant.ru> [in Russian].
3. *Gosudarstvennyi doklad o sostoyanii prirodnikh resursov i okruzhayushchei sredy Respubliki Bashkortostan za 2017 g.* [State Report on the State of Natural Resources and the Environment of the Republic of Bashkortostan for 2017]. Available at: <https://ecology.bashkortostan.ru> [in Russian].
4. *Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Bashkortostan na period do*

2030 g. [The Strategy of Socio-Economic Development of the Republic of Bashkortostan for the Period up to 2030]. Available at: <https://economy.bashkortostan.ru> (accessed 12.05.2019). [in Russian].

5. *Territorial'nyi organ federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Respublike Bashkortostan* [The Territorial Body of the Federal State Statistics Service in the Republic of Bashkortostan]. Available at: <http://bashstat.gks.ru> (accessed 05.05.2019). [in Russian].

6. Vasilenko V.A. *Ekonomika i ekologiya: problemy i poiski putei ustoichivogo razvitiya* [Economics and Ecology: Problems and the Search for Ways of Sustainable Development]. Novosibirsk, 2010. 91 p. [in Russian].

7. Zainasheva Z.G., Gavrilenko I.G. *Informatizatsiya sistemy upravleniya regional'nym razvitiem (na primere Respubliki Bashkortostan)* [Informatization of the Regional Development Management System (on the

Example of the Republic of Bashkortostan)]. Available at: <https://esj.today/PDF/76ECVN518.pdf> (accessed 05.05.2019). [in Russian].

8. Petrov K.M. *Ekologiya i kul'tura* [Ecology and Culture]. Available at: https://www.studmed.ru/petrov-km-ekologiya-i-kultura_4fef0f7decb.html (accessed 05.05.2019). [in Russian].

9. Broslavskii L.I. Gosudarstvennyi ekologicheskii kontrol' v KNR [State Environmental Control in the PRC]. *Zhurnal rossiiskogo prava — Journal of Russian Law*, 2010, 73 p. [in Russian].

10. Kopylov M.N. *Pravo na razvitie i ekologicheskaya bezopasnost' razvivayushchikhsya stran (mezhdunarodno-pravovye aspekty)* [The Right to Development and Environmental Safety of Developing Countries (International legal Aspects)]. Moscow, 2012. 85 p. [in Russian].

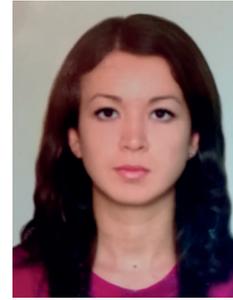
Блаженкова Н. М.
Blazhenkova N. M.

доктор экономических наук,
профессор,
заведующий кафедрой
«Финансы и кредит»
Института экономики
и сервиса,
ФГБОУ ВО «Уфимский
государственный нефтяной
технический университет»,
г. Уфа,
Российская Федерация

Хусаева А. И.
Khisaeva A. I.

кандидат экономических
наук, доцент
кафедры «Проектный
менеджмент и экономика
предпринимательства»
Института экономики
и сервиса,
ФГБОУ ВО «Уфимский
государственный нефтяной
технический университет»,
г. Уфа,
Российская Федерация

Закирова А. Э.
Zakirova A. E.

аспирант кафедры
«Проектный
менеджмент и экономика
предпринимательства»
Института экономики
и сервиса,
ФГБОУ ВО «Уфимский
государственный нефтяной
технический университет»,
г. Уфа,
Российская Федерация

УДК 338.22

DOI: 10.17122/2541-8904-2019-2-28-75-80

ИНСТРУМЕНТАРИЙ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТНЫХ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУР ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ БИЗНЕС-ПРОЕКТОВ

В данной статье исследуется процесс взаимодействия властных и предпринимательских структур при реализации инвестиционных бизнес-проектов, выраженный в поиске наиболее подходящих для перспективного взаимовыгодного сотрудничества форм и методов, а также в отборе конкретных инструментов для их реализации.

Развитие малого и среднего предпринимательства (МСП) является одним из приоритетных направлений для роста и развития российской экономики. Однако попытки руководства страны качественно изменить экономику России за счёт развития МСП тормозят существующие подходы сотрудничества власти с предпринимательскими структурами. Так, в большинстве регионов взаимодействие власти с бизнес-сообществом осуществляется в «серой», а в некоторых даже в «чёрной зоне», что неблагоприятно сказывается на перспективе роста и развития предпринимательства. Кроме того, при сложившейся неопределённой экономической ситуации бизнес-структурам сложно видеть перспективу своей деятельности и рассчитывать на содействие со стороны властных органов в создании благоприятных условий для осуществления инвестиционных проектов.

Основным направлением для наиболее эффективного роста российской экономики является развитие малого и среднего предпринимательства, необходимость конструктивного взаимодействия между субъектами бизнес-сообщества и государства осознаётся обеими сторонами, однако из-за существующих устоев, отсутствия корректной законодательной базы, регулирующих стандартов, эффективных антикоррупционных мероприятий уровень недоверия к власти только растёт. При сложившейся ситуации очень важно создать и поддерживать благоприятные взаимовыгодные условия для совместной деятельности участников экономических процессов, гармонизировать их работу для достижения общих целей и

нахождения опорных точек сотрудничества, вокруг которых общими силами будут строиться доверительные взаимоотношения.

Ключевые слова: предпринимательство, государство, инвестиционная деятельность, взаимодействие властных и предпринимательских структур, инвестиционные бизнес-проекты, инструменты взаимодействия, модели взаимодействия, инвестиционный климат.

TOOLS TO IMPROVE THE EFFICIENCY OF THE INTERACTION OF AUTHORITIES AND ENTREPRENEURSHIP STRUCTURES WHEN REALIZING INVESTMENT BUSINESS PROJECTS

In this article the cooperation process of imperious and enterprise structures is investigated during investment business-projects realization, shown in the search of the most suitable for a perspective mutually beneficial collaboration forms and methods, and also in the selection of certain instruments for their realization.

Small and middle enterprise (SME) development is one of priority directions for Russian economy development. However, attempts of country guidance qualitatively to change Russia economy due to SME development, brake existent approaches of power collaboration with enterprise structures. So, in most regions, co-operating of power with a business-association comes true in «grey», and in some even in a «black zone», that unfavorably affects to the prospect of height and development of enterprise. In addition, at the folded indefinite economic situation, businesses are difficult to see the prospect of the activity and count on an assistance from the imperious organs side in favourable terms creation for investment projects realization.

The main direction for Russian economy most effective growth is the small and medium-sized businesses development and for this, the need for constructive interaction between business community subjects and the state is recognized by both parties, but because of the existing foundations, the lack of a correct legal framework, regulatory standards, effective anti-corruption events, the power distrust level is only growing. In this situation, it is very important to create and maintain favorable mutually beneficial conditions for joint activities of participants in economic processes, harmonize their work to achieve common aims and find support points for cooperation, around which common forces will build trust relationships.

Key words: entrepreneurship, state, investment activity, interaction of power and business structures, business projects investment, interaction tools, interaction models, investment climate.

Одним из приоритетных направлений экономического роста государства является качественное развитие малого и среднего предпринимательства, инвестирование в реальный сектор региональной экономики, ключевая задача — разрешение имеющихся проблем, препятствующих эффективному инвестированию и ведению хозяйственной деятельности.

Следует отметить, что понятие «инвестиционный бизнес-проект» в отечественной литературе отражено недостаточно полно, исследования характеризуются разрозненностью мнений. Кроме того, происходит смешение, а иногда и подмена понятий «программа» и «проект». Согласно нормативно-правовым актам РФ, под инвестиционным проектом следует понимать документально оформленное обоснование инвестиций и

описание практических действий по их осуществлению, но не сами действия [1]. В то же время инвестиционный бизнес-проект не сводится только к набору документов и рассматривается в экономической литературе как деятельность, последовательность действий, реализация целей, система управленческих решений, а также как совокупность прав собственности, привилегий, имущества, технологий контрактов, которые в совокупности обеспечивают возможность получения дохода [2–4].

В настоящее время инвестиционная деятельность в России развивается сдержанно, на что, по мнению автора, существенное влияние оказывает неудовлетворительный уровень институционального обеспечения взаимного доверия. Возможность эффективного развития в регионах России инвестиционных

бизнес проектов осложняется рядом объективных факторов. Во-первых, существующая на сегодняшний день законодательная база требует доработки, она в полной мере не создаёт условий для эффективного сотрудничества властных и предпринимательских структур при реализации инвестиционных бизнес-проектов и дальнейшего выгодного для обеих сторон взаимодействия, механизм компенсации государством потерь частного партнерства, отсутствует на уровне закона. Во-вторых, это дефицит компетентных специалистов и профессионально обученных сотрудников, отсутствие соответствующего информационно-коммуникационного сопровождения инвестиционных бизнес-проектов со стороны органов власти. В-третьих, одна из самых важных проблем для реализации инвестиционных бизнес-проектов в регионах России — это отсутствие экономической стабильности, краткосрочность государственного бюджетирования и распространённость практики изменений правил игры [2, 5–12].

Всё вышеперечисленное, в конечном результате, приводит к интенсивному оттоку капитала из России в зарубежные страны (рисунок 1).

Проанализировав движение инвестиций, по статистическим данным Центробанка, за последние 10 лет, четко прорисовывается картина — большинство отечественных и иностранных инвесторов предпочитают вкладывать финансовые средства в зарубежные фонды [3]. Нежелание инвестировать в российские бизнес-проекты вызвано неустойчивым состоянием российского рынка, порождающим неопределённость в деловой среде и, в частности, отсутствие доверительных отношений между субъектами предпринимательских и властных структур. Как показывают статистические данные за прошлый 2018 г., отток капитала увеличился практически втрое, а за 2 месяца текущего года — в 2 с лишним раза по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

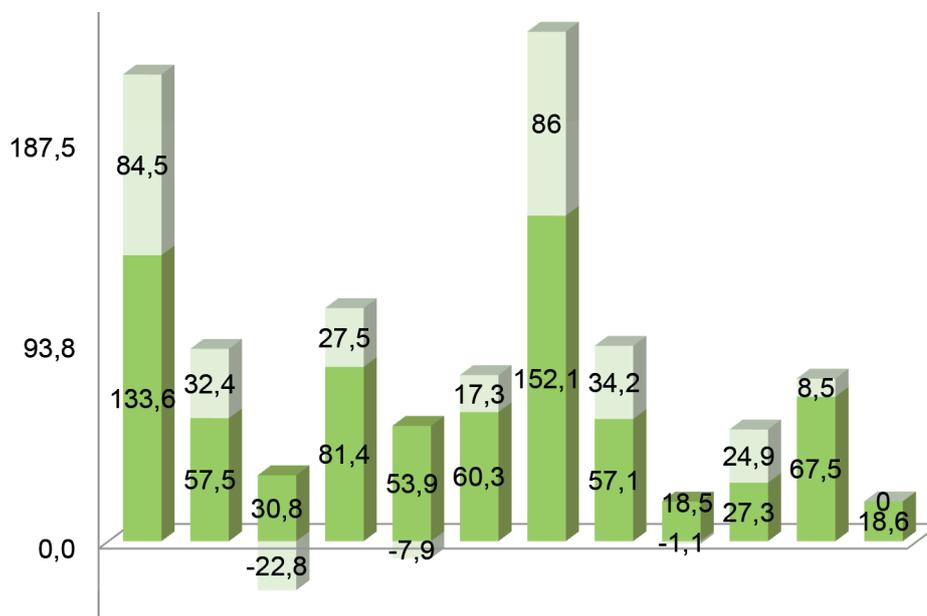

Рисунок 1. Чистый ввоз/вывоз капитала частным сектором и банками (по данным платежного баланса Российской Федерации)

Уровень развития отечественного сектора малого и среднего бизнеса (МСБ) на сегодняшний день значительно отстает от потребностей российского и мирового общества и не позволяет в полной мере реализовывать предпринимательский потенциал. Регионы

Российской Федерации развиваются неравномерно: одни из них имеют статус «доноров», другие — статус «реципиентов», поэтому применение ко всем территориям универсального организационно-экономического инструментария построения

эффективного взаимодействия власти и бизнеса при реализации инвестиционных бизнес-проектов недопустимо. Но при этом можно исходить из единой концепции «зон». Для регионов «белой зоны» характерно высокое качество нормативно-правовой базы, здесь государство оказывает эффективную финансовую, кредитную, социальную и информационную поддержку сегменту МСБ, а бизнес-деятели активно развивают социальную инфраструктуру. Для регионов «черной зоны» характерно отсутствие качественной нормативно-правовой базы, здесь все государственно-частные взаимодействия реализуются «в тени». «Серая зона» характеризуется переходным состоянием от «чер-

ной» зоны к «белой» — здесь развита практика добровольно-принудительного привлечения бизнеса к финансированию региональных проектов или принуждение его к социальной ответственности. Соответственно, в каждой из зон будет действовать уникальный комплекс инструментов взаимодействия власти и бизнеса, наиболее широко будут использоваться те методы сотрудничества, которые находятся в дефиците. Определить вид необходимого инструмента взаимодействия при реализации инвестиционных проектов для конкретного региона как раз возможно с помощью «зонной» модели (рисунок 2).

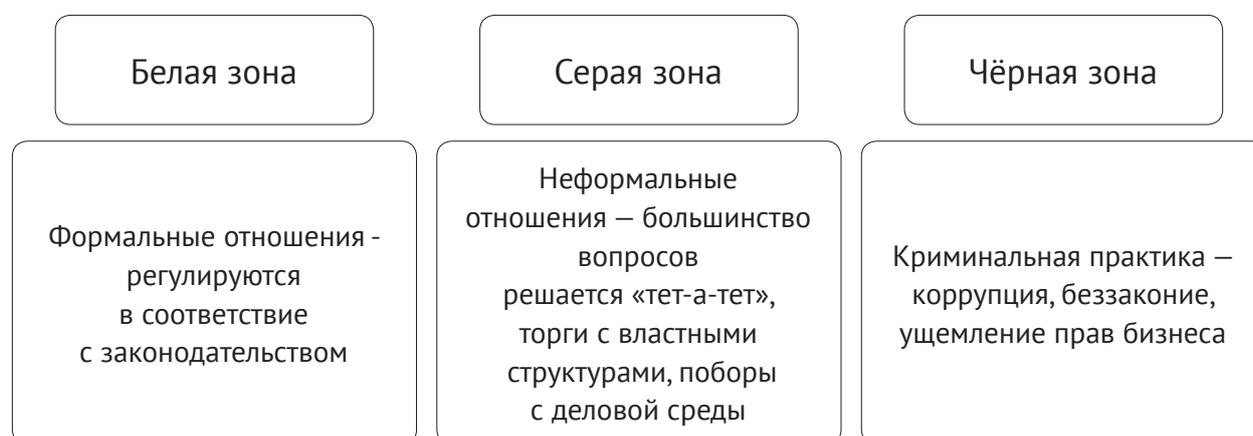

Рисунок 2. Зонная модель взаимодействия властных и предпринимательских структур

Для эффективной реализации инвестиционных бизнес-проектов в стране, консолидации фирм, предприятий в «белой зоне» властным структурам необходимо создать условия социального партнёрства с деловым обществом, для чего, в первую очередь, необходимо принять ряд законодательных, экономических и социальных мер, которые будут базироваться на системе взаимовыгодного партнёрства и представляют собой инструмент эффективного взаимодействия властных и предпринимательских структур при реализации инвестиционных бизнес-проектов. При этом следует отметить, что для эффективного взаимодействия властных и предпринимательских структур, помимо создания «внешних» инструментов, необходимо понимание субъектами обеих сторон, что взаимовыгодное и долгосрочное сотруд-

ничество возможно лишь при максимальном сокращении персонификации выгоды, создании и поддержании доверительных партнёрских отношений для достижения общей цели — эффективного развития предпринимательства для роста экономики Страны и создания благоприятных условий для жизни общества [6, 13].

Выводы

Потребность в законодательных преобразованиях, институциональной реформе по совершенствованию системы взаимоотношений власть — бизнес, возникнув ещё в период перехода на рыночные отношения, остро существует и в настоящее время. Реализация инвестиционных бизнес-проектов способна эффективно решить многие экономико-социальные вопросы регионов, существенно повлиять на качество и уровень

жизни гражданского общества, однако из-за существующих проблем, отсутствия механизмов сопряжения интересов власти и бизнеса результативность от данного направления деятельности остаётся невысокой. Предлагаемые инструменты направлены на

повышение эффективности, нейтрализацию противоречий в системе взаимоотношений властных и предпринимательских структур при реализации инвестиционных бизнес-проектов.

Список литературы

1. Федеральный закон № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» от 25 февраля 1999 г. URL: <http://base.garant.ru/12114699> (дата обращения: 12.04.2019).

2. Мошкова Л.Е. Партнерские отношения бизнеса и власти на территории присутствия: теория и методология. М.: Финансовый университет при Правительстве РФ, 2014. 354 с.

3. Чистый ввоз/вывоз капитала частным сектором. URL: https://www.cbr.ru/statistics/credit_statistics (дата обращения: 06.04.2019).

4. Минязев М.Р. Региональные инвестиционные проекты как инструмент стратегического сотрудничества власти и бизнеса в субъекте РФ. URL: http://www.rusnauka.com/10_DN_2012/Economics/4_107194.doc.htm (дата обращения: 07.04.2019).

5. Закирова А.Э., Ахмедина Г.Б. Взаимодействие власти и предпринимательских структур в контексте современности // Экономика и предпринимательство. 2017. № 9–1 (86). С. 459–464.

6. Запорожан А.Я. Проблемы формирования и перспектива развития государственно-частного партнёрства в России // Управленческое консультирование. 2017. № 4. С. 65–73.

7. Леонов С.Н. Результативность взаимодействия властных и предпринимательских структур: содержание понятия и опыт количественной оценки // Известия Байкальского государственного университета. 2018. Т. 28. № 3. С. 481–490.

8. Киселев В.И. Взаимодействие власти и бизнеса: конфликтологический аспект // Теория и практика общественного развития. 2013. № 7. С. 174–178.

9. Яковлев А.А., Зудин А.Ю., Голикова В.В. Бизнес-ассоциации и их роль в процес-

сах модернизации в России // Общественные науки и современность. 2011. № 3. С. 26–35.

10. Сазонов В.Е. Преимущества, недостатки и риски государственно-частного партнерства // Вестник Российского университета дружбы народов. 2012. № 3. С. 99–108.

11. Барков А.В., Серова О.А. Государственно-частное партнерство на рынке социальных услуг в свете развития социального предпринимательства: проблемы гармонизации правового регулирования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 3 (33). С. 268–280.

12. Пономарев Б.А. Понятие государственно-частного партнерства в Российской Федерации // ВЭПС. 2015. № 4. С. 217–221.

13. Трухачев В.В. Разработка методического подхода к оценке эффективности системы взаимодействия властных и предпринимательских структур. URL: <http://uecs.ru/uecs46-462012/item/1611-2012-10-24-11-25-46> (дата обращения: 06.04.2019).

References

1. *Federal'nyi zakon № 39-FZ «Ob investitsionnoi deyatel'nosti v Rossiiskoi Federatsii, osushchestvlyаемoi v forme kapital'nykh vlozhenii» ot 25 fevralya 1999 g.* [Federal Law No. 39-FZ «On Investment Activities in the Russian Federation Carried Out in the Form of Capital Investments» of 25 February 1999]. Available at: <http://base.garant.ru/12114699/> (12.04.2019). [in Russian].

2. Moshkova L.E. *Partnerskie otnosheniya biznesa i vlasti na territorii prisutstviya: teoriya i metodologiya* [Partnership between Business and the Lord of the Territory of Presence: Theory and Methodology]. Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation, 2014. 354 p. [in Russian].

3. *Chisty vvoz/vyvoz kapitala chastnym sektorom* [Net Inflow/Outflow of Capital from the Private Sector]. Available at: https://www.cbr.ru/statistics/credit_statistics

cbr.ru/statistics/credit_statistics (accessed 06.04.2019). [in Russian].

4. Minyazev M.R. *Regional'nye investitsionnye proekty kak instrument strategicheskogo sotrudnichestva vlasti i biznesa v sub"ekte RF* [Regional Investment Projects as a Tool of Strategic Cooperation between Government and Business in the Subject of the Russian Federation]. Available at: http://www.rusnauka.com/10_DN_2012/Economics/4_107194.doc.htm (accessed 07.04.2019). [in Russian].

5. Zakirova A.E., Akhmedina G.B. *Vzaimodeistvie vlasti i predprinimatel'skikh struktur v kontekste sovremennosti* [The Interaction of Power and Business Structures in the Context of Modernity]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo — Economy and Entrepreneurship*, 2017, No. 9-1 (86), pp. 459-464. [in Russian].

6. Zaporozhan A.Ya. *Problemy formirovaniya i perspektiva razvitiya gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Rossii* [Problems of Formation and Prospect of Development of Public-Private Partnership in Russia]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie — Management Consulting*, 2017, No. 4, pp. 65–73. [in Russian].

7. Leonov S.N. *Rezul'tativnost' vzaimodeistviya vlastnykh i predprinimatel'skikh struktur: sodержanie ponyatiya i opyt kolichestvennoi otsenki* [The Effectiveness of Interaction between Government and Business Structures: the Content of the Concept and the Experience of Quantitative Evaluation]. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Baikal State University*, 2018, Vol. 28, No. 3, pp. 481–490. [in Russian].

8. Kiselev V.I. *Vzaimodeistvie vlasti i biznesa: konfliktologicheskii aspe* [Interaction of Power and Business: Conflictological Aspect]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya — Theory and Practice of Social Development*, 2013, No. 7, pp. 174–178. [in Russian].

9. Yakovlev A.A., Zudin A.Yu., Golikova V.V. *Biznes-assotsiatsii i ikh rol' v protsessakh modernizatsii v Rossii* [Business Associations and Their Role in Modernization Processes in Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' — Social Sciences and Contemporary World*, 2011, No. 3, pp. 26–35. [in Russian].

10. Sazonov V.E. *Preimushchestva, nedostatki i riski gosudarstvenno-chastnogo partnerstva* [Advantages, Disadvantages and Risks of Public-Private Partnership]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov — Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzhby Narodov*, 2012, No. 3, pp. 99–108. [in Russian].

11. Barkov A.V., Serova O.A. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo na rynke sotsial'nykh uslug v svete razvitiya sotsial'nogo predprinimatel'stva: problemy garmonizatsii pravovogo regulirovaniya* [Public-Private Partnership in the Market of Social Services in the Light of the Development of Social Entrepreneurship: Problems of Harmonization of Legal Regulation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki — Perm University Helard. Juridical Sciences*, 2016, No. 3 (33), pp. 268-280. [in Russian].

12. Ponomarev B.A. *Ponyatie gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Rossiiskoi Federatsii* [The Concept of Public-Private Partnership in the Russian Federation]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii — The Review of Economy, the Law and Sociology*, 2015, No. 4, pp. 217–221. [in Russian].

13. Trukhachev V.V. *Razrabotka metodicheskogo podkhoda k otsenke effektivnosti sistemy vzaimodeistviya vlastnykh i predprinimatel'skikh struktur* [Development of a Methodological Approach to Assessing the Effectiveness of the System of Interaction between Government and Business Structures]. Available at: <http://uecs.ru/uecs46-462012/item/1611-2012-10-24-11-25-46> (accessed 06.04.2009). [in Russian].

Зинатуллина Ю. М.
Zinatullina Yu. M.

*аспирант кафедры «Проектный менеджмент и экономика предпринимательства»
Института экономики и сервиса,
ФГБОУ ВО «Уфимский государственный
нефтяной технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация*

Хусаева А. И.
Hisaeva A. I.

*кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Проектный менеджмент
и экономика предпринимательства»,
Института экономики и сервиса,
ФГБОУ ВО «Уфимский государственный
нефтяной технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация*

Зинатуллин Р. Р.
Zinatullin R. R.

*руководитель Автономной некоммерческой
организации «Территория развития»,
депутат Совета городского округа
город Уфа Республика Башкортостан,
г. Уфа, Российская Федерация*

Маликова Э. Р.
Malikova E. R.

*студент направления подготовки
«Экономика» профиль «Финансовый
контроль и государственный аудит»,
Институт государственной службы
и управления, ФГБОУ ВО «Российская
академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации»,
г. Москва, Российская Федерация*

УДК 332.025

DOI: 10.17122/2541-8904-2019-2-28-81-88

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТРУМЕНТАРИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Сектор малого и среднего предпринимательства является основой рыночной экономики развитых стран, в связи с чем органы государственной власти активно разрабатывают актуальные способы поддержки частного хозяйствования с учетом господствующих экономических и социальных тенденций. Так, одним из ключевых направлений правительственной поддержки на сегодняшний день ввиду массовой информатизации и компьютеризации является цифровое обеспечение бизнес-деятельности субъектов частного хозяйствования.

В современной России, как и в ведущих экономиках мира, задачам формирования электронной поддержки отводится важная роль. Концепция российского «электронного правительства» явилась синтезом зарубежного опыта и практики, однако при проецировании

информационно-экономических стандартов развитых стран на российское государство данная концепция претерпела качественные изменения и преобразовалась в совершенно иную модель электронной поддержки бизнеса, которая обладает как преимуществами, так и недостатками. К последним следует отнести излишне «механизированный» способ перевода муниципальных и региональных услуг в электронный формат, отсутствие электронного проектирования с ориентацией на пользователя, чрезмерная дифференциация межведомственных электронных сервисов и пр. Решением отмеченных проблем в развитии российской системы электронной государственной поддержки предпринимательства может стать структурная цифровизация механизма взаимодействия власти и бизнеса. Иными словами, реализуемую концепцию «электронное правительство» необходимо трансформировать в «цифровую», расширив диапазон возможностей электронных услуг путем внедрения новейших цифровых технологий, которые в рамках данной статьи были разделены на две основные группы: электронные инструменты, функционирующие внутри «цифрового правительства», и «инициативные» электронные инструменты, свободно реализуемые как государством, так и частными лицами. На результат сформированного инструментария электронной государственной поддержки сектора малого бизнеса также повлиял анализ действующей системы российского электронного правительства, анализ принципов цифровизации веб-ресурсов и преимуществ «цифры», определение причин невостребованности применяемых российскими властями электронных инструментов поддержки малого предпринимательства.

Ключевые слова: малое предпринимательство, государство, государственная поддержка бизнеса, электронное правительство, цифровое правительство, облачные технологии, единый цифровой портал, государственные электронные ресурсы, инструментарий государственной электронной поддержки, принципы цифрового правительства.

IMPROVEMENT OF ELECTRONIC STATE SUPPORT TOOLS FOR ENTREPRENEURSHIP

The small and medium-sized business sector is the basis of developed countries market economy, in connection with which the government authorities are actively developing relevant ways to support private business, taking into account the dominant economic and social trends. Thus, one of the key areas of government support today, in view of mass informatization and computerization, is digital support for private businesses activities.

In modern Russia, as in the leading economies of the world, the forming electronic support tasks play an important role. The Russian «electronic government» concept was a synthesis of foreign experience and practice, but when projecting information and economic standards of developed countries on the Russian state, this concept has undergone qualitative changes and transformed into a completely different electronic business support model, which has both advantages and disadvantages. The latter should include an unnecessarily «mechanized» method of converting municipal and regional services into electronic format, the lack of electronic design with user orientation, excessive differentiation of interdepartmental electronic services, etc. Structural digitalization of the mechanism can solve the noted problems in the development of the Russian system of electronic state support for entrepreneurship interaction of government and business. In other words, the «electronic government» implemented concept needs to be transformed into «digital», expanding the range of electronic services capabilities by introducing the latest digital technologies, which in this article were divided into two main groups: electronic tools that operate within the «digital government» and «initiative» electronic tools, freely implemented both by the state and by private individuals. The formed toolkit result of electronic state support for the small business sector was also influenced by the analysis of the current system of Russian e-government, the analysis of digitalization principles of web resources and the advantages of the «digit», the reasons determination for the lack of demand for electronic tools to support small businesses used by the Russian authorities.

Key words: small business, government, state business support, e-government, digital government, cloud technologies, single digital portal, government electronic resources, government electronic support tools, principles of digital government.

Социально-экономический прогресс развитых государств во многом определяется деятельностью местных властей по укреплению позиций малого и среднего бизнеса в стране и регионах. Актуальными инструментами поддержки предпринимательства на сегодняшний день являются информационные технологии и созданные на их основе интегрированные программные продукты, которые в совокупности обеспечивают акселерацию развития производства и оптимизацию управления компанией, упрощают процессы регистрации/ликвидации предприятия и снижают количество транзакционных издержек, которые претерпевают предприниматели на каждом этапе развития бизнеса.

Электронный формат государственного содействия хозяйственникам подразумевает создание и ведение информационных сайтов, приложений и сервисов с помощью унифицированных коммуникаций и интеграции телекоммуникаций и компьютеров с целью коллаборации усилий экономически активных граждан с органами государственной власти в области развития сектора малого и среднего предпринимательства (МСП). Активное использование указанных электронных ресурсов позволяет развивать бизнес-среду в том или ином регионе посредством мгновенного информирования и кон-

сультирования субъектов МСП по всем направлениям частного хозяйствования, включая нормативно-правовые, юридические, финансовые, технические и социальные аспекты [1].

Множество электронных инструментов государственной поддержки сегодня функционирует по принципу «одного окна», который реализуется в рамках «электронного правительства» и предполагает объединение тематических ресурсов на одном интернет-портале [2]. Данный формат организации электронной поддержки успешно апробирован многими государствами, лидерами среди которых на 2019 год являются: Дания, Австралия, Южная Корея, Англия, Швеция (таблица 1). В данном списке Россия занимает 32-е место и, несмотря на то, что в сравнении с предыдущим годом позиции страны по некоторым показателям улучшились, российское электронное правительство существенно отстаёт в развитии от западных аналогов.

К основным недостаткам российской электронной системы в сфере развития и поддержки сектора малого предпринимательства можно причислить:

1) дублирование традиционных очных форм обращения в электронные формы без использования цифровых возможностей и актуальных облачных технологий;

Таблица 1. Позиции Российской Федерации в рейтинге уровня развития электронного правительства Организации Объединенных Наций [3]

Страна	Показатели на 2019 год				Место в рейтинге		
	OSI	HCL	ТИ	EGDI	2014–2015	2016–2017	2018–2019
Дания	1.0000	0.9472	0.7978	0.9150	16	9	1
Австралия	0.9722	1.0000	0.7436	0.9053	2	2	2
Южная Корея	0.9792	0.8743	0.8496	0.9010	1	3	3
Англия	0.9792	0.9200	0.8004	0.8999	8	1	4
Швеция	0.9444	0.9366	0.7835	0.8882	14	6	5
Финляндия	0.9653	0.9509	0.7284	0.8815	10	5	6
Сингапур	0.9861	0.8557	0.8019	0.8812	3	4	7
Новая Зеландия	0.9514	0.9450	0.7455	0.8806	9	8	8
Франция	0.9792	0.8598	0.7979	0.8790	4	10	9
Япония	0.9514	0.8428	0.8406	0.8783	6	11	10
США	0.9861	0.8883	0.7564	0.8769	7	12	11
Россия	0.9167	0.8522	0.6219	0.7969	27	35	32

Примечания:

OSI (Online Service Index) — качество предоставляемых государством услуг;

HCL (Human Capital Index) — объем человеческого капитала;

ТИ (Telecommunication Infrastructure Index) — уровень развития телекоммуникационной инфраструктуры;

EGDI (E-Government Development Index) — среднее арифметическое трех вышеуказанных показателей.

2) отсутствие мероприятий по выявлению неэффективной (устаревшей) нормативной документации при переводе информации с бумажных носителей в электронные архивы и, как следствие, массовая дезинформация пользователей, которая вынуждает субъекты МСП нести излишние временные и финансовые издержки;

3) официальные муниципальные и региональные сайты в большинстве случаев не интегрированы между собой;

4) накопленная информация в системе электронного правительства при осуществлении анализа региональной и местной поддержки субъектов МСП фактически не используется;

5) отсутствие соответствующих мобильных приложений, способных качественно и бесперебойно предоставлять государственную поддержку субъектам сектора малого и среднего бизнеса.

Проблема, охватывающая все элементы электронной системы услуг, разрабатываемой российским государством, с нашей точки зрения, исходит из технократического понимания квинтэссенции электронного государства, что в итоге не приводит к улучшению делового климата в регионе, а лишь частично упрощает некоторые операции, воспроизводимые между органами власти и представителями бизнес-сообщества. Комплексная автоматизация внутриведомственных процессов в области оказания государственной поддержки сектору МСП не была достигнута

из-за неготовности местных и региональных администраций к быстрому переходу на веб-технологии. Таким образом, действующее электронное правительство по содержанию можно охарактеризовать традиционным, поскольку:

- обращения предпринимателей через электронные государственные сервисы могут рассматриваться несколько дней (аналогично при традиционной форме обращения);

- возможность подачи заявлений через государственные веб-сайты не исключают необходимости оформлять физические копии обращений-дубликатов и направлять их в ведомства лично или через традиционные почтовые сервисы;

- цифровые барьеры на территории России не позволяют хозяйственникам и, в частности, малым предпринимателям своевременно получать необходимую для развития бизнеса информацию и поддержку посредством электронного правительства (рисунок 1), так как около 28 % жителей России не используют веб-ресурсы ввиду следующих причин: отсутствие соответствующих коммуникаций, обеспечивающих быструю и качественную связь в сети Интернет; высокие финансовые затраты на подключение электронной сети; затрудненность в использовании веб-ресурсов (недостаток навыков работы в сети) и пр.

Схожие трудности с внедрением электронных технологий в систему взаимодействий «власть — общество — бизнес» испытывали

Рисунок 1. Процент пользователей сети Интернет от числа жителей каждого федерального округа РФ на начало 2019 года [4]

многие развитые государства. Необходимость в реформировании электронного правительства была очевидна. Преодолеть недостатки существующей системы с минимальными издержками позволила комплексная цифровизация структуры государственных услуг.

Таким образом, в основу новейшего электронного инструментария поддержки субъектов МСП были заложены принципы, обусловившие полный перевод функционирующих электронных услуг в цифровой формат (рисунок 2).

Рисунок 2. Принципы и основные элементы цифрового правительства [5]

Исходя из принципов, указанных на рисунке 2, можно выделить следующие преимущества цифровой государственной системы перед «электронным правительством»:

- 1) отсутствие шаблонов в предоставлении административных услуг;
- 2) отсутствие дублирования информационных данных за счет своевременной корректировки предметных решений в соответствии с актуальными потребностями пользователей «цифрового правительства»;
- 3) повышенная мобильность пользователей единого государственного портала за счет внедрения специальных цифровых приложений для смартфонов, переносных дестопных устройств и электронных планшетов;

- 4) комплексная цифровизация внутрисистемных процедур сокращает временные и финансовые издержки для всех участников государственно-частного взаимодействия;

- 5) информационные архивы (за исключением персональных данных) муниципальных, региональных и федеральных электронных порталов открыты для общего пользования;

- 6) цифровая система государственных услуг обеспечивает кибербезопасность информационных ресурсов, не нарушая непрерывности технологических процессов;

- 7) цифровизация государственно-частного взаимодействия предполагает сокращение информационного неравенства путем обеспечения соответствующей поддержки социальным группам, по тем или иным при-

чинам лишенным доступа к цифровым правительственным услугам [6, 7].

В настоящее время некоторые цифровые инструменты в российской системе электронного правительства уже испытывались, однако ввиду межведомственной разобщенности на муниципальном и региональном уровнях государственного управления данные нововведения не привели к желаемым результатам [2]. Большая часть административных процедур все ещё выполняется вручную и дублируется в традиционном и электронном форматах. В связи с этим на реализуемом в России этапе внедрения системы электронной государственной поддержки сектора МСП авторами был разработан перечень инструментов, способных повысить эффективность процедур «Government-to-Business», производимых между органами власти и представителями бизнес-сообщества с целью развития частного хозяйствования и экономики региона в целом (таблица 2) [8].

Многие электронные инструменты, используемые органами власти при органи-

зации системы «электронного правительства», остались невостребованными субъектами малого и среднего предпринимательства ввиду следующих причин:

- необходимость дублирования обращений в форме устных и письменных заявлений в случаях, когда ответ в электронном формате находится на длительном рассмотрении;
 - ожидание обратной связи пользователями сайта государственных услуг может превышать 2–3 дня;
 - электронные государственные услуги по оказанию информационной, финансовой и социальной поддержки сектора МСП спроектированы и реализованы не с точки зрения пользователей сети, а с точки зрения сервис-менеджеров, что значительно усложняет процесс восприятия предпринимателями необходимой им информации;
 - мобильное приложение портала государственных услуг содержит не весь перечень функций, доступных пользователям ПК.
- Вследствие этого обе стороны государственно-частного взаимодействия несут

Таблица 2. Актуальный инструментарий электронной системы поддержки предпринимательства

	Наименование	Характеристика
Инструменты «цифрового правительства»	Единый цифровой портал	Единый портал нового поколения, базирующийся на принципе транзакционной интеграции всех действующих на территории государства административных территориальных и муниципальных веб-сайтов. В отличие от существующего электронного портала, данная система позволяет совершать финансовые сделки на одном домене (без перехода на иные сайты).
	Единая база данных	Единое хранилище данных, базирующееся на принципе ключевого актива государства, не допускает дублирования информации за счет интеграции архивной документации муниципальных, региональных и федеральных сайтов в единое целое.
	«Государственное облако»	«Гособлако» в рамках цифрового правительства — это площадка для малых, средних и крупных поставщиков услуг на основе информационно-коммуникационных технологий. Цифровое «Гособлако» предлагает широкий выбор цифровых инструментов для субъектов МСП (электронная почта, документооборот, электронное управление бизнесом и пр.) на едином портале с целью развития частного хозяйствования и улучшения бизнес-климата в регионе.
	Платформы SaaS и PaaS	«Platform as a Service» и «Software as a Service» - системы, позволяющие субъектам МСП сократить транзакционные издержки на развертывание и поддержку IT-сервиса. Данные платформы — это модели облачных услуг. SaaS предоставляет доступ к прикладному программному обеспечению, PaaS предоставляет операционную систему, базу данных, веб-сервер и пр. [9].
	Система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ)	СМЭВ нового поколения (технологически усовершенствованная) предполагает ускоренное осуществление транзакций, передачи сообщений, обращений и иных взаимодействий между властью и бизнесом с учетом институциональных норм.
	Порталы государственных закупок в онлайн-режиме	Порталы государственных закупок нового поколения позволяют совершать G2B-сделки в режиме онлайн в рамках системы цифрового правительства.

«Инициативные» электронные инструменты	Корпоративные цифровые платформы	Система алгоритмизированных взаимодействий государства и бизнеса (или иных участников рынка), свободно функционирующая вне системы цифрового правительства. Корпоративные платформы наделены функциями коммуникации, анализа и мониторинга, позволяют хранить большой объем данных и оперировать «цифрами» в онлайн-режиме.
	Мобильные приложения	Мобильные приложения — это программные обеспечения для мобильных и десктопных переносных устройств. Ввиду быстрого роста мобильной аудитории в России и по всему миру создание и использование данных приложений в качестве инструмента поддержки сектора МСП является актуальной и необходимой задачей для государства, мерой стимулирования развития частного предпринимательства. Система цифрового правительства также предполагает разработку соответствующих мобильных программ, которые бы позволяли на смартфонах выполнять все те же процедуры, что и на компьютерах (производить прямые и обратные транзакции, отправлять обращения в государственные структуры, оперировать базами данных и пр.).
	Цифровая платформа для внешней торговли	Государственная цифровая платформа для внешней торговли с большим ассортиментом пользовательских сервисов призвана оказать поддержку малым и средним предприятием в выпуске продукции на внешний рынок с минимальными издержками [9].
	Социальные и стриминговые сети	Социальные и стриминговые сети — наиболее быстрый и упрощенный способ обмена информацией, включающий в себя широкий спектр медиа-возможностей. Данные сети эффективны для формирования государственно-частного партнерства и оказания информационно-консультационной поддержки сектора МСП на муниципальном и региональном уровнях.
	Смарт-контракты	Смарт-контракт — это цифровой договор, хранящийся в распределенном реестре (блокчейне), который предоставляет возможность выполнять официальные сделки между государством и субъектами МСП без участия третьих лиц.
	Мессенджеры	Данные клиентские программы для обмена мгновенными сообщениями могут выступать в качестве мобильного инструмента государственной поддержки сектора МСП. Мессенджеры имеют ряд характеристик, которые функционируют и в социальных сетях, однако, их востребованность в использовании заметно выше.

транзакционные издержки: правительство на развитие электронных платформ расходует часть бюджетных средств, но при этом не получает отдачи от предпринимателей в качестве социальной и финансовой активности; бизнес-деятели при попытке использования электронных платформ сталкиваются с длительным ожиданием обратной связи, с необходимостью дублирования обращений и иными трудностями. Рассмотренные в таблице 2 электронные инструменты поддержки малого и среднего предпринимательства, при условии соблюдения принципов цифровизации, позволят вывести государственно-частные взаимодействия на качественно новый уровень и устранить цифровые барьеры между властью и бизнесом.

Список литературы

1. Зайнашева З.Г., Гавриленко И.Г. Информатизация системы управления региональным развитием (на примере Республики Башкортостан) // Вестник евразийской науки. 2018. Т. 10. № 5. С. 18.

Выводы

Реализуемая на сегодняшний день концепция российского «электронного правительства» требует значительных трансформаций и, в первую очередь, в преобразовании стратегического подхода к разработке эффективных государственных услуг. Для успешного запуска облачной платформы, объединения ведомственных систем, внедрения качественных мобильных приложений, создания единой базы данных и, в конечном итоге, единой цифровой платформы необходимо развивать институциональную среду проектирования, реализовывать программы профессионального развития институциональных лидеров и способствовать сокращению цифровых барьеров среди российского населения, в том числе среди представителей сектора МСП.

2. Кванина В.В., Громова Е.А., Спиридонова А.В. Информационное обеспечение государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в структуре электронного правительства // Вопросы госу-

дарственного и муниципального управления. 2019. № 1. С. 61–84.

3. UN E-Government Survey 2018. URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2018> (дата обращения: 20.04.2019).

4. Количество пользователей интернета в России. URL: http://www.bizhit.ru/index/users_count/0-151 (дата обращения: 20.04.2019).

5. Аналитический доклад «Цифровое правительство 2020: Перспективы для России». URL: <http://www.iis.ru/docs/DigitalGovernmentRussia2020RUS.pdf> (дата обращения: 22.04.2019).

6. Косоруков А.А. Цифровое правительство в практике современного государственного управления (на примере Российской Федерации) // Тренды и управление. 2017. № 4. С. 81–96.

7. Холодная Е.В. О некоторых перспективах развития электронного государственного управления в условиях цифровой трансформации // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 4. С. 193–199.

8. Курбанов З.М. Облачные технологии: обзор и применение // Вестник науки и образования. 2019. № 4-1 (58). С. 55–60.

9. Купревич Т.С. Цифровые платформы в мировой экономике: современные тенденции и направления развития // Экономический вестник университета: сб. науч. тр. ученых и аспирантов. 2018. № 37–1. С. 311–318.

References

1. Zainasheva Z.G., Gavrilenko I.G. Informatizatsiya sistemy upravleniya regional'nym razvitiem (na primere Respubliki Bashkortostan) [Informatization of the Regional Development Management System (on the Example of the Republic of Bashkortostan)]. *Vestnik evraziiskoi nauki – Bulletin of Eurasian Science*, 2018, Vol. 10, No. 5, pp. 18. [in Russian].

2. Kvanina V.V., Gromova E.A., Spiridonova A.V. Informatsionnoe obespechenie gosudarstvennoi podderzhki malogo i srednego predprinimatel'stva v strukture elektronnoho pravitel'stva [Information Support of the State Support of Small and Medium Enterprises in the Structure of E-Government]. *Voprosy gos-*

darstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya — Issues of State and Municipal Management, 2019, No. 1, pp. 61–84. [in Russian].

3. UN E-Government Survey 2018. URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2018> (data obrashcheniya: 20.04.2019).

4. *Kolichestvo pol'zovatelei interneta v Rossii* [The Number of Internet Users in Russia]. URL: http://www.bizhit.ru/index/users_count/0-151 (data obrashcheniya: 20.04.2019). [in Russian].

5. *Analiticheskiy doklad «Tsifrovoye pravitel'stvo 2020: Perspektivy dlya Rossii»* [Analytical Report «Digital Government 2020: Perspectives for Russia»]. URL: <http://www.iis.ru/docs/DigitalGovernmentRussia2020RUS.pdf> (data obrashcheniya: 22.04.2019). [in Russian].

6. Kosorukov A.A. Tsifrovoye pravitel'stvo v praktike sovremennogo gosudarstvennogo upravleniya (na primere Rossiiskoi Federatsii) [Digital Government in the Practice of Modern Public Administration (on the Example of the Russian Federation)]. *Trendy i upravlenie — Trends and Management*, 2017, No. 4, pp. 81–96. [in Russian].

7. Kholodnaya E.V. O nekotorykh perspektivakh razvitiya elektronnoho gosudarstvennogo upravleniya v usloviyakh tsifrovoi transformatsii [On Some Prospects for the Development of E-Government in the Conditions of Digital Transformation]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya — Humanitarian and Legal Studies*, 2018, No. 4, pp. 193–199. [in Russian].

8. Kurbanov Z.M. Oblachnye tekhnologii: obzor i primeneniye [Cloud Technologies: Review and Application]. *Vestnik nauki i obrazovaniya — Bulletin of Science and Education*, 2019, No. 4–1 (58), pp. 55–60. [in Russian].

9. Kuprevich T.S. Tsifrovyye platformy v mirovoi ekonomike: sovremennyye tendentsii i napravleniya razvitiya [Digital Platforms in the Global Economy: Current Trends and Directions of Development]. *Sbornik nauchnykh trudov uchennykh i aspirantov «Ekonomicheskii vestnik universiteta»* [Collection of Scientific Works of Scientists and Graduate Students «Economic Bulletin of the University»]. 2018, No. 37–1, pp. 311–318. [in Russian].

Зайнашева З. Г.
Zajnashova Z. G.

*доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры «Региональная
экономика и управление»
Института экономики и сервиса,
ФГБОУ ВО «Уфимский государственный
нефтяной технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация*

Шитов А. О.
Shitov A. O.

*магистрант кафедры «Региональная
экономика и управление»
Института экономики и сервиса,
ФГБОУ ВО «Уфимский государственный
нефтяной технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация*

УДК 316.34

DOI: 10.17122/2541-8904-2019-2-28-89-95

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

Стратификация, или дифференциация социума на иерархически соподчиненные классы, рассматривается как элемент объективной реальности любого общества, включая современное российское. Социальное расслоение предопределено, как минимум, тем фактом, что разные группы людей выполняют разные социальные функции: одни производят материальный продукт, другие — интеллектуальный, третьи — духовные ценности, четвертые управляют производственным или иным процессом и т. д.

Поскольку по Конституции Россия является социальным государством, под ответственностью государства находятся все страты (слои) социума. В этой связи авторы анализируют связь между понятиями «стратификация», «социальная справедливость» и «социальное государство», учитывая современные тенденции развития российской экономики и правовые основы социальной функции государства. В статье учитывается также степень расслоения российского общества как фактор, обязывающий государство изыскивать средства на выполнение обязательств перед стратами (слоями), которые в рыночных условиях оказались в наиболее ущемленном положении.

Вместе с тем подчеркивается, что социальная функция государства должна осуществляться не только в формате распределения средств на нужды малоимущих, но и посредством стимулирования оптимальной социальной стратификации на основе современных представлений о справедливости. С этой целью государство может использовать как правовые, так и неправовые формы функционирования. В частности, оно может определить механизмы, стимулирующие оптимальное структурирование общества, минимизирующие численность нуждающегося населения и благоприятствующие росту благосостояния среднестатистического гражданина. К числу таких механизмов относятся поддержка самозанятости населения, малого и среднего предпринимательства, создание рабочих мест для инвалидов и т. д.

Ключевые слова: социальная стратификация, внутренние функции государства, социальная функция государства, социальное государство.

SOCIAL STRATIFICATION AS STATE SOCIAL FUNCTIONS

Stratification, or society differentiation into hierarchically subordinated classes, is considered as an element of any society objective reality, including the modern Russian one. Social stratification is predetermined, at least, by the fact that people different groups perform different social functions: some people produce a material product, others people produce an intellectual product or spiritual values, someone controls the production or other process.

Russia is declared a social state in the Constitution, and all sectors of society are under its responsibility. In this regard, the authors analyze the relationship between the concepts of «stratification», «social justice» and «social state». The authors take into account the current trends in Russian economy development and the legal basis of the state social function. The article also takes into account the degree of Russian society stratification as a factor obliging the state to seek funds for the fulfillment of obligations to the social strata, which are in the most disadvantaged position in market conditions.

At the same time, the authors emphasize that the state social function should be carried out not only in the funds distribution form for the poor needs, but also by stimulating optimal social stratification on the basis of justice modern ideas. To this end, the state may use functioning different forms. In particular, the state can determine the mechanisms that stimulate the society optimal structuring, minimize the number of needy population and promote average citizen welfare. We are talking about supporting self-employment, small and medium-sized businesses, creating jobs for people with disabilities, etc.

Key words: social stratification, state internal functions, state social function, social state.

Государство — это, по определению доктора юридических и исторических наук Л.П. Рассказова, «исторически сложившаяся и развивающаяся организация суверенной политической власти, действующая в отношении всего населения на закрепленной за ним территории, использующая право, налоги и специальный аппарат управления и принуждения для реализации своих функций» [1, с. 43]. Функции государства — это «основные направления деятельности и сама деятельность государства, а также способы осуществления государственной власти, проявляющиеся в целях, задачах, методах, формах и средствах ее осуществления» [2, с. 85]. Функции государства описаны и классифицированы [3–5]. Одним из наиболее распространенных критериев классификации государственных функций являются сферы деятельности государства (внешнеполитическая или внутривнутриполитическая), в которых реализуются те или иные функции государства. По данному основанию функции государства подразделяются на внешние и внутренние. Первые функции обусловлены интересами на международном уровне. Вторые определяются задачами, которые необходимо решать внутри страны [4, с. 73–74]. К числу внутренних функций принято относить эко-

номическую, экологическую, культурную функции, охрану прав и свобод человека и гражданина, функции налогообложения и социальной защиты [3, с. 103].

Если государство отводит социальной функции ведущую роль, используя свои рычаги влияния, чтобы обеспечивать равные возможности и нормальные условия жизни для всех членов общества, оно признается социальным государством [6, с. 25; 7, с. 59]. Россия является социальным государством. Это следует из ст. 7 Конституции Российской Федерации, где говорится, что политика страны «направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [8].

В данном вопросе, на первый взгляд, прослеживается связь с понятием социального равенства. Однако равенство, особенно в условиях рыночной экономики, является, скорее, утопией. В этой связи целесообразно рассмотреть базовые принципы теории социальной стратификации (от лат. «страта» — слой).

Определение социальной стратификации почти сто лет назад сформулировал Питирим Александрович Сорокин (1889–1968), русский социолог, эмигрировавший после Октябрьской революции в США (его книга

«Social mobility» была опубликована в Нью-Йорке в 1927 г., а в России переиздана лишь в 2005 г.). П.А. Сорокин пишет: «Социальная стратификация означает дифференциацию некой данной совокупности людей на иерархически соподчиненные классы. Она проявляется в наличии высших и низших слоев. Ее основа и сама сущность состоит в неравномерном распределении прав и привилегий, обязанностей и ответственности, социальных благ и лишений, социальной власти и влияния среди членов того или иного сообщества.» [9, с. 9]. Последователи П.А. Сорокина убеждены, что социальная стратификация свойственна любому обществу. Приведем мнение нашей современницы, специалиста Фонда «Общественное мнение» В.Ф. Чесноковой: «Социальные факты — очень упрямая вещь. Можно записать большими буквами в Конституции, Декларации прав и прочих основополагающих документах, что все люди такой-то страны равны. Но это совершенно никак не повлияет на их реальное положение в социальном пространстве.» [10, с. 117].

В теории принято отличать горизонтальную и вертикальную стратификацию. В горизонтальном измерении фиксируется вхождение человека в какую-либо социальную группу, например, инженеров или театральных деятелей, марийцев или ингушей, коммунистов или либералов и пр. Но констатация вхождения человека в социальную группу никак не характеризует его положение в этой группе (он может в ней занимать рядовую позицию, а может входить в число лидеров, влияющих на общественное мнение, имеющих иные доходы и т.д.). Поэтому невозможно определить социальный статус человека, минуя выявление его места в вертикальном измерении внутри группы. Кроме того, вертикальному измерению подвергаются различные (конечно, сопоставимые) группы [10, с. 117] — несомненно, в социальной иерархии разное место занимают группы, например, юристов и комбайнеров. Важно отметить, что исследователи, включая основоположника теории П.А. Сорокина, настаивают на том, что оценочные суждения в данном вопросе не должны отличаться катего-

ричностью. Быть наверху вертикали — не всегда лучше, быть внизу вертикали — не всегда хуже. Это индивидуально воспринимаемая проблема, которую практически невозможно унифицировать.

Теперь вернемся к социальной функции государства. Наша страна прошла многолетний путь строительства социализма с большой надеждой построить коммунизм — в высшей степени социальный строй. Высокая идея равенства, между тем, не оградила общество от стратификации. Доктор социологических наук Н.Е. Тихонова, утверждая, что население СССР подразделялось на десятки групп, выделила в нем четыре укрупненные категории:

- 1) номенклатуру;
- 2) средний класс, включающий руководство небольших предприятий, среднее звено руководителей крупных предприятий, высококвалифицированных специалистов, в том числе творческую интеллигенцию (около трети населения);
- 3) класс, включавший массовую интеллигенцию, рабочих, колхозников (большинство);
- 4) люмпенов или социальное дно (относительно немногочисленные) [11, с. 7].

В плане распределения обязанностей и ответственности, привилегий и социальных благ эти категории действительно различались, тем не менее в социальном плане СССР действительно преуспел. В стране было введено бесплатное образование, медицинское обслуживание, граждане бесплатно получали квартиры, имели возможность отдыхать по профсоюзным путевкам с огромными скидками. Государство удерживало стабильные цены, выделяло большие дотации на детские товары и т.д.

В ходе экономических реформ 1990-х годов в России развернулось сразу несколько процессов, отразившихся на ее стратификационной системе. Речь идет, прежде всего, о формировании новых социальных групп и модификации акцентов в расстановке социальных сил [11, с. 8]. Вообще это тема самостоятельного научного исследования, не вмещающегося в формат статьи. Здесь отметим, что перемены трансформировали социаль-

ную функцию государства, причем не лучшим образом. Переход российской экономики на рыночные рельсы изменил механизм формирования государственного бюджета и объемы государственных ресурсов. Одновременно в число рыночных реалий со всей очевидностью вошло расслоение общества и высокий уровень бедности [12]. Понятно, что государство, объявившее себя социальным, должно находить грамотные решения и принимать меры по улучшению ситуации.

Поскольку социальные проблемы объективно не могут быть решены исключительно за счет государственного и муниципальных бюджетов, как выход учеными рассматривается развитие социального предпринимательства, сочетающего экономическую устойчивость с социальной направленностью (в мировой практике социальное предпринимательство признается «наиболее эффективным антикризисным инструментом» [13, с. 272]). В частности, подчеркивается актуальность формирования института государственно-частного партнерства, предполагающего использование ресурсов частного сектора для решения общественно значимых задач. Правда, в этом вопросе есть сложности правового порядка. Государственно-частное партнерство регулируется Федеральным законом от 13.07.2015 № 224-ФЗ, в котором приоритетность решения социальных проблем не обозначена — целью является «создание правовых условий для привлечения инвестиций в экономику Российской Федерации» [14], а понятие «социальное предпринимательство» законами не определено. Сейчас появилась надежда, что ситуация изменится, поскольку в конце декабря 2018 г. Правительство одобрило законопроект о социальном предпринимательстве [15]. Но закон еще не вступил в силу, а в правовом поле пока нет четких представлений о показателях, определяющих социальный эффект, равно как о социальных обязательствах инвесторов [13].

При планировании социальной стратегии немаловажно также использование научного подхода к стратификации современного общества. Ведь содержание социальной функции государства сводится не только к

созданию условий для достойной жизни человека, обеспечению социальной защиты и реализации социальных прав граждан. Социальная функция заключается, по словам А.А. Дембицкого, «в структурировании общества, влиянии на расстановку сил в социуме, на балансы групп и интересов» [16, с. 22–23]. Это значит, что государство может, используя правовые и неправовые формы функционирования, влиять на социальную стратификацию.

Социальное государство должно заботиться о том, чтобы минимизировать численность нуждающегося населения и благоприятствовать росту благосостояния среднестатистического гражданина своей страны. В силах государства, например, формирование правовой базы для развития малого и среднего предпринимательства и, как следствие, укрупнения страта, именуемого средним классом. В силах государства формирование инфраструктуры профессионального образования на основе статистических данных о потребностях рынка труда и, как следствие, сокращение страта безработных. Отдельно отметим, что в силах государства стимулирование развития инклюзивного образования (оно нацелено на устранение социальных барьеров для людей с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья [17, с. 191]) и, как следствие, улучшение общей картины социальной адаптации и профессиональной самостоятельности страта инвалидов, и т. д.

Этой проблеме в определенном смысле посвящено послание Президента Российской Федерации к Федеральному Собранию 20 февраля 2019 г. В частности, В.В. Путин указал на необходимость использования таких рычагов государственного воздействия на социальную ситуацию, как:

— внедрение социальных контрактов (государство оказывает финансовую поддержку лицам, берущим на себя обязательства, связанные с трудоустройством, в т. ч. переподготовкой, запуском собственного дела или организацией подсобного хозяйства);

— внедрение «ипотечных каникул» (отсрочки по ипотечным платежам)

для граждан, лишившихся по каким-либо причинам дохода;

— осуществление государственных закупок оборудования, приборов, средств телекоммуникаций и пр., ориентируясь, где возможно, на отечественного производителя (стимулирование расширения российской производственной сферы);

— расширение программы «Земский доктор» и запуск аналогичных программ, например «Земский учитель» (стимулирование кадрового обеспечения малых городов и сел);

— создание защищенного бренда отечественной экологически чистой продукции (стимулирование развития сельского хозяйства и улучшения качества жизни сельского населения) и т. д. [18].

Предложенные меры имеют социальную направленность и демонстрируют широкие возможности влияния на социальную стратификацию со стороны государства.

Список литературы

1. Рассказов Л.П. Теория государства и права: углубленный курс. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2015. 559 с.

2. Малец В.Т. Понятие функций государства // Веснік БДУ. 2012. № 1. С. 82–85.

3. Туманов С.Н. Внутренние и внешние функции государства: необходимость уточнения классификации и диалектика взаимосвязи // Современное право. 2012. № 5. С. 38–43.

4. Шестаев Н.Т. К вопросу о классификации функций государства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 12. С. 71–82.

5. Морозова Л.А. Теория государства и права. М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2014. 464 с.

6. Кручинин В.Н. Государство как социальный институт и его социальная функция // Правовая реформа. 2015. Т. 1. С. 21–35.

7. Олейникова С.С. Становление социальной функции государства в системе его внутренних функций // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруденция. 2011. № 2 (15). С. 59–63.

8. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием

Вывод

Таким образом, стратификация является элементом социальной реальности. Социальное неравенство предопределено, как минимум, тем фактом, что разные группы людей выполняют разные социальные функции: одни производят материальный продукт, другие — интеллектуальный, третьи — духовные ценности, четвертые управляют производственным или иным процессом и т. д. Функциональный фактор не в полной мере характеризует социум. В любом обществе есть старики и дети, отличаются функциональные возможности разных категорий инвалидов. И все эти группы представляют собой слои социума, иерархично разделенные, в том числе уровнем материального благосостояния. Учитывая это, важно понимать, что социальная стратификация должна быть объектом комплексного контроля и деятельного влияния со стороны государства, объявившего себя социальным.

12.12.1993 (с поправками от 30.12.2008, 05.02, 21.07.2014). URL: http://base.garant.ru/10103000/74d82877bc402438fdbfacf7333d9118/#block_5555 (дата обращения: 29.01.2019).

9. Сорокин П.А. Социальная мобильность. М.: Academia, 2005. 588 с.

10. Чеснокова В.Ф. Уильям Л. Питирим Сорокин: социальная стратификация и социальная мобильность // Человек. Сообщество. Управление. 2007. № 1. С. 116–130.

11. Тихонова Н.Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Институт социологии РАН, 2007. 320 с.

12. Алимбеков М.М., Хайретдинова Н.Э., Хайретдинова О.А. Анализ показателей социально-экономического развития Республики Башкортостан // Актуальные вопросы права, экономики и управления: сб. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. Пенза: Наука и Просвещение, 2017. С. 131–135.

13. Барков А.В., Серова О.А. Государственно-частное партнерство на рынке социальных услуг в свете развития социального предпринимательства: проблемы гармонизации правового регулирования // Вестник Пермского университета. Серия:

Юридические науки. 2016. Вып. 33. С. 268–280. DOI: 10.17072/1995-4190-201633-268-280.

14. Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. ФЗ от 29.07.2018 № 261-ФЗ). URL: <https://base.garant.ru/71129190> (дата обращения: 29.01.2019).

15. В Правительстве одобрили законопроект о социальном предпринимательстве. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2018/12/27/v-pravitelstve-odobrili-zakonoproekt-o-sotsialnom-predprinimatelstve> (дата обращения: 30.01.2019).

16. Дембицкий А.А. Общая характеристика правовых и неправовых функций государства // Вестник Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя. 2017. № 3. С. 19–26.

17. Шаяхметова Н.Н., Юсупов Р.Г. Развитие специального и инклюзивного образования в Республике Башкортостан (вторая половина XX – начало XXI веков) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. Т. 6. № 6–2. С. 191–196.

18. Послание Президента Федеральному Собранию, 20 февраля 2019 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863> (дата обращения: 26.02.2019).

References

1. Rasskazov L.P. *Teoriya gosudarstva i prava: uglublennyy kurs* [Theory of State and Law: an Advanced Course]. Moscow, INFRA-M, 2015. 559 p. [in Russian].

2. Malets V.T. Ponyatie funktsii gosudarstva [The Concept of State Functions]. *Vestnik BDU — Vestnik BGU*, 2012, No. 1, pp. 82–85. [in Russian].

3. Tumanov S.N. Vnutrennie i vneshnie funktsii gosudarstva: neobkhodimost' utochneniya klassifikatsii i dialektika vzaimosvyazi [Internal and External Functions of the State: The Need to Clarify the Classification and Dialectics of the Relationship]. *Sovremennoe pravo — Modern Law*, 2012, No. 5, pp. 38–43. [in Russian].

4. Shestaeв N.T. K voprosu o klassifikatsii funktsii gosudarstva [The Question of the Classification of State Functions]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika — Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2013, No. 12, pp. 71–82. [in Russian].

5. Morozova L.A. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, INFRA-M, 2014. 464 p. [in Russian].

6. Kruchinin V.N. Gosudarstvo kak sotsial'nyi institut i ego sotsial'naya funktsiya [The State as a Social Institution and its Social Function]. *Pravovaya reforma — Legal Reform*, 2015, Vol. 1, pp. 21–35. [in Russian].

7. Oleinikova S.S. Stanovlenie sotsial'noi funktsii gosudarstva v sisteme ego vnutrennikh funktsii [The Development of Social Functions of the State in the System of Its Internal Functions]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universitet. Yurisprudentsiya — Science Journal of Volgograd State University. Jurisprudence*, 2011, No. 2 (15), pp. 59–63. [in Russian].

8. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii* [The Constitution of the Russian Federation]. Available at: http://base.garant.ru/10103000/74d82877bc402438fdbfacf7333d9118/#b1ock_5555 (accessed 29.01.2019). [in Russian].

9. Sorokin P.A. *Sotsial'naya mobil'nost'* [Social Mobility]. Moscow, Academia Publ., 2005. 588 p. [in Russian].

10. Chesnokova V.F. Uil'yam L. Pitirim Sorokin: sotsial'naya stratifikatsiya i sotsial'naya mobil'nost' [William L. Pitirim Sorokin: Social Stratification and Social Mobility]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie — Person. Community. Management*, 2007, No. 1, pp. 116–130. [in Russian].

11. Tikhonova N.E. *Sotsial'naya stratifikatsiya v sovremennoi Rossii: opyt empiricheskogo analiza* [Social Stratification in Modern Russia: Experience of Empirical Analysis]. Moscow, Institute of Sociology, 2007. 320 p. [in Russian].

12. Alimbekov M.M., Khairtdinova N.E., Khairtdinova O.A. Analiz pokazatelei sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Bashkortostan [Analysis of Indicators of Socio-Economic Development of Bashkortostan]. *Sbornik statei VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi*

konferentsii «Aktual'nye voprosy prava, ekonomiki i upravleniya» [Collection of Articles of the VII International Scientific and Practical Conference «Actual Issues of Law, Economics and Management»]. Penza, Science and Education, 2017. pp. 131–135. [in Russian].

13. Barkov A.V. Serova O.A. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo na rynke sotsial'nykh uslug v svete razvitiya sotsial'nogo predprinimatel'stva: problemy garmonizatsii pravovogo regulirovaniya [Public-Private Partnership in the Market of Social Services in the Light of the Development of Social Entrepreneurship: Problems of Harmonization of Legal Regulation]. *Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki — Perm University Helard. Juridical Sciences*, 2016, Issue. 33, pp. 268–280. DOI: 10.17072/1995-4190-201633-268-280. [in Russian].

14. *Federal'nyi zakon ot 13.07.2015 № 224-FZ «O gosudarstvenno-chastnom partnerstve, munitsipal'no-chastnom partnerstve v Rossiiskoi Federatsii i vnesenii izmenenii v otchel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii» (v red. FZ ot 29.07.2018 № 261-FZ)*. [Federal Law No 224-FL of 13.07.2015 «On Public-Private Partnership, Municipal-Private Partnership in the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» (as Amended by the Federal Law of 29.07.2018 No. 261-FL)]. Available at: <https://base.garant.ru/71129190/> (accessed 29.01.2019). [in Russian].

15. *V Pravitel'stve odobrili zakonoproekt o sotsial'nom predprinimatel'stve* [The Government Approved the Bill on Social Entrepreneurship]. Available at: <https://www.asi.org.ru/news/2018/12/27/v-pravitelstve-odobrili-zakonoproekt-o-sotsialnom-predprinimatel'stve> (accessed 30.01.2019). [in Russian].

16. Dembitskii A.A. Obshchaya kharakteristika pravovykh i nepravovykh funktsii gosudarstva [General Characteristics of the Legal and Non-Legal Functions of the State]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii — Vestnik of Moscow University of MIA Russia*, 2017, No. 3, pp. 19–26. [in Russian].

17. Shayakhmetova N.N., Yusupov R.G. Razvitie spetsial'nogo i inkluzivnogo obrazovaniya v Respublike Bashkortostan (vtoraya polovina XX – nachalo XXI vekov) [Development of Special and Inclusive Education in the Republic of Bashkortostan (The Second Half of XX — The Beginning of XXI Centuries)]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' — Historical and Social-Educational Idea*, 2014, Vol. 6, No. 6-2, pp. 191-196. [in Russian].

18. *Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu ot 20 fevralya 2019 g.* [Message from the President to the Federal Assembly of February 20, 2019]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863> (accessed 26.02.2019). [in Russian].

Хуснутдинова Л. Г.
Khusnutdinova L. G.

*кандидат исторических наук,
доцент кафедры «Международные
отношения, история и востоковедение»
Института экономики и сервиса,
ФГБОУ ВО «Уфимский государственный
нефтяной технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация*

Старицына О. А.
Staritsyna O. A.

*кандидат социологических наук,
доцент кафедры «Международные
отношения, история и востоковедение»
Института экономики и сервиса,
ФГБОУ ВО «Уфимский государственный
нефтяной технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация*

УДК 314.7

DOI: 10.17122/2541-8904-2019-2-28-96-102

О МИГРАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Активизация миграционных процессов — один из существенных факторов социально-экономического развития современности. Переход к рынку, появившиеся возможности выезда за границу в сочетании с экономическим кризисом, массовой потерей работы и падением заработной платы сыграли роль спускового курка в развитии миграции. В то же время межтерриториальный обмен населением позволяет регулировать воспроизводство населения, оптимизирует рынок труда, способствует культурно-техническому обмену между странами. Миграция, в отличие от естественного движения населения, более динамична. Она часто изменяется раньше, чем отношение общества к миграции. Республика Башкортостан, как и вся Россия, на протяжении последних полутора десятков лет переживает сложный этап реформирования. Это незамедлительно повлияло и на миграционное поведение людей. Одновременно ухудшились демографические показатели — снизилась рождаемость, возросла смертность. Восполнять эти потери удавалось лишь благодаря миграции в республику из бывших союзных республик.

В статье анализируется миграционная ситуация в Республике Башкортостан на рубеже XX–XXI вв. Раскрываются ключевые аспекты миграционных потоков как в Башкортостане в частности, так и в Российской Федерации в целом. Дается социально-демографическая характеристика мигрантов, их численность. Демографическая ситуация, сложившаяся на сегодня в Республике Башкортостан, требует постоянного внимания как со стороны органов власти, так и научной общественности. Несмотря на очевидные положительные результаты перед экономикой республики в перспективе стоит вопрос возможного дефицита в сфере рождаемости людских ресурсов. В этих условиях миграция — это тот процесс, который в настоящий момент может существенно повлиять на численность населения, его размещение и состав, а также в целом на обеспечение социально-экономического развития.

Ключевые слова: миграционная ситуация, трудовые мигранты, мигранты-переселенцы, регион, Республика Башкортостан.

ON THE MIGRATION SITUATION IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

The migration processes intensification is one of the essential factors of the socio-economic development of modernity. Inter-territorial exchange of the population allows you to regulate the

population reproduction, optimizes the labor market, promotes cultural and technical exchange between countries. Migration, in contrast to the population natural movement, is more dynamic. It often changes earlier than the attitude of society towards migration. The Republic of Bashkortostan, like the whole of Russia, has been going through a reform difficult stage for the last fifteen years. This had an immediate impact on the people migratory behavior. At the same time, demographic indicators have deteriorated — the birth rate has decreased, mortality has increased. The only way to make up for these losses was by migrating to the Republic from the former Soviet republics.

The article analyzes the migration situation in the Republic of Bashkortostan at the turn of the XX–XXI centuries. The migration flows key aspects are revealed both in Bashkortostan in particular, and in the Russian Federation in general. Given the socio-demographic characteristics of migrants, their number. The demographic situation that has developed in the Republic of Bashkortostan today requires constant attention from both the authorities and the scientific community. Despite the obvious positive results for republic economy in the long term there is the question of a possible shortage in the field of human resources fertility. Under these conditions, migration is the process that currently can significantly affect the population size, its location and composition, as well as the overall socio-economic development.

Key words: migration situation, labor migrants, migrants, region, Republic of Bashkortostan.

Миграционные процессы оказывают сильное влияние на все стороны жизни общества. В связи с демографическими процессами, которые происходят в нашей стране в последние десятилетия, многими учеными миграция справедливо рассматривается как единственный источник пополнения трудовых ресурсов [1, 2]. Только после распада Советского Союза и до 2000 г. из республик бывшего СССР в Россию переселились более 8 млн человек. За это же время более 1,5 млн человек получили статус беженца или вынужденного переселенца [3].

На сегодняшний день усиливаются коммерческое и трудовое миграционные движения, носящие временной характер. Согласно официальным данным Федеральной службы государственной статистики РФ, с января по март 2018 г. число граждан из ближнего и дальнего зарубежья, прибывших на территорию Российской Федерации и поставленных на миграционный учет, составило — 3186461 человек [4]. Помимо этого, наблюдается распространение незаконной миграции, которая в совокупности составляет около 20 % всех миграционных потоков в нашу страну. Подобное пополнение трудовых ресурсов в нашей стране будет актуально, по крайней мере, еще несколько десятилетий.

На протяжении более 20 лет Республика Башкортостан являлась одним из регионов с

высокой миграционной активностью. Так, начиная с 1988 г. из региона, отдающего население, республика вновь стала принимающим его: естественный прирост резко пошел на убыль, а миграционный прирост впервые за предыдущие 15 лет стал положительным. По данным УФМС России по РБ, за период с 1992 по 2003 гг. в Республику Башкортостан переселилось на постоянное место жительства 479 тыс. человек, из них 147056 человек из республик бывшего СССР [5]. По результатам Всероссийской переписи населения 2010 г., численность постоянного населения Республики Башкортостан составила 4072292 человек, из них уроженцами РБ являлись 3568 тыс. человек, 429,7 тыс. человек родились за пределами республики (из них 275 тыс. человек родились в других субъектах России, 149,6 тыс. человек — на территориях бывших советских республик и 5 тыс. человек — в других странах мира) [6]. Таким образом, в настоящее время более 11 % населения республики — это мигранты 1990-х гг., переехавшие сюда за последнее десятилетие XX в.

Начиная с 2014 г. миграционный баланс в Башкортостане становится отрицательным, т.е. число выбывших из республики превышает число прибывших (таблица 1). Так, в 2013 г. миграционный прирост в республике составил 12570 человек, в 2014 г. — 3893 человек, в 2015 г. — 2808 человек,

в 2016 г. — (-645) человек, в 2017 г. — 5236 человек и в 2018 г. — (- 1579) человек [7]. Это связано с оттоком населения республики в соседние регионы (Свердловскую, Челябинскую области, Республику Татарстан), а также в Тюменскую область и Москву. Основная причина — поиск высокооплачиваемой работы. Если рассматривать мигра-

ционный баланс (прирост) по субъектам Российской Федерации, то он, хоть и уменьшается, но не переходит в отрицательное сальдо. Например, в 2013 г. миграционный прирост в России составил 295 859 человек, в 2014 г. — 270 036 человек, в 2015 г. — 245 384 человек, в 2016 г. — 261 948 человек, в 2017 г. — 211 878 человек (таблица 2).

Таблица 1. Статистические данные миграции населения из стран дальнего и ближнего зарубежья в Республику Башкортостан за 2013–2018 гг.

Год	Городская и сельская местность		
	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост
За январь-сентябрь 2018	6268	7847	-1579
За январь-декабрь 2017	12130	6894	5236
За январь-декабрь 2016	8049	8694	-645
За январь-декабрь 2015	12285	9477	2808
За январь-декабрь 2014	14452	10559	3893
За январь-декабрь 2013	13426	856	12570

Источник: составлено на основе статистических данных Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации по Республике Башкортостан.

Таблица 2. Статистические данные миграции населения из стран дальнего и ближнего зарубежья в Российскую Федерацию за 2013–2017 гг.

Год	Городская и сельская местность			Городская местность			Сельская местность		
	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост
2017	589 033	377 155	211 878	467 597	306 309	161 288	121 436	70 846	50 590
2016	575 158	313 210	261 948	453 988	253 498	200 490	121 170	59 712	61 458
2015	598617	353 233	245 384	464776	291522	173254	133841	61 711	72 130
2014	578511	308 475	270 036	457169	254070	203099	121342	54 405	66 937
2013	482241	186 382	295 859	381218	153240	227978	101023	33 142	67 881

Источник: составлено на основе статистических данных Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации.

Из этих данных можно сделать вывод, что Республика Башкортостан теряет свою привлекательность как для мигрантов, так и для жителей региона. И это несмотря на то, что по основным показателям Республика Башкортостан относится к числу благополучных регионов в России и Приволжском федеральном округе.

В настоящее время в государственной миграции произошли коренные изменения, коснувшиеся практически всех ее сторон. Изменился состав государств выхода мигрантов: из их числа выпали прибалтийские страны, существенно сократился поток из

Украины, Белоруссии, стран Закавказья и из Казахстана. Основной поток мигрантов в Россию сложился из таких государств СНГ, как Таджикистан, Узбекистан, Киргизия. На указанные три страны в 2008 г. приходилась половина всех трудовых мигрантов. Кроме того, мигранты из Китая, Турции и Вьетнама заняли еще 21 %.

Из числа мигрантов, прибывших из стран СНГ и Балтии, 11,5 % имеют высшее образование, 2,5 % — неполное высшее, 33,1 % — среднее профессиональное, 34,2 % — среднее общее, 14,6 % — основное общее, 3,4 % — начальное общее и не имеют образования.

В корне изменилась и цель миграции. Предыдущие миграции имели своей целью переселение мигрантов в Россию. Например, за период январь–июнь 2018 г. число прибывших из ближнего и дальнего зарубежья в Россию и поставленных на миграционный учет составило 8216812 человек, цель «на работу» заявили 2676500 человек, «на учебу» — 187232 человек, «туризм» — 1103168 человек, «частная» — 1246500 человек, «иное» — 468465 человек [4]. По Республике Башкортостан за данный период 67004 человек было поставлено на миграционный учет, из них с целью «на работу» составило 23812 человек, «на учебу» — 1710 человек, «туризм» — 1139 человек, «частное» — 4945 человек, «иное» — 2267 человек [7]. Основная часть нынешних мигрантов преследует цель временного трудоустройства. По результатам социологических исследований, которые проводились в Республике Башкортостан с 2014–2015 гг., 24,0 % мигрантов с целью своего приезда в Башкортостан считают «найти постоянную работу и остаться здесь жить». Подавляющая же часть (71,3 %) планируют найти временную работу, заработать деньги и уехать обратно на родину [1].

Изменился и социально-демографический состав трудовых мигрантов. Если беженцы и вынужденные переселенцы приезжали в Россию, в том числе и в Башкортостан, в основном с семьями, то современные трудовые мигранты, главным образом, — мужчины без семей. Так, за 2017 г. из числа прибывших мигрантов в Россию, что составило 4773500 человек, из них со своей семьей переселились 1034512 человек. За данный период из числа прибывших в Башкортостан 92801 человек со своей семьей переехали 22992 человек [8]. Трудовые мигранты в основном состоят из мужчин, большинство из которых находится в возрасте до 45 лет, подавляющая их часть семейные. У себя на родине содержат своих жен и детей [9].

Мигранты-переселенцы и трудовые мигранты по-разному решают демографические и социально-трудовые задачи. Мигранты-переселенцы участвуют в воспро-

изводстве, они не только увеличивают численность и состав постоянного населения, но и, изменяя половозрастную структуру, выступают демографическим потенциалом, оказывающим влияние на дальнейшее воспроизводство населения [10].

Трудовая миграция, поскольку она временна, по существу не оказывает влияния на воспроизводственные процессы населения, т.е. не решает демографические проблемы России. Подавляющая часть таких мигрантов не оказывает влияния на брачность и рождаемость населения. Они лишь увеличивают численность трудовых ресурсов на период пребывания мигрантов в нашей стране. Нельзя не принимать во внимание, что и сами мигранты не проявляют большого рвения остаться на постоянное место жительства в России.

Мигранты-переселенцы и трудовые мигранты имеют разные источники и каналы своих доходов. Переселенцы могут иметь социальные трансферты, накопления и трудовые доходы. Они их расходуют в стране постоянного пребывания. Трудовые мигранты, в отличие от мигрантов-переселенцев, значительную часть заработанных денег вывозят в страну выхода. Нередко противники миграционного потока населения в качестве аргумента выставляют вывоз трудовыми мигрантами денег из страны. Однако с социально-экономической позиции перевод денег нельзя считать негативным явлением, т.к. мигранты заработали эти деньги своим трудом, часть которых реализуется в России, приобретая товары повседневного спроса. Да и сами предприниматели, используя труд мигрантов, получают значительную прибыль.

Острой проблемой процесса формирования трудовых ресурсов в ближайшее десятилетие станет демографическая обусловленность структурных изменений внутри самого трудоспособного населения. Как и для всего населения, трудоспособной его части будет свойственна постепенное «старение». Перепады в рождаемости за последние 15–20 лет обуславливают снижение численности «заменяющей» молодежи до 2020 г., когда трудоспособного возраста достигнут

молодые люди, родившиеся в 2000-х гг. (1999 г. — год самого низкого уровня рождаемости в республике) [11].

При этом нужно учитывать, что молодое поколение представляет собой не только потенциал для рынка труда. Это одновременно и репродуктивный потенциал населения. Сегодняшняя молодежь 15–20 лет является основой репродуктивного потенциала региона на следующие 10–15 лет.

Текущая демографическая ситуация и дальнейшие изменения в ней складываются под влиянием естественного движения населения и результатов миграционных перемещений.

Если говорить о динамике естественного движения населения, то за период 1999–2017 гг. в республике произошло довольно резкое снижение объемов и интенсивности рождаемости и рост смертности. Да и в 2018 г. показатель рождаемости снизился на 4,7%. Всего в 2018 г. родилось 47 тыс. детей: 24,26 тыс. мальчиков и 22,8 тыс. девочек. Рост рождаемости отмечался в городах Кумертау, Агидель, Сибай, Октябрьский и др. Но если низкий уровень рождаемости в значительной мере является следствием «человеческого прогресса», свойственного всем экономически развитым странам, то повышение уровня смертности можно отнести к регрессивным процессам.

Рождаемость остается центральной демографической проблемой как в Республике Башкортостан, так и в Российской Федерации в целом. Характер рождаемости на современном этапе определяется массовым распространением малодетности, сближением показателей в городском и сельском населении, откладыванием рождения детей, ростом внебрачной рождаемости и пр.

Республика Башкортостан хотя и сохраняет лидирующее положение в Приволжском федеральном округе по интенсивности рождаемости, однако ее уровень не позволяет возместить рожденным сегодня детям численности поколения своих родителей.

Несмотря на некоторое повышение общего числа рожденных в последние годы, ожидать резких перемен в репродуктивном

поведении жителей республики не приходится.

В Республике Башкортостан, как в целом по Российской Федерации, сохраняется высокий уровень смертности. Так, в РБ с начала 2018 г. умерли 38205 человек, и это на 295 человек больше, чем в 2017 г. Число умерших на 7,4% превысило число родившихся. Смертность населения составила 2645 человек. Среди причин — наибольший рост смертности произошел от болезней системы кровообращения, несчастных случаев, отравлений и травм.

Вывод

Сложившаяся тенденция естественного движения обуславливает высокую вероятность снижения численности населения Башкортостана в ближайшее десятилетие. По перспективной оценке в демографических процессах будут проследиваться небольшие колебания: предполагается незначительное увеличение рождаемости при сохранении объемов смертности, отчасти связанное и с особенностями возрастной структуры населения. К 2026 г. естественная убыль населения с высокой степенью вероятности будет превышать объемы современной.

Процессом, который может существенно повлиять на численность населения, его размещение и состав, является миграция. Несмотря на то, что активность перемещения населения упала, миграция продолжает рассматриваться как основной источник восполнения ожидаемых потерь в численности трудоспособного населения.

Перспективные тенденции в демографических процессах, особенно с учетом ситуации в других субъектах Российской Федерации, подталкивают к принятию мер, направленных не только на поддержание численности трудоспособного населения, но и на изменение качественного состава трудовых ресурсов, повышение рационального их использования и размещения. Бережное отношение к своему населению потребует и от каждого муниципального района, городского округа, экономический рост которых не может быть обеспечен без квалифицированных кадров.

Список литературы

1. Габдрафиков И., Хуснутдинова Л.Г., Вильданов Х., Андреева Л. Роль национально-культурных объединений в интеграции мигрантов в местное сообщество в регионах Поволжья (на примере Республики Башкортостан, Республики Татарстан, Самарской области). СПб.: ООО «Свое издательство», 2014. 288 с.

2. Галин Р.А. Проблемы адаптации и интеграции мигрантов в контексте трансформации миграционных процессов. Уфа: Печатный дом, 2012. С. 7–23.

3. Зайончковская Ж.А. Иммиграция: альтернативы нет. Нужны ли иммигранты российскому обществу. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006. С. 7–30.

4. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Республике Башкортостан. URL: http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/resources/7ba81d004e64acd68cc5ef21f378d622/Итоги%20Всероссийской%20переписи%20населения%202010%20года%20по%20Республике%20Башкортостан.pdf (дата обращения 31.10.2018).

5. Миграция населения в Республике Башкортостан: статистический сборник. Уфа, 2018. 149 с.

6. Федеральная служба государственной статистики. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2017 году. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_107/Main.htm (дата обращения 14.12.2018).

7. Федеральная служба государственной статистики. Трудовые ресурсы. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/# (дата обращения 14.12.2018).

8. Хуснутдинова Л.Г. Этносоциальные аспекты адаптации беженцев и вынужденных переселенцев в Республике Башкортостан (1992-2007 гг.). Уфа: ИП Галиуллин Д.А., 2012. 188 с.

9. Хуснутдинова Л.Г. Интеграция и адаптация инокультурных мигрантов в Урало-Поволжском регионе // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 56. Т. 2. С. 179–195.

10. Утяшева И.Б. Социально-демографическое развитие и миграционные про-

цессы в Республике Башкортостан. Уфа: Печатный дом, 2009. С. 29–44.

11. Khusnutdinova L., Istamgalin R., Efimenko E., Sadykova L. In Search of a Confessional Compromise in the «Religion-Society-the State» Context Central Asia and the Caucasus // Journal of Social and Political Studies. 2018. Vol. 19. Issue 1, pp. 83–89.

References

1. Gabdrafikov I., Khusnutdinova L.G., Vil'danov Kh., Andreeva L. *Rol' natsional'no-kul'turnykh ob'edinenii v integratsii migrantov v mestnoe soobshchestvo v regionakh Povolzh'ya (na primere Respubliki Bashkortostan, Respubliki Tatarstan, Samarskoi oblasti)* [The Role of National-Cultural Associations in the Integration of Migrants into the Local Community in the Volga Regions (Using the Example of the Republic of Bashkortostan, the Republic of Tatarstan, Samara Region)]. Saint Petersburg, Own publishing house, 2014. 288 p. [in Russian].

2. Galin R.A. *Problemy adaptatsii i integratsii migrantov v kontekste transformatsii migratsionnykh protsessov* [Problems of Adaptation and Integration of Migrants in the Context of the Transformation of Migration Processes]. Ufa, Printing house Publ., 2012. pp. 7–23. [in Russian].

3. Zaiionchkovskaya Zh.A. *Immigratsiya: al'ternativy net. Nuzhny li immigranty rossiiskomu obshchestvu?* [Immigration: no Alternative. Do Immigrants Need Russian Society?]. Moscow, Liberal Mission, 2006. pp. 7–30. [in Russian].

4. *Itoги Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda po Respublike Bashkortostan* [Results of the All-Russian Population Census 2010 in the Republic of Bashkortostan]. Available at: http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/resources/7ba81d004e64acd68cc5ef21f378d622/Итоги%20Всероссийской%20переписи%20населения%202010%20года%20по%20Республике%20Башкортостан.pdf (accessed 10.14.2018). [in Russian].

5. *Migratsiya naseleniya v Respublike Bashkortostan: statisticheskii sbornik* [Migration of the Population in the Republic of

Bashkortostan: a Statistical Compilation]. Ufa, 2018. 149 p. [in Russian].

6. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki. Chislennost' i migratsiya naseleniya Rossiiskoi Federatsii v 2017 godu* [Federal State Statistics Service. Population size and Migration of the Russian Federation]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_107/Main.htm (accessed 14.12.2018). [in Russian].

7. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki. Trudovye resursy* [Federal State Statistics Service. Labor resources]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/# (accessed 14.12.2018). [in Russian].

8. Khusnutdinova L.G. *Etnosotsial'nye aspekty adaptatsii bezhentsev i vynuzhdennykh pereselentsev v Respublike Bashkortostan (1992-2007 gg.)* [Ethnosocial Aspects of Adaptation of Refugees and IDPs in the Republic of Bashkortostan (1992-2007)]. Ufa, PI Galiullin D.A., 2012. 188 p. [in Russian].

9. Khusnutdinova L.G. Integratsiya i adaptatsiya inokul'turnykh migrantov v Uralo-Povolzhskom regione [Integration and Adaptation of Foreign Migrants in the Ural-Volga Region]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury — Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, 2017, No. 56, Vol. 2, pp. 179–195. [in Russian].

10. Utyasheva I.B. *Sotsial'no-demograficheskoe razvitie i migratsionnye protsessy v Respublike Bashkortostan* [Socio-Demographic Development and Migration Processes in the Republic of Bashkortostan]. Ufa, Printing house, 2009. pp. 29–44. [in Russian].

11. Khusnutdinova L., Istamgalin R., Efimenko E., Sadykova L. In Search of a Confessional Compromise in the «Religion-society-the state» Context *Central Asia and the Caucasus. Journal of Social and Political Studies*, 2018, Vol. 19, Issue 1, pp. 83–89.

Гимаев И. З.

Gimaev I. Z.

*кандидат социологических наук,
докторант, Институт социально-политических исследований РАН,
г. Москва, Российская Федерация*

УДК 316.4

DOI: 10.17122/2541-8904-2019-2-26-103-107

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО АУДИТА В РОССИИ

Актуальность социологического исследования институтов социально-политического аудита продиктована необходимостью качественного улучшения современной системы учета и анализа социальных явлений и общественно-политических процессов. Социально-политический аудит — это форма социологического анализа условий развития общества с целью выявления факторов социальных рисков и выработки системного подхода к их решению в современных условиях. Социально-политический аудит вбирает в себя представления, инструментарий, исследовательские механизмы, понятийные категории, результаты исследований различных форм аудита, таких как политического, социального, общественного, управленческого, финансового и др.

Цель данного исследования заключается в разработке и обосновании методологических принципов изучения институтов социально-политического аудита в России. Автором предложена система методологических принципов классификации институтов социально-политического аудита: по совокупности технологий разрешения возникающих задач, по состоянию и равномерности развития различных социальных систем и их взаимодействия между собой, по единству и целостности структурных уровней социально-политического пространства, по процессам социализации и гуманизации социальных систем, по классово-стратификационным признакам, по разделению социально-политического пространства на системы и подсистемы, по функциональности социальных систем, явлений и процессов.

Теоретическая ценность данного исследования заключается в том, что впервые даны методологические принципы исследования социально-политического аудита как социальной технологии развития общества. Понимание этих методологических принципов позволит нам полноценнее изучить институты социально-политического аудита.

Практическая новизна состоит в том, что методологический подход предполагает создание научно обоснованной социальной технологии, направленной на преобразование социально-политического пространства, на оптимизацию его изучения. Очевидно, что необходима целостная теоретико-методологическая, социально-технологическая концепция познания и изменения социального-политического пространства, обеспечивающая высокую степень его научного освоения и эффективного решения социальных проблем.

Ключевые слова: социально-политический аудит, методологические принципы, социальные технологии, социально-политическое пространство, социальные системы, общество.

METHODOLOGICAL PRINCIPLES OF A SOCIOLOGICAL STUDY OF THE INSTITUTIONS OF A SOCIO-POLITICAL AUDIT IN RUSSIA

The relevance of a sociological study of the institutions of a socio-political audit is dictated by the need for a qualitative improvement in the modern system of accounting and analysis of social phenomena and socio-political processes. Socio-political audit is a form of sociological

analysis of the conditions for society development in order to identify social risk factors and develop a systematic approach to their solution in modern conditions. Socio-political audit incorporates ideas, tools, research mechanisms, conceptual categories, research results of various forms of auditing, such as political, social, public, managerial, financial, etc.

The purpose of this study is to develop and substantiate the methodological principles for studying the institutions of a socio-political audit in Russia. The author proposes a system of methodological principles for classifying the institutions of a socio-political audit: by the totality of technologies for resolving arising tasks, by the state and uniformity of development of various social systems and their interaction among themselves, by the unity and integrity of the structural levels of the socio-political space, by the processes of socialization and humanization of social systems, by class-stratification characteristics, by dividing the sociopolitical space into systems and subsystems, by functionality of social systems, phenomena and processes.

The theoretical value of this study is in the fact that for the first time the methodological principles were given for the study of socio-political audit as a social technology for the development of society. Understanding these methodological principles will allow to study the institutions of a socio-political audit more fully.

The practical novelty is in the fact that the methodological approach involves the creation of scientifically grounded social technology aimed at transforming the socio-political space, at optimizing its study. Obviously, a holistic theoretical-methodological, social-technological concept of cognition and change of the social-political space is necessary, ensuring a high degree of its scientific development and effective solution of social problems.

Key words: social and political audit, methodological principles, social technologies, social and political space, social systems, society.

Современное развитие социологической научной мысли диктует необходимость качественного улучшения институтов социального анализа общественно-политической жизни и явлений, ускорения технологизации и информатизации социального пространства, формирования социально-технологической культуры. Социально-политический аудит является новой, современной формой научного познания социально-политического пространства, значимым социальным явлением в системе развития общественных, государственных и политических отношений, требующий глубокого научного анализа. Одним из направлений такого анализа является методологическое обоснование социологического исследования институтов социально-политического аудита. Какие методологические принципы могут быть положены в основу такого социологического исследования? В первую очередь — содержание, суть самого социально-политического процесса. Его социальную, политическую, экономическую и иные специфические особенности. Научным методам исследования этих направлений будут соответствовать разные технологии, как способ решения возникаю-

щих задач в каждом из этих направлений. Учет всей совокупности этих технологий, технологизация процесса научного познания социально-политического аудита — первый методологический принцип.

Следующим методологическим принципом изучения социально-политического пространства является синергетический принцип. Существует расширенное толкование понятия «синергетика», в котором делаются попытки распространить её область определения на любые системы, в том числе биологические, экологические, социальные и т.д. [1]. Здесь социальное пространство и социально-политические процессы представляются нам как самовозникающие явления в результате разновариативного и неоднозначного поведения их многоэлементных структур и многофакторных сред, и развиваются вследствие открытости общества, притока внешних раздражителей, нелинейности внутренних процессов. Согласно синергетическому принципу это развитие может привести к образованию новых структур и систем, в том числе более сложных, чем исходные. В отдельных случаях образование новых структур имеет регулярный, волновой

характер. В настоящее время широкое толкование применимости методов синергетики подвергается активной критике [2]. Но очевидно, что многогранность и разнонаправленность проблем и задач социально-политического пространства требует упорядочивания его разнообразных процессов. Гармонизация отношений и разрешение базовых противоречий между субъектом и объектом, между необходимостью всеобщего блага и безопасностью и личностными потребностями; изучение нестабильности состояния и неравномерности развития различных социальных систем, групп, общностей, институтов и самой личности; определение и анализ механизмов гармонизации противоречий социально-политических явлений — это круг вопросов изучения синергетики как отрасли научного знания [3].

В рамках концепции синергетики мы имеем возможность рассматривать социально-политическое пространство в трехмерном измерении: в горизонтальном измерении, ограниченном границами одной социальной системой, в вертикальном измерении — где есть множество иерархических структурных уровней социальной системы, и третье — временное измерение — историческая протяженность социальной системы во времени. Этот методологический принцип используется для построения многоуровневой модели социально-политического пространства.

Согласно этой модели, структурные уровни социально-политического пространства связаны между собой и непрерывно взаимодействуют друг с другом, создавая неравновесные условия либо для возникновения новой иерархии самоорганизующихся систем, либо к распаду за счет усиления дезорганизации [4].

В первом случае социально-политическая система вырождается и переходит в разряд менее развитых; во втором идет по вертикали вверх — к лежащему выше структурному уровню саморазвивающихся систем социального пространства.

В связи с этим третье методологическое правило познания социально-политического

пространства — принцип единства и целостности изучения ее структурных уровней. Многообразие и разная степень развития социально-политических, экономических, культурных и иных факторов, учет разных духовных традиций, особенностей культуры, исторической специфики определяют необходимость целостного, единого подхода к вопросам социологического анализа социально-политического пространства.

Возрастающая роль человеческого капитала является гуманистической силой различных изменений и преобразований в экономике, политике, в обществе в целом. Сегодня научное знание, развитие инновационного мышления стали непосредственной, движущей, гуманистической силой. Знания все увереннее становятся главным источником развития и благосостояния социального пространства. Но знания не могут быть оторваны от своего носителя — человека [5]. В основе гуманистического принципа социально-политического аудита — понимание того, что человеческий капитал является центральным объектом в системе общественных отношений «человек — организация — общество». В современном понимании гуманистический принцип означает переход от технократического восприятия социально-политического пространства к инновационному, открытому, информационному восприятию.

Еще одним методологическим принципом анализа социально-политических явлений и процессов, в основе которого изучение разных социальных групп, классов и страт, является стратификационный принцип. В научную сферу термин «социальная стратификация» был введен П.А. Сорокиным, который выделял три основные формы стратификации: экономическую, политическую, профессиональную [6]. Масса классиков социологической мысли приложили руку к изучению этого понятия. Немецкий ученый М. Вебер, оказавший огромное влияние на становление и развитие теории социальной стратификации, вступая в полемику с марксистской концепцией неравенства как функцией классовых различий, выделял более мелкие единицы социальной дифференциации

внутри страт — статусные группы. И критерием объединения индивидов в ту или иную группу считал такой феномен, как стиль жизни [7]. Веберовская традиция часто противопоставляется марксистской, но она, скорее, является развитием, дополнением последней, хотя в целом ряде принципиальных моментов взгляды Маркса и Вебера расходились. Английский социолог Э Гидденс определял стратификацию как структурированное неравенство, существующее между различными группами людей, определяющее социальную структуру общества по экономическому, профессионально-трудовому и по другим социальным критериям и параметрам.

В методологическом плане стратификационный принцип анализа социально-политического пространства предполагает такое изучение социальных явлений, которое указывает на расслоение в обществе, изучает причины, особенности и последствия таких расслоений, показывает многовариативность и противоречивость социальных групп.

Следующий методологический принцип социологического исследования институтов социально-политического аудита — системный принцип, основанный на разделении социально-политического пространства на подсистемы: социальные институты, общности, сферы, вступающие в качестве специфических системных объектов с их закономерностями, функциями, связями и т.п. Каждая из них может выступать как самостоятельная единица. В качестве примера можно выделить информационную, идеологическую, бюрократическую и прочие системы. Функционально и структурно подсистема — это не только объект изучения, но это и процессы, что происходит в этих системах, а также процессы, происходящие между системами. При изучении процессов в качестве социальных систем они рассматриваются в

неразрывной связи с определенными социальными объектами. Например, миграционные или электоральные процессы неразрывно связаны с объектом их воздействия или взаимодействия.

Функциональный принцип в социологическом исследовании институтов социально-политического аудита заключается в выявлении социальных функций данных явлениях или процессах в их взаимозависимости и взаимодействия. Любая система социально-политического пространства, направленная на решение внутренних вопросов, занимается решением общих задач общественного благоденствия. «Как одно явление может иметь различные функции, так и одна и та же функция может проявляться в различных явлениях» [8]. Функциональный принцип позволяет социально-политическому аудиту рассмотреть рабочее оптимальное состояние систем для нормального функционирования социально-политического пространства. Суть функционального подхода — определить какие функции являются более или менее важными, и какие их характеристики определяют иерархию системы в целом.

Вывод

Понимание этих методологических принципов позволяют нам полноценнее изучить институты социально-политического аудита. Методологический подход предполагает создание научно обоснованной социальной технологии, направленной на преобразование социально-политического пространства, на оптимизацию деятельности по его изучению. Очевидно, что необходима целостная теоретико-методологическая, социально-технологическая концепция познания и изменения социального-политического пространства, обеспечивающая высокую степень его научного освоения и эффективного решения социальных проблем.

Список литературы

1. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики: режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб.: Алетейя, 2002. 414 с.
2. Болдачев А.В. Новации. Суждения в русле эволюционной парадигмы. СПб.: СПбГУ, 2007. 256 с.
3. Иванов В.Н., Патрушев В.И. Социальные технологии. М.: МГСУ «Союз», 1999. 432 с.

4. Котельников Г.А. Социолого-синергетический подход к социальному познанию. М.: РАГС, 2000. 272 с.

5. Швецов Ю.Г. Понятие нравственности в обществе // Проблемы учета и финансов. 2011. № 2. С. 3-8.

6. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. 543 с.

7. Вебер М. Основные понятия стратификации. М.: Прогресс, 1990. 630 с.

8. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 873 с.

References

1. Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. *Osnovaniya sinergetiki: rezhimy s obostreniem, samoorganizatsiya, tempomiry* [The Foundations of Synergetics: Regimes with Aggravation, Self-Organization, Tempo-Worlds]. Saint-Petersburg, Aletheia, 2002. 414 p. [in Russian].

2. Boldachev A.V. *Novatsii. Suzhdeniya v rusle evolyutsionnoi paradigmy* [Novations. Judgments in Line with the Evolutionary

Paradigm]. Saint-Petersburg, SPU, 2007. 256 p. [in Russian].

3. Ivanov V.N., Patrushev V.I. *Sotsial'nye tekhnologii* [Social Technologies]. Moscow, MGSU «Union», 1999. 432 p. [in Russian].

4. Kotel'nikov G.A. *Sotsiologo-sinergeticheskiy podkhod k sotsial'nomu poznaniyu* [Sociological and Synergistic Approach to Social Cognition]. Moscow, RANEPА, 2000. 272 p. [in Russian].

5. Shvetsov Yu.G. *Ponyatie npravstvennosti v obshchestve* [The Concept of Morality in Society]. *Problemy ucheta i finansov — Problems of Accounting and Finance*, 2011, No. 2. pp. 3-8. [in Russian].

6. Sorokin P. *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Person. Civilization. Society]. Moscow, 1992. 543 p. [in Russian].

7. Veber M. *Osnovnye ponyatiya stratifikatsii* [Basic Concepts of Stratification]. Moscow, Progress, 1990. 630 p. [in Russian].

8. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow, АСТ, 2006. 873 p. [in Russian].

Сафуанов Р. М.
Safuanov R. M.

*доктор экономических наук,
профессор, директор
Уфимского филиала
ФГОБУ ВО «Финансовый
университет при
Правительстве
Российской Федерации»,
г. Уфа,
Российская Федерация*

Лехтус М. Ю.
Lekhtus M. Yu.

*кандидат технических
наук, доцент кафедры
«Математика и
информатика», Уфимский
филиал ФГОБУ ВО
«Финансовый университет
при Правительстве
Российской Федерации»,
г. Уфа,
Российская Федерация*

Колганов Е. А.
Kolganov E. A.

*кандидат социологических
наук, доцент кафедры
«Математика
и информатика» Уфимского
филиала ФГОБУ ВО
«Финансовый университет
при Правительстве
Российской Федерации»,
г. Уфа,
Российская Федерация*

УДК 378.147:004+316.7

DOI: 10.17122/2541-8904-2019-2-28-108-113

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Статья посвящена актуальным проблемам внедрения цифровых технологий в систему образования. Развитие цифровых технологий в сфере образования диктуется актуальностью и поддерживается на государственном уровне и широкой общественностью. Цифровизация – это новая социальная ситуация «цифрового разрыва», «цифрового гражданства», «цифровой социализации». Основные изменения в образовании связаны с цифровизацией образования. В процессе цифровизации фундаментально меняются сама структура обучения и организация образовательного процесса. Использование новых информационно-коммуникационных технологий является начальным условием для дальнейшего развития цифровой педагогики.

Методически цифровизация системы образования опирается на новые образовательные стандарты, используя новый компетентностный подход. Необходим инструмент создания учебных материалов, инструмент эффективной доставки контента и знаний студентов для эффективного преподавания. Российские вузы используют двухкомпонентную информационно-образовательную среду, в которой совмещаются ресурсы международных образовательных платформ с контентом собственных разработок, что способствует развитию собственного ИТ-потенциала. Необходимо внедрение современной цифровой базы образовательного процесса — информационно-образовательной среды (ИОС). Реализация эффективной ИОС является основой развития любого вуза. Цифровизация высшего образования внесет изменения в квалификационные требования к профессорско-преподавательскому составу. Преподаватели начинают применять цифровые технологии, облегчающие им работу. Вузы стали осваивать новые форматы передачи знаний, в первую очередь, онлайн-курсы. Изменения в образовании, связанные с цифровизацией образования, приведут к глубоким изменениям на рынке труда. Это является поводом для дальнейшей реорганизации образовательного процесса. Электронные библиотечные ресурсы всех вузов мира, а также учебные материалы лучших преподавателей будут доступны для всех обучающихся. В ближайшие годы будут разработаны и внедрены такие системы автоматического перевода текстов и речи с любого языка. Подобные действия приведут к серьезной перестройке образовательного процесса, изменению роли педагога, который в дальнейшем не будет объяснять тот или иной материал, а будет помогать найти расположение этого материала и понять его.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые технологии, цифровизация образовательных учреждений, цифровое образование, новые компетенции, реорганизация образовательного процесса, онлайн-курсы, изменение роли педагога, платформа реализации образовательного процесса, информационно-образовательная среда.

DIGITALIZATION OF THE EDUCATION SYSTEM

The article is devoted to actual problems of the introduction of digital technologies in the educational system. The development of digital technologies in the field of education is dictated by the relevance and supported at the state level and the General public. Digitalization is a new social situation – «digital divide», «digital citizenship», «digital socialization». The main changes in education are related to the digitalization of education. In the process of digitalization, the very structure of education and the organization of the educational process are fundamentally changing. The use of new information and communication technologies is an initial condition for the further development of digital pedagogy.

Methodical digitalization of the education system is based on new educational standards, using a new competence approach. We need a tool for creating educational materials, a tool for effective delivery of content and knowledge of students for effective presubmission. Russian universities use a two-component information and educational environment, which combines the resources of international educational platforms with the content of their own developments, which contributes to the development of their own IT-potential. It is necessary to introduce a modern digital base of the educational process – information and educational environment (IEE). The implementation of effective IEE is the basis for the development of any University. Digitalization of higher education will make changes in the qualification requirements for the teaching staff. Teachers are beginning to use digital technologies to facilitate their work. Universities began to master new formats of knowledge transfer, first of all — online courses. Changes in education related to the digitalization of education will lead to profound changes in the labor market. This is the reason for further reorganization of the educational process. Electronic library resources of all universities of the world, as well as educational materials of the best teachers will be available for all students. Such actions will lead to a serious restructuring of the educational process, changing the role of the teacher, who in the future will not explain this or that material, and help to find the location of this material and understand it.

Key words: digitalization, digital technologies, digitalization of educational institutions, digital education, new competencies, reorganization of the educational process, online courses, changing the role of the teacher, the platform for the implementation of the educational process, information and educational environment.

Реализация цифровых технологий не обошла стороной и сферу образования. 1 марта 2018 года Президент России Владимир Владимирович Путин выступил с ежегодным Посланием к Федеральному Собранию: «С помощью передовых телекоммуникаций мы откроем нашим гражданам все возможности цифрового мира. И это не только современные сервисы, онлайн-образование, телемедицина, что само по себе крайне важно, мы с вами это понимаем... Для нашей огромной по территории страны такое объединение талантов, компетенций, идей — это колоссальный прорывной ресурс» [1].

Как следует трактовать термин «цифровизация». Цифровизация это:

— новая социальная ситуация — «цифрового разрыва», «цифрового гражданства», «цифровой социализации»;

— цифровизация — это объективный процесс вытеснения всего аналогового из технологии, экономики, культуры;

— цифровая реальность «оцифровывает» и нас, накапливает наши «цифровые следы», опережая не только вычислительную технику, но и наше воображение;

— к 2020 году количество устройств, подключенных к Интернет, достигнет 25 миллиардов, превысив в два раза число пользователей;

— более трёх эксабайт данных — эквивалент 750 миллионов DVD — создаются каждый день [2].

Бурное развитие цифровых технологий в сфере образования диктуется актуальностью рассматриваемых при этом проблем:

— цифровые технологии в образовании поддерживаются на государственном уровне и широкой общественностью;

— это инструмент эффективной доставки информации и знаний студентов;

— это инструмент создания учебных материалов;

— это инструмент эффективного способа преподавания;

— это средство построения новой образовательной среды [3].

О цифровизации образовательных учреждений сегодня говорится много. Звучат прогнозы о том, что образовательная платформа онлайн-образования вытеснит университеты. Вузы стали осваивать новые форматы передачи знаний, в первую очередь, онлайн-курсы [4]. Согласно планам Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, к 2025 году российские вузы должны создать до 4000 онлайн-курсов. Такие требования означают перевод большей части образовательных программ основных вузов в онлайн-формат. Многие российские университеты работают и в рамках западных образовательных платформ. Присутствуют и сугубо российские платформы, наиболее важной из которых является Национальная платформа открытого образования.

В свой образовательный процесс к внедрению цифровых технологий уже активно стремятся и Российские университеты. Пока мы находимся на очень ранней стадии этого процесса, на уровне пилотных проектов. Но уже сейчас следует задуматься о внедрении цифровых технологий и проблемах, возникающих при этом.

В конце 2017 года Правительство поручило Минобрнауки России подготовить паспорт приоритетного проекта «Цифровая школа». С одной стороны, это шанс снизить «цифровой разрыв» между богатыми и бедными регионами, богатыми и бедными обра-

зовательными учреждениями. Это не значит, что цифрового образования в стране нет. Оно начинает развиваться.

При этом нет ни одного педагога, который бы не разбирался в цифровых технологиях, который бы, как и прежде, перепечатывал текст, если его можно взять в электронном виде и немного адаптировать, подправить под себя. Уже сегодня преподаватели начинают применять цифровые технологии, облегчающие им работу, и без особых усилий продуктивно работают на занятиях. В том числе, всем известные электронные презентации.

В своем послании Федеральному собранию президент страны 1 марта 2018 года внес ясность о перспективах развития системы образования: «Нужно переходить и к принципиально новым, в том числе индивидуальным технологиям обучения, уже с ранних лет прививать готовность к изменениям, к творческому поиску, учить работе в команде, что очень важно в современном мире, навыкам жизни в цифровую эпоху» [1].

В плане развития профессионального образования в Российском образовании существенное отставание, так как финансирование образования осуществляется на недостаточном уровне. Необходимо резкое улучшение этих показателей, поскольку образовательные учреждения дают основные профессиональные навыки обучающимся, и, как следствие, ему нужна гораздо более мощная материально-техническая база.

В России более 50 % студентов-заочников, и при этом такая форма обучения финансируется государством значительно меньше, чем очная. И не стоит говорить о массовом качественном высшем образовании. А это, в свою очередь, говорит о неспособности нашего населения эффективно использовать последние достижения в области высоких технологий, участвовать в высокотехнологичном производстве, создавать новые знания и т.д.

Основные изменения в образовании связаны с цифровизацией образования, которая приведёт к глубоким изменениям на рынке труда, и, как следствие, появлению новых

компетенций, улучшению кооперации, повышению ответственности граждан, их способности самостоятельно принимать решения. В свою очередь, это является поводом для дальнейшей реорганизации образовательного процесса, в основном с использованием технологий искусственного интеллекта. Вполне вероятно, что в ближайшие годы будут разработаны и внедрены такие системы автоматического перевода текстов и речи с любого языка, которые позволят свободно воспринимать чужую речь. А это значит, что электронные библиотечные ресурсы всех вузов мира, а также учебные материалы лучших преподавателей будут доступны для всех обучающихся, а не только для тех, кто владеет иностранным языком. Подобные действия приведут к серьёзной перестройке образовательного процесса, изменению роли педагога, который в дальнейшем не будет объяснять тот или иной материал, а будет помогать найти расположение этого материала и понять его. Иначе говоря, глобализация образования — явление неизбежное.

В процессе цифровизации фундаментально меняются сама структура обучения и организация образовательного процесса. Эти изменения потребуют как выбора материала для создания курсов и их организации, так и для управления образовательным учреждением.

Возникающая при этом образовательная среда может быть реализована в соответствии с несколькими алгоритмами, каждый из которых имеет право на существование. Среди наиболее значимых можно выделить [5]:

- использование бесплатных разработок специализированных интернет-ресурсов;
- использование платных платформ реализации учебного контента;
- использование готовых платформенных решений, размещенных в облаке;
- создание гибридных ресурсов, на базе нескольких платформ и т.д.

На сегодняшний день российские вузы в большинстве своем используют двухкомпонентную информационно-образовательную среду. В ней совмещаются общедоступные ресурсы международных образовательных платформ с контентом собственных разрабо-

ток. При этом наиболее часто используемыми платформами являются:

- Coursera;
- edX;
- XuetangX;
- Udacity;
- FutureLearn.

Кроме этого, достаточно много крупных IT-компаний занимаются разработкой собственных платформ, имеющих как прямое и непосредственное отношение к образованию, так и опосредованное, специализированное. К таким разработчикам можно отнести:

- Facebook, iTunes, eBay, Amazon, LinkedIn, Airbnb, Tencent;
- «ВКонтакте», «Яндекс», Avito, OZON.

В частности, компания «Яндекс» каждый год запускает глобальный IT-проект, связанный с цифровизацией образования (таблица 1).

Таблица 1. Хронология IT-проектов Яндекс

Год	Проект
2010	Курсы информационных технологий
2011	Школа IT-менеджеров
2012	Школа разработки интерфейсов
2013	Факультет компьютерных наук НИУ ВШЭ
2014	
2015	Школа дизайна
2016	Яндекс-лицей
2017	Яндекс-учебник
2018	Школа анализа данных

При наличии подобных проектов легко скатиться до отказа от собственных разработок, чего делать ни в коем случае нельзя. Ведущие образовательные учреждения, поддерживая эти выводы, используют двухкомпонентную информационно-образовательную среду, что способствует, с одной стороны, развитию собственного IT-потенциала, а с другой стороны, предложение своих разработок рынку образовательного контента. В качестве примера можно рассмотреть структуру ИОС НИУ ВШЭ и Фининиверситета (таблица 2).

Таблица 2. Примеры двухкомпонентной структуры ИОС

НИУ ВШЭ		Фининиверситет	
Coursera	Национальная платформа MOOC	OPEN edX	Открытая он-лайн академия

Информационно-образовательная среда цифрового образования включает:

— технические ресурсы: компьютеры, планшеты, мобильные устройства, сети, видеосистемы, интерактивные экраны;

— образовательные ресурсы: программное обеспечение, электронно-образовательные ресурсы, информационно-образовательные порталы, системы дистанционного обучения, электронные библиотеки, облачные ресурсы, вебинары, телеконференции;

— управление процессом: дистанционное обучение, электронная почта, социальные сети, личный кабинет в облаке, форма обучения [6].

Для успешной цифровизации недостаточно перевода учебных материалов в электронный вид — оцифровки. Использование новых информационно-коммуникационных технологий является только начальным условием для дальнейшего развития цифровой педагогики, критерием оценки которой будет его полезность для обучающихся. Внедренное новшество, обеспечивающее качественный рост эффективности процессов в содержании и построении учебных курсов, организационные и структурные изменения в университетах будут приносить действительную пользу студентам [7, 8].

Изменения в сфере технологий обучения и содержания образовательной программы будут взаимозависимыми. По мере таких технологических изменений будут возникать новые содержательные академические вопросы, которые, в свою очередь, потребуют новых технологических решений. Образовательные учреждения должны быть обеспокоены не только продвижением технологических новшеств, таких как создание

своих электронных образовательных ресурсов, но и развитием своих образовательных программ за счет уже существующей инфраструктуры.

Вывод

Такого понятия, как «цифровой университет», на сегодняшний день нет. Технологическая модификация усиливает процесс дифференциации и специализации в высшем образовании. Цифровизация высшего образования внесет изменения в квалификационные требования к профессорско-преподавательскому составу и остальным работникам вуза и затронет вопрос их традиционной роли.

Инновации в цифровом обучении представляют собой не столько технические инновации, сколько изменения в содержании и организации образовательного контента, в структуре и в организационных принципах вуза.

Новейшие методики анализа данных откроют новые пути понимания процессов преподавания.

Интеграция цифровых методик в образование требует трудоёмких согласований между различными заинтересованными сторонами внутри вуза.

Основным фактором для успешности цифровизации образования является стратегия вуза, а не только финансовые ресурсы.

Цифровое образование является очень дорогостоящим, а существующее онлайн-образование не имеет возможности бесконечно масштабироваться. Финансирование проектов по цифровизации образования за счет внебюджетных средств несет в себе значительные риск долгосрочного развития цифрового образования.

Список литературы

1. Послание Президента Федеральному Собранию 1 марта 2018 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 12.05.2019).

2. Мультимедийная журналистика. М.: ВШЭ, 2017. 413 с.

3. Кузьминов Я. Главный тренд российского образования — цифровизация. URL: www.ug.ru (дата обращения: 12.05.2019).

4. Третьяков В.С., Ларионова В.А. Открытые онлайн-курсы как инструмент модернизации образовательной деятельности в вузе // Высшее образование в России. 2016. № 7 (203). С. 55–66.

5. Брускин С.Н. Методы и инструменты продвинутой бизнес-аналитики для корпоративных информационно-аналитических систем в эпоху цифровой трансформации // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2016. Т. 12. № 3–17. С. 234–239.

6. Концепция создания и развития информационно-образовательной среды Открытого Образования системы образования РФ. URL: <http://do.sgu.ru/conc.html> (дата обращения 17.01.2019)

7. Асташева Ю.В. Теория поколений в маркетинге // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». 2014. Т. 8. № 1. С. 108–113.

8. Плешаков В.А. Теория киберсоциализации человека. М.: Прометей, 2012. 270 с.

References

1. *Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu 1 marta 2018 goda* [President's Address to the Federal Assembly March 1, 2018]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (accessed 15.05.2019). [in Russian].

2. *Mul'timedijnaya zhurnalistika* [Multi-media Journalism]. Moscow, Higher School of Economics, 2017. 413 p. [in Russian].

3. Kuz'minov Ya. *Glavnyi trend rossiiskogo obrazovaniya – tsifrovizatsiya* [The Main Trend of Russian Education is Digitalization]. Available at: <http://www.ug.ru/article/1029> (accessed 12.05.2019). [in Russian].

4. Tret'yakov B.C., Larionova V.A. *Otkrytye onlain-kursy kak instrument mod-ernizatsii*

obrazovatel'noi deyatel'nosti v vuze [Open Online Courses as an Instrument of Modernization of Educational Activities in the University]. *Vysseee obrazovanie v Rossii — Higher Education in Russia*, 2016, No. 7 (203), pp. 55–66. [in Russian].

5. Bruskin S.N. *Metody i instrumenty prodvunatoi biznes-analitiki dlya korporativnykh informatsionno-analiticheskikh sistem v epokhu tsifrovoi transformatsii* [Methods and Tools of Advanced Business Intelligence for Corporate Information-Analytical Systems in the Era of Digital Transformation]. *Sovremennyye informatsionnyye tekhnologii i IT-obrazovanie — Modern Information Technology and IT-Education*, 2016, Vol. 12, No. 3-17, pp. 234–239 [in Russian].

6. *Kontseptsiya sozdaniya i razvitiya informatsionno-obrazovatel'noi sre-dy Otkrytogo Obrazovaniya sistemy obrazovaniya RF* [Concept of Creation and Development of Information and Educational Environment of Open Education System of the Russian Federation]. Available at: <http://do.sgu.ru/conc.html> (accessed 17.01.2019) [in Russian].

7. Astasheva Yu.V. *Teoriya pokolenii v marketinge* [Theory of Generations in Marketing]. *Vestnik YuUrGu. Seriya «Ekonomika i menedzhment» — Bulletin of South Ural State University, Series «Economics and Management»*, 2014, Vol. 8, No. 1. pp. 108–113. [in Russian].

8. Pleshakov V.A. *Teoriya kibersotsializatsii cheloveka* [Theory of Cybersocialization of the Person]. Moscow, Prometey Publ., 2012. 270 p. [in Russian].

Кондратенко Н. А.**Kondratenko N. A.**

кандидат социологических наук,
доцент кафедры
«Социология и политология»,
ФГБОУ ВО «Тульский
государственный университет»,
г. Тула, Российская Федерация

Шашкова С. Н.**Shashkova S. N.**

кандидат социологических наук,
доцент кафедры
«Социология и политология»,
ФГБОУ ВО «Тульский
государственный университет»,
г. Тула, Российская Федерация

УДК 316.4

DOI: 10.17122/2541-8904-2019-2-28-114-121

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

В условиях динамичного развития современного общества к системе образования предъявляются повышенные требования. Эффективное выполнение образованием своих функций, таких как социализация и воспроизводство профессионально-квалификационной структуры населения, безусловно, влияет на развитие общества в целом, его интеллектуальный и экономический потенциал. Но и образование, в свою очередь, испытывает на себе влияние всех процессов, происходящих в обществе. Понимание характера этого влияния позволяет наилучшим образом скорректировать стратегию развития образования, учитывать социальные ожидания общества от образования при проведении реформ, повысить эффективность функционирования образования.

В данной статье рассматривается проблема влияния на развитие образования, в первую очередь, демографических процессов, а также процессов цифровизации и информатизации общества. Целью настоящего исследования являлось выявление характера влияния указанных социально-экономических процессов на траекторию развития образования и поиск оптимальных путей развития системы образования в сложившихся условия.

На основе проведенного анализа авторы утверждают, что реформирование современного образования происходит без учета демографических и других социально-экономических процессов, в частности информация о снижении или увеличении рождаемости в тех или иных регионах не влияет на эффективность проводимой образовательной политики. Авторы приходят к выводу о том, что игнорирование динамики демографических процессов приводит к запоздалой реакции на актуальные потребности общества, снижает эффективность управленческих решений.

Практическая значимость данного исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы органами власти при проведении реформ в сфере образования, а также руководителями образовательных организаций при выработке стратегии развития образовательных учреждений с учетом актуальных потребностей различных социальных групп. Делается вывод о том, что у современных молодых людей растет потребность в непрерывном образовании и постоянном наращивании собственных компетенций, и для успешного функционирования и развития университет должен стать образовательной средой, интегрирующей различные образовательные программы с использованием информационных технологий, востребованных в современном обществе.

Ключевые слова: образование, воспроизводство трудовых ресурсов, демографические процессы, рождаемость, смертность, самосохранительное поведение, информационное общество, рынок труда, образовательная траектория, компетенции, развитие образования.

INFLUENCE OF SOCIO-ECONOMIC PROCESSES ON EDUCATION SYSTEM DEVELOPMENT

In the conditions of dynamic development of modern society, increased demands are made on the education system. The effective fulfillment by education of its functions, such as socialization and the reproduction of the vocational qualification structure of the population, certainly influences the development of society as a whole, its intellectual and economic potential. But education, in turn, is affected by all the processes taking place in society. Understanding the nature of this influence makes it possible to best adjust the strategy for the development of education, take in to account the social expectations of society from education when carrying out reforms, and improve the efficiency of education.

This article deals with the problem of influencing the development of education in the first place demographic processes, as well as the processes of digitalization and informatization of society. The purpose of this study was to identify the nature of the impact of these socio-economic processes on the trajectory of development of education and the search for optimal ways of development of the educational system in the current conditions.

On the basis of the analysis done, the authors argue that the reform of modern education takes place without taking into account demographic and other socio-economic processes, in particular, information on the reduction or increase in the birth rate in certain regions does not affect the effectiveness of educational policy. The authors come to the conclusion that ignoring the dynamics of demographic processes leads to a delayed reaction to the actual needs of society, reduces the effectiveness of management decisions.

The practical significance of this study lies in the fact that its results can be used by authorities in carrying out reforms in the field of education, as well as by heads of educational organizations in developing a strategy for the development of educational institutions, taking into account the urgent needs of various social groups. It is concluded that in modern young people there is a growing need for continuing education and constant growth of their own competencies, and for the successful functioning and development of the university should become an educational environment that integrates various educational programs using information technologies that are in demand in modern society.

Key words: education, reproduction of labor resources, demographic processes, birthrate, mortality, self-preserve behavior, information society, labor market, educational trajectory, competences educational development.

Как показывает мировой опыт, развитие любой страны невозможно без развития ее системы образования, именно высококвалифицированные специалисты играют главную роль в переходе на качественно новый уровень развития — начиная от изобретения печатного станка, заканчивая внедрением современных информационных технологий. Для нашей страны на современном этапе эта проблема приобретает особую актуальность: в непростых социально-политических и экономических условиях именно внутренние человеческие ресурсы должны стать двигателем в развитии экономики. В связи с этим рынок труда нуждается в новом типе трудовых ресурсов, предъявляет повышенные требования к качеству рабочей силы, ее профессиональному и образовательному уровню, готовности к решению нестандартных задач.

Воспроизводство трудовых ресурсов самым тесным образом связано как с воспроизводством населения в целом, так и с различными демографическими и иными социально-экономическими процессами, которые сегодня происходят в стране. Важнейшими демографическими процессами, влияющими на воспроизводство трудовых ресурсов, являются рождаемость, смертность и миграция. От интенсивности этих процессов сегодня зависит степень выраженности проблем, с которыми в будущем столкнется Россия. Полностью взять под контроль все демографические процессы невозможно, некоторые из них необходимо принять как данность (например низкую рождаемость), некоторые процессы можно скорректировать, учитывая интересы нашей страны

(например интенсивность миграционных потоков или смертность).

Сегодня, к сожалению, среди чиновников и даже научного сообщества широко распространено мнение о том, что с помощью мер материального и прочего стимулирования можно увеличить рождаемость. При отстаивании данной точки зрения ученые ссылаются на опыт европейских стран и российскую статистику последних лет, которая действительно демонстрирует нам увеличение числа родившихся. Но очень часто авторами игнорируется тот факт, что рост рождаемости сегодня наблюдается преимущественно за счет мигрантов, а не за счет российского населения, кроме того, увеличение рождаемости является временным явлением, и очень скоро мы опять будем наблюдать снижение коэффициентов рождаемости. При выстраивании любой политики, в том числе социальной, экономической и демографической, необходимо помнить, что те демографические процессы, которые имеют место сейчас, имеют достаточно отдаленные последствия.

Обозначим кратко некоторые сложившиеся в нашей стране тенденции, которые в ближайшее время начнут оказывать непосредственное влияние на воспроизводство трудовых ресурсов. В настоящее время в возраст деторождения входят малочисленные когорты людей, родившихся в 90-х гг. Например, в 1990 г. родилось всего 1 990 тыс. человек, в то время как в 1985 г. было 2 380 тыс. родившихся, снижение рождаемости наблюдалось до начала двухтысячных годов, такая ситуация негативно отражается не только на воспроизводстве населения страны, но и на численности трудовых ресурсов, потому что на рынке труда происходит смена достаточно многочисленного поколения, рожденного после Второй мировой войны, на малочисленные поколения, родившиеся в девяностые годы. Необходимо также отметить, что рождение первых детей сдвинулось в более старшие возрастные когорты, начиная с 2009 г. максимальное число рождений приходится на женщин из возрастной группы от 25 до 29 лет. Таким образом, уровень рож-

даемости снова будет уменьшаться по мере того, как относительно многочисленное поколение, рожденное в восьмидесятые годы прошлого века, реализует свои репродуктивные намерения. Помимо того что в репродуктивный возраст вступают достаточно малочисленные когорты, среди них зачастую преобладает установка на семью с одним-двумя детьми, такая ориентация на малодетную семью не способствует даже простому замещению поколений.

Подтверждением этого тезиса могут служить результаты исследования, проведенного в 2012 г. Федеральной службой государственной статистики, согласно которому 56,9% опрошенных отрицают какую-либо помощь мер, направленных на стимулирование рождаемости в принятии решения о рождении ребенка, еще 20,4% затруднились ответить на этот вопрос. Поэтому рассчитывать, что в ближайшее время рождаемость будет и дальше расти такими же темпами, не придется [1]. На численность населения в целом и трудовых ресурсов в частности существенное влияние оказывает смертность населения, особенно трудоспособного возраста. В нашей стране существенную роль в этом процессе играет смертность от внешних причин. Как бы ни парадоксально это звучало, но на факторы смертности гораздо легче оказывать влияние, чем на факторы рождаемости. Безусловно здесь необходима целенаправленная и долговременная работа государства и всевозможных общественных структур. Важную роль здесь может сыграть и система образования через формирование у молодого поколения установок на самосохранительное поведение, привитие культуры здорового образа жизни, привлечение молодежи к занятиям спортом; здоровьесберегающая функция образования сегодня становится актуальной как никогда. Итак, демографическая ситуация, сложившаяся в последние годы в нашей стране, выдвигает перед российской системой образования ряд проблем, касающихся всех уровней образования.

Имеющее место в последнее время увеличение рождаемости породило проблему обеспеченности детей дошкольными образова-

тельными учреждениями. Например, только в 2016 г. более 1 600 тысяч семей стояли в очередях в детские сады [2]. Свой вклад в рост очередей в учреждения дошкольного образования вносят и мигранты, имеющие, как правило, достаточно многодетные семьи. Правительство декларировало, что обеспечение детей дошкольного возраста местами в образовательных учреждениях является одним из приоритетных направлений. Но даже если государство реализует свои планы и построит (как и обещало) новые детские сады, в которых планируется создать пятьсот тысяч дополнительных мест, вряд ли это позволит коренным образом решить названную проблему, т.к. этого количества мест примерно в три раза меньше, чем необходимо, тем более учитывая достаточно неравномерное распределение семей, имеющих детей, по территории нашей страны, а также неравные возможности различных регионов в осуществлении этих намерений. Отсутствие возможности посещать учреждения дошкольного образования приводит к тому, что дети не могут получить необходимые навыки, знания и социальный опыт, который пригодится им на начальном этапе обучения в школе, что может негативно отразиться на успешности их дальнейшего обучения.

Еще одна проблема, которая обострилась в связи с демографическим кризисом, — проблема образования в сельской местности. За последние десять лет в нашей стране исчезло около сорока тысяч различных сельских поселений, вместе с низкой рождаемостью это способствовало сокращению средних и малокомплектных школ. Под эгидой всевозможных реформ и «оптимизаций» закрылось более пятнадцати тысяч школ в сельской местности [3]. Школа — это важный объект сельской инфраструктуры, она играет важную роль в воспитании и образовании детей и взрослых. Ликвидация сельских школ снижает мотивацию к получению как общего, так и дополнительного образования. Закрытие малокомплектных школ порождает определенные трудности и для сельских школьников. В частности, удаленность школ от места жительства учеников, их

оторванность от семей (в случае проживания у родных или в школе-интернате) негативно сказываются на укладе жизни в семье, необходимом для нормального функционирования семьи и воспитания детей, отрицательно сказываются на образовательных результатах и на желании вернуться в родное село для последующей работы.

Спад рождаемости неизбежно приведет к снижению числа школьников через 7 лет. Приведем пример влияния данного демографического процесса на систему образования. Численность детей 7 лет (т.е. потенциальных первоклассников) с 1994 г. по 2006 г. сократилась в два раза, более чем на 1 200 тыс. человек. Это почти 50 тыс. классов, 50 тыс. учителей, которых надо было планомерно высвобождать и обучать другим профессиям. Сейчас же, после 2006 г., наоборот, началось увеличение численности 7-летних и числа поступающих в первые классы [4].

Из-за уменьшения численности школьников снижается и потенциальный контингент учреждений среднего профессионального и высшего образования. Однако в обществе изменились установки на получение высшего образования, наличие диплома о высшем образовании стало своеобразной нормой. Приведем пример. Если 50 лет назад в высшие учебные заведения шло примерно 15–20 % выпускников школ, в конце 1980-х гг. — 25–30 %, сегодня в них поступает более 50 %, а то и 70 %. Если в 2011 г. из выпускников школы в вузы поступало 69,6 %, то в 2014 г. — уже 80,9 % (за четыре года рост в 1,16 раза). Более того, если выпускник девятого класса идет учиться в учреждение среднего профессионального образования, то 83 % после его окончания также поступают в вузы (в Москве эта цифра достигает 94,4 %) [5].

Одна из причин такого явления заключается в увеличении приема в негосударственные вузы и на заочные отделения. Те, кто не могли поступить на бюджетные места (из-за низкой успеваемости в школе), кто раньше даже не мог думать о получении высшего образования, включая неспособных к обучению на этой ступени образования, но имею-

щих возможность платить за обучение, становились студентами.

Данный факт, а также ситуация, когда число бюджетных мест в некоторых вузах превышало количество выпускников средних школ, видимо, подтолкнули Министерство образования и науки РФ с 2012 г. начать процесс закрытия так называемых неэффективных учебных заведений, а также объединения вузов, факультетов и т.д.

Такая политика приводит к сокращению преподавателей, а также аспирантов и докторантов, способных в будущем заменить профессорско-преподавательский состав, влечет сокращение доходов вузов от оказания платных образовательных услуг. Таким образом, перспективы развития высшего образования становятся все более зависимыми от демографических факторов.

Еще один аспект, который следует отметить, заключается в том, что потребности экономики в специалистах той или иной профессии также необходимо планировать с учетом демографической динамики. Например, в ближайшей перспективе увеличится потребность в специалистах в сфере дошкольного образования, учителях начальных классов, врачах-педиатрах; учитывая процесс старения населения, можно спрогнозировать потребность в специалистах-геронтологах и социальных работниках и т.д.

Таким образом, демографические волны и в дальнейшем будут оказывать значительное воздействие на развитие и функционирование всех ступеней системы образования. Сегодня, к сожалению, для оправдания некомпетентности чиновников в различных сферах (начиная от нехватки детских садов, проблем комплектования армии, сокращения трудоспособного населения, заканчивая увеличением пенсионного возраста из-за роста числа пенсионеров) часто делаются ссылки на демографические волны как на объективные обстоятельства, которые не зависят от власти. Списывая все на демографические проблемы, чиновники пытаются прикрыть свое неумение (или нежелание) работать с демографическими данными, что зачастую приводит к запоздалой реакции на актуаль-

ные проблемы, перекосы, риски и, как следствие, к неспособности заранее спрогнозировать, предвидеть последствия, выработать механизмы предупреждения и урегулирования кризисных ситуаций.

Еще одним процессом, оказывающим влияние на функционирование и развитие системы образования, является информатизация и цифровизация общества. Сегодня сильно возрастает уровень автоматизации производства и компьютеризации трудовых процессов, что, в свою очередь, требует, с одной стороны, меньшего количества работников, а с другой, предъявляет принципиально новые требования к качеству рабочей силы.

Еще недавно наблюдалась практически прямая взаимосвязь уровня образования и занимаемой должности — чем выше уровень формального образования, тем больше шансов на продвижение по карьерной лестнице, более того, занятие определенной вакантной должности напрямую зависело от наличия диплома об определенном образовании (именно поэтому наши чиновники массово шли учиться на заочные отделения экономических и управленческих факультетов).

Но современная система разделения труда кардинально изменилась. Интенсивная информатизация и цифровизация, внедрение систем искусственного интеллекта приводит к ситуации быстрого изменения профессий, устаревания (отмирания) одних и появления других. По оценкам некоторых специалистов, в ближайшие 10 лет отомрет более 50 профессий [6]. В то же время появляются новые профессии и рабочие места, но уровень решаемых задач на них уже совершенно другой, он требует от специалиста наличия совсем других компетенций.

Здесь хочется сделать отступление и отметить, что по мнению некоторых специалистов, современные развитые общества уже являются не просто информационными, а совершают переход в постинформационную стадию своего развития. «Smart-общество — это новое качество общества, в котором совокупность использования подготовленными людьми технических средств, сервисов и

интернета приводит к качественным изменениям во взаимодействии субъектов, позволяющим получать новые эффекты — социальные, экономические и иные преимущества для лучшей жизни. Это следующий этап развития за т.н. «информационным обществом», в котором мы сегодня живем» [7].

Таким образом, наиболее востребованными в таком типе общества будут специалисты с гибким творческим мышлением, креативным потенциалом, которые умеют думать и работать в новом мире. Базовыми требованиями к новому типу специалистов будут являться не набор определенных знаний, а умение быстро и эффективно находить и грамотно использовать информацию, быстро изменять свой набор компетенций для работы с новыми объектами и технологиями, обладание образовательным потенциалом, который позволяет «доучивать» до необходимого уровня с минимальной затратой ресурсов.

Поэтому для современного общества одним из самых актуальных является вопрос: каким образом в достаточно сжатые сроки обеспечить заполнение этих высокоуровневых рабочих мест людьми, высвобождающимися из системы разделения труда, где найти людей с необходимым набором компетенций, а главное — каким образом и в каких организациях их обучить? Здесь следует упомянуть и о традиционном отставании системы образования от требований рынка труда. Например, за 2016 год в списке 25 востребованных компетенций появилось 6 тех, которые еще год назад не значились в списке вообще [8]. Таким образом, эти компетенции должны были быть включены в образовательные программы минимум 4 года назад, но запроса со стороны рынка труда еще не было, а сегодня специалисты с этими компетенциями становятся очень востребованными, но взять их негде.

Учебным заведениям очень трудно своевременно реагировать на запросы рынка труда к качеству подготовки специалистов, потому что для того чтобы внести изменения в образовательный процесс, надо изменить государственные образовательные стандарты, рабочие программы и учебные планы, а это тре-

бует определенного времени. Поэтому так актуальна сегодня проблема взаимодействия всех уровней образования и рынка труда, планирование развития системы образования на основе качественных прогнозов изменения потребностей экономики в специалистах различного уровня и доведении этой информации до всех участников образовательного процесса. В современном мире диплом перестает отражать реальную картину компетенций человека, и, как следствие, продвижение по карьерной лестнице уже не так жестко связано с наличием документа об образовании. В качестве примера можно привести Стива Джобса, Била Гейтса или Марка Цукерберга, которые, не имея диплома о высшем образовании, смогли построить успешные карьеры и создали тысячи рабочих мест.

Таким образом, в ближайшее время роль университета как единственного места, где можно получить знания, существенно изменится, т.к. уже сегодня знания можно получать в социальных сетях, всевозможных образовательных сервисах за рамками формального образования, в корпоративном секторе, где огромное количество организаций пытается восполнить пробел между теми знаниями, которыми обладают работники, и компетенциями, востребованными на современном рынке труда. Университет должен стать современной образовательной средой, интегрирующей различные образовательные программы, обучающие сервисы и привлекающей значимых людей, которые и создают новые знания.

У современных молодых людей появляется возможность управлять собственной образовательной траекторией, постоянно наращивать свой образовательный уровень через систему непрерывного образования и приобретать новые компетенции посредством современных информационных достижений (например изучая видеолекции известных преподавателей со всего мира) [9]. Таким образом, наряду с формальным образованием активно развивается рынок неформального приобретения компетенций, все более востребованными становятся короткие программы и программы корпоративных университетов и

центров обучения, активно развивается система самообразования и непрерывного обучения на протяжении всей жизни. Данное явление вызвано быстрым устареванием знаний и компетенций, сегодня уже невозможно получить образование раз и навсегда; успех индивида, его карьерный рост и, следовательно, доход напрямую зависят от его способности к самостоятельному получению необходимых умений и навыков. Это приводит к разрушению прямой зависимости между занимаемой должностью и наличием формального образования, и, как следствие, к дезориентации абитуриентов в выборе направлений подготовки и учебных заведений.

Выводы

Уже сегодня надо принимать меры опережающего характера по отношению к разным уровням образования и регионам РФ. Сегодня особую актуальность приобретает

демографическая экспертиза всех социально-экономических стратегий, решений и программ, особенно связанных с реформами образования. В современных условиях именно образование должно стать тем социальным институтом, который в состоянии существенно смягчить многие экономические и социальные негативные последствия, вызванные ожидаемым сокращением населения. Быстрое развитие современных технологий приводит к необходимости изменения структуры подготовки кадров, поскольку в силу происходящих изменений последние понадобятся экономике через 5, 10 или 15 лет. Можно констатировать, что массовое онлайн-образование коренным образом изменит характер образовательной деятельности как в общем, так и в профессиональном образовании.

Список литературы

1. Кондатенко Н.А., Шашкова С.Н. Демографическое развитие России: пути выхода из кризиса // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 65–75.
2. Воронцов А.А., Глотов М.Б. Демографическая ситуация в России и проблемы образования // Управленческое консультирование. 2016. № 7. С. 87–91.
3. Кондратенко Н.А., Шашкова С.Н. Подготовка специалистов с учетом современных демографических процессов // Университет в глобальном мире: сб. матер. XI Междунар. науч. конф. М.: ООО «МАКС Пресс», 2017. С. 798–800.
4. Смирнов А.В. Прогнозирование демографических и образовательных процессов на территориях разных уровней // Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2016. № 1. С. 146–155.
5. Синельников-Мурылев С.Г., Клячко Т.Л. Новые тенденции развития высшего образования. Вызовы для Франции и России. М.: «Дело» РАНХиГС, 2017. 190 с.
6. Муралева В.В. Стратегические альтернативы развития человеческого потенци-

ала молодежи // Проблемы развития территории. 2016. № 5. С. 148–158.

7. Россия на пути к Smart обществу. М.: НП «Центр развития современных образовательных технологий», 2012. 280 с.

8. Гневашева В.А. Демографическая яма и ее роль в потребительском выборе услуг высшего профессионального образования // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 1. С. 164–175.

9. Черкасова Т.В. Талантливая молодежь, ориентированная на технических вуз: эмпирико-прикладной социологический анализ // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект): матер. междунар. науч. конф. СПб., 2018. С. 226–231.

References

1. Kondatenko N.A., Shashkova S.N. Demograficheskoe razvitie Rossii: puti vykhoda iz krizisa [Demographic Development of Russia: Ways Out of The Crisis]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki — Izvestiya Tula State University. Humanitarian Sciences*, 2016, No. 2, pp. 65–75. [in Russian].
2. Vorontsov A.A., Glotov M.B. Demograficheskaya situatsiya v Rossii i problemy

obrazovaniya [The Demographic Situation in Russia and The Problems of Education]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie — Management Consulting*, 2016, No. 7, pp. 87–91. [in Russian].

3. Kondratenko N.A., Shashkova S.N. Podgotovka spetsialistov s uchetom sovremennykh demograficheskikh protsessov [Specialists Training in View of Modern Demographic Processes]. *Sbornik materialov XI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Universitet v global'nom mire»* [Collection of Materials of the XI International Scientific Conference «University in a Global World»]. Moscow, LLC MAKS Press, 2017. pp. 798–800. [in Russian].

4. Smirnov A.V. Prognozirovaniye demograficheskikh i obrazovatel'nykh protsessov na territoriyakh raznykh urovnei [Herald Prediction of Demographic and Educational Processes in the Territories of Different Levels]. *Nauchno-issledovatel'skii tsentr korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkar'skogo gosudarstvennogo universiteta — Corporate Governance and Innovative Economic Development of the North: Bulletin of Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University*, 2016, No. 1, pp. 146–155. [in Russian].

5. Sinel'nikov-Murylev S.G., Klyachko T.L. *Novye tendentsii razvitiya vysshego obrazovaniya. Vyzovy dlya Frantsii i Rossii* [New Trends in the Development of Higher Education. Challenges for France and Russia]. Moscow, RANEPА Publ., 2017. 190 p. [in Russian].

6. Muraleva V.V. Strategicheskie al'ternativy razvitiya chelovecheskogo potentsiala molodezhi [Strategic Alternatives for the Development of Human Potential of Young People]. *Problemy razvitiya territorii — Problems of Territory's Development*, 2016, No. 5, pp. 148–158. [in Russian].

7. *Rossiya na puti k Smart obshchestvu* [Russia on the Way to a Smart Society]. Moscow, NP «Center for the Development of Modern Educational Technologies», 2012. 280 p. [in Russian].

8. Gnevasheva V.A. Demograficheskaya yama i ee rol' v potrebitel'skom vybore uslug vysshego professional'nogo obrazovaniya [Demographic Hole and its Role in the Consumer Choice of Services of Higher Vocational Education]. *Znanie. Ponimanie. Umenie — Knowledge. Understanding. Skill*, 2017, No. 1, pp. 164–75. [in Russian].

9. Cherkasova T.V. Talantlivaya molodezh', orientirovannaya na tekhnicheskikh vuz: empiriko-prikladnoi sotsiologicheskii analiz [Talented Young People Focused on Technical Universities: an Empirical-Applied Sociological Analysis]. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Chastnoe i obshchestvennoe v povsednevnoi zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (regional'nyi aspekt)»* [Materials of The International Scientific Conference «Private and Public in The Daily Life of The Population of Russia: History and Modernity (Regional Aspect)»]. Saint-Petersburg, 2018. pp. 226–231. [in Russian].

Федосов А. В.
Fedosov A. V.

*кандидат технических наук, доцент
кафедры «Промышленная безопасность
и охрана труда», ФГБОУ ВО «Уфимский
государственный нефтяной
технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация*

Шабанова В. В.
Shabanova V. V.

*студент кафедры «Промышленная
безопасность и охрана труда», ФГБОУ ВО
«Уфимский государственный нефтяной
технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация*

Чуркина А. В.
Churkina A. V.

*студент кафедры «Промышленная
безопасность и охрана труда», ФГБОУ ВО
«Уфимский государственный нефтяной
технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация*

Бузрина В. В.
Buzrina V. V.

*студент кафедры «Промышленная
безопасность и охрана труда», ФГБОУ ВО
«Уфимский государственный нефтяной
технический университет»,
г. Уфа, Российская Федерация*

УДК 331.44:378.178

DOI: 10.17122/2541-8904-2019-2-28-122-129

АНАЛИЗ ПСИХОСОЦИАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ И РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫХ КАЧЕСТВ СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЯ «ТЕХНОСФЕРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»

В нашей стране существует разработанная система менеджмента психосоциальных рисков на рабочем месте, однако методика оценки психосоциальных рисков на сегодняшний день отсутствует. Психосоциальные факторы, отражающие взаимодействие между содержанием труда, его организацией и управлением, компетенциями и потребностями студента, оказывают влияние на здоровье учащихся и могут приводить к развитию различных заболеваний, которые, в свою очередь, способны привести к летальному исходу.

Для изучения проблемы выявления и развития качеств, влияющих на работоспособность и успеваемость, был разработан алгоритм для оценки воздействия психосоциальных факторов на студентов через величину психосоциальных рисков. В рамках исследования был проведен опрос студентов с применением онлайн анкетирования через Гугл формы.

По итогам исследования можно сделать вывод, что студенты подвержены воздействию психосоциального риска. В ходе работы предложены мероприятия, направленные на повышение умственной работоспособности, успеваемости, психосоциального и функционального состояния студентов вуза.

Однако для студента как будущего специалиста важны не только его интеллектуальные способности и психофизиологическое состояние, а также и профессионально важные качества.

На основе специализированных тестов и анкет была проведена оценка этих качеств. По анализу ее результатов видно, что профессионально важные качества повышаются по мере освоения новых дисциплин, при этом лишь незначительная часть учащихся имеет оценку «Отлично». Для улучшения сложившейся ситуации в рамках данного исследования были предложены методы развития профессионально важных качеств у студентов.

Ключевые слова: психосоциальный фактор, психосоциальный риск, алгоритм, профессионально важные качества, безопасность, студент, обучение, выпускник, профессиональные заболевания, анкета.

ANALYSIS OF THE PSYCHOSOCIAL WELL-BEING AND DEVELOPMENT OF PROFESSIONALLY IMPORTANT QUALITIES OF STUDENTS OF A DIRECTION «TECHNOSPHERE SAFETY»

There is a developed system of psychosocial risks management at work in our country, however there is no method for assessing psychosocial risks at the present time. Psychosocial factors, reflecting the interaction between the content of labor, its organization and management, the competencies and needs of students, affect health and can lead to the development of various diseases, which in turn can lead to death.

To study the problem of identifying and developing qualities affecting performance, the algorithm of assessing the psychosocial factors impact through the magnitude of psychosocial risks on students was developed. The research was also conducted the survey of students with the online questionnaires use with Google forms.

According to the research it can be concluded that students are exposed to psychosocial risk. During the work the steps aimed at improving mental health, academic performance, psychosocial and functional state of students in higher education were proposed.

However for a student as a future specialist not only intellectual abilities and psychophysiological state, but professionally important qualities are important.

Based on specialized tests and questionnaires, these qualities were evaluated. From the analysis of its results, it is clear that professionally important qualities increase as new subjects are mastered, but only a small part of students have an “Excellent” mark. To improve the situation methods for the development of professionally important qualities of students were proposed in this research.

Key words: psychosocial factor, psychosocial risk, algorithm, professionally important qualities, safety, student, education, graduate, occupational diseases, questionnaire.

Психосоциальные факторы, отражающие взаимодействие между содержанием труда, его организацией и управлением, компетенциями и потребностями студента [1, 2], оказывают влияние на здоровье учащихся и могут приводить к развитию различных заболеваний, которые, в свою очередь, способны довести до летального исхода.

Профилактика психосоциальных рисков, т.е. вероятности того, что психосоциальные

факторы окажут опасное воздействие на здоровье студента через его восприятие и опыт [3], и стресса на рабочем месте — важный аспект деятельности Международной организации труда по охране и гигиене труда. В настоящее время по всему миру разрабатываются стратегии профилактики психосоциальных рисков [1, 4].

В России также разработана система менеджмента психосоциальных рисков на

рабочем месте, но на сегодняшний день еще не существует методики оценки психосоциальных рисков [5]. Для решения этой проблемы был разработан алгоритм для оценки психосоциальных рисков на основе современных методик, таких как «Что мешает мне вести здоровый образ жизни?», «Субъективная оценка образа жизни и соматического здоровья», методика определения факторов отношения к труду и другие.

Таким образом, были выделены основные психосоциальные факторы, оказывающие наибольшее влияние на безопасность и благополучие учащихся. Ведь для студента как будущего специалиста важны не только его интеллектуальные способности и психофизиологическое состояние, но и его профессионально важные качества (ПВК) [6-8].

Оценка психосоциальных рисков включает в себя несколько этапов (рисунок 1):

- выделение группы испытуемых;
- ознакомление испытуемых с целью и задачами проведения оценки психосоциальных рисков;
- проведение конфиденциального тестирования с использованием разрабатываемой методики;
- обработка и анализ полученных данных;
- разработка и внедрение мероприятий по обеспечению безопасности с учетом результатов проведенной оценки [9].

В свою очередь, разрабатываемая методика включает в себя анкету, состоящую из нескольких общих вопросов (курс, группа), и семи блоков вопросов, которые отражают психосоциальные риски по следующим категориям:

- образ жизни;
- сон и восстановление;

Рисунок 1. Алгоритм оценки психосоциальных рисков

- удовлетворенность работой;
- социальная поддержка и изоляция;
- тревожность;
- подавленность/депрессия;
- стресс.

Каждый блок состоит из семи вопросов (итого сорок девять вопросов) с четырьмя вариантами ответа. Каждый вариант ответа оценивается от 1 до 4 баллов, балльность ответа указана в тесте.

Для количественной оценки показателей будем использовать первичный интегральный показатель, рассчитываемый по формуле:

$$\Psi = [(a - d) + (b - c) / 2] / N, \quad (1)$$

где a — число опрошенных, давших ответ с оценкой «1 балл»; b — «2 балла»; c — «3 балла»; d — «4 балла»; N — число ответивших на вопрос. Далее для расчета интегрального показателя психосоциального риска необходимо сложить первичные интегральные показатели каждого вопроса, входящего в данный блок:

$$\Psi = \sum \psi. \quad (2)$$

Получаемый интегральный показатель психосоциального риска является безразмерным и изменяется в пределах от -7 до $+7$ и соответствует категории психосоциального риска (таблица 1).

Таблица 1. Категории психосоциального риска и срочность мер профилактики

Интегральный показатель риска Ψ	Категория психосоциального риска	Срочность мероприятий по снижению риска
от -7 до $-5,1$	Очень высокий риск	Учиться нельзя или продолжать до снижения риска
от $-5,0$ до $-2,6$	Высокий риск	Требуются неотложные меры по снижению риска
от $-2,5$ до 0	Средний (существенный) риск	Требуются неотложные меры по снижению риска
от 0 до $2,5$	Малый (умеренный) риск	Требуются неотложные меры по снижению риска
от $2,6$ до $5,0$	Пренебрежимо (переносимый) Малый риск	Меры не требуются, но уязвимые лица нуждаются в дополнительной защите
от $5,1$ до 7	Риск отсутствует	Меры не требуются

Итоговый риск по психосоциальному фактору производственной среды выводится по категории психосоциального риска.

В результате устанавливается итоговая категория влияния психосоциального риска.

Для обеспечения безопасности студентов с учетом результатов оценки психосоциальных рисков, необходимо выявить уровни выраженности психосоциальных факторов. Для этого был проведен опрос с использованием разработанной методики с применением онлайн анкетирования через Гугл

формы. Участниками исследования стали: 100 студентов третьего курса и 77 студентов второго курса (таблицы 2–5). Испытуемым предлагалось ответить на 49 вопросов, разделенных на 7 категорий [10].

По итогам исследования студентов второго курса уровень воздействия психосоциального фактора соответствуют малому риску, так как показатели «стресс», «подавленность», «тревожность», «неудовлетворенность работой» и «сон/восстановление» находятся на низком уровне.

Таблица 2. Результаты проведения оценки психосоциального фактора студентов второго курса

Психосоциальный риск	Значение первичного интегрального показателя риска ψn						
	1	2	3	4	5	6	7
Образ жизни	0,54	0,69	0,60	0,78	0,26	0,91	0,34
Сон/восстановление	-0,11	0,17	0,04	-0,30	-0,11	0,22	0,41
Неудовлетворенность работой	0,38	0,20	-0,08	0,36	0,32	0,29	0,37
Изоляция	0,49	0,68	0,57	-0,04	0,22	0,61	0,09
Тревожность	-0,27	-0,11	-0,02	0,21	0,23	0,05	-0,04
Подавленность	-0,01	-0,06	-0,01	-0,21	-0,04	0,00	0,32
Стресс	0,38	0,44	0,17	0,27	-0,01	-0,26	-0,10

Таблица 3. Категория психосоциального риска студентов второго курса

Психосоциальный риск	Интегральный показатель риска Ψ	Категория психосоциального риска
Образ жизни	4,11	Пренебрежимо малый риск
Сон/восстановление	0,31	Малый (умеренный) риск
Неудовлетворенность работой	1,82	Малый (умеренный) риск
Изоляция	2,61	Пренебрежимо малый риск
Тревожность	0,05	Малый (умеренный) риск
Подавленность	0,00	Малый (умеренный) риск
Стресс	0,90	Малый (умеренный) риск
Итоговый психосоциальный риск		Малый (умеренный) риск

Таблица 4. Результаты проведения оценки психосоциального фактора студентов третьего курса

Психосоциальный риск	Значение первичного интегрального показателя риска ψn						
	1	2	3	4	5	6	7
Образ жизни	0,56	0,69	0,63	0,89	0,13	0,61	0,31
Сон/восстановление	-0,22	0,20	0,19	-0,37	-0,33	0,39	0,35
Неудовлетворенность работой	0,39	0,15	0,20	0,26	0,02	0,24	0,19
Изоляция	0,72	0,74	0,80	-0,17	0,26	0,81	0,09
Тревожность	-0,04	0,07	0,07	0,35	0,43	-0,41	-0,35
Подавленность	-0,06	-0,04	-0,19	-0,06	0,00	0,19	0,30
Стресс	0,59	0,33	-0,02	-0,11	0,13	-0,46	0,20

Таблица 5. Категория психосоциального риска студентов третьего курса

Психосоциальный риск	Интегральный показатель риска Ψ	Категория психосоциального риска
Образ жизни	4,20	Пренебрежимо малый риск
Сон/восстановление	0,18	Малый (умеренный) риск
Неудовлетворенность работой	1,60	Малый (умеренный) риск
Изоляция	2,58	Пренебрежимо малый риск
Тревожность	0,80	Малый (умеренный) риск
Подавленность	0,05	Малый (умеренный) риск
Стресс	0,75	Малый (умеренный) риск
Итоговый психосоциальный риск		Малый (умеренный) риск

По итогам исследования студентов второго и третьего курсов уровень воздействия психосоциального фактора соответствуют малому риску, так как показатели «стресс», «подавленность», «тревожность», «неудовлетворенность работой» и «сон/восстановление» находятся на низком уровне (рисунок 2).

Студенты находятся практически в одинаковых условиях. Поэтому интегральные показатели отличаются незначительно.

Сущность психосоциальных факторов, действующих на студентов, обусловлена наличием противоречий во взаимоотношениях с государством, руководителями и студентами, а также в межличностных отношениях [11].

Важной компонентой системы профилактики является работа на индивидуальном уровне. Любой студент должен быть инфор-

мирован о наличии и значимости для здоровья психосоциальных факторов.

Необходимы непрерывная система обучения основам психологии труда и межличностных отношений в коллективе, повышение общей культуры межличностного общения, осознание значимости своего здоровья и здоровья окружающих людей. Воздействие психосоциальных рисков ведет к понижению производительности деятельности [12].

По результатам опроса студентов УГНТУ в 2018 году было выявлено, что наиболее часто студенты страдают заболеваниями, связанными с нервной системой. На втором месте оказались болезни глаз, на третьем — болезни костно-мышечной системы.

ГБУЗ РБ ГКБ № 18 тесно сотрудничает с администрацией ФГБОУ ВО «УГНТУ», профессиональными организациями вуза по

Интегральные показатели психосоциальных рисков

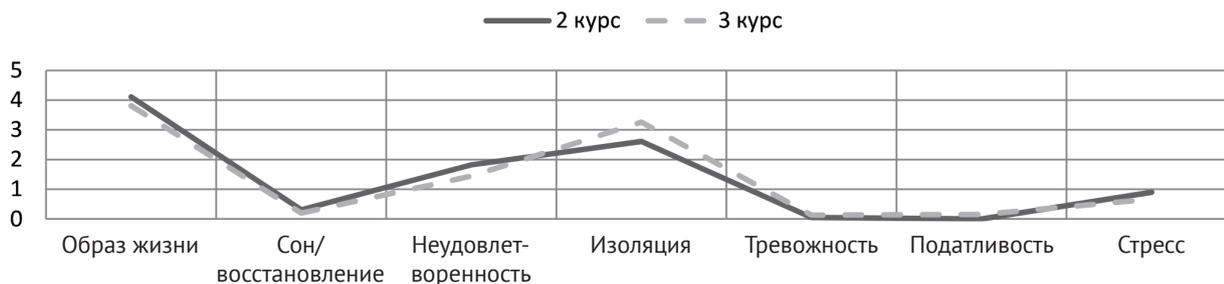

Рисунок 2. Соотношение интегральных показателей психосоциальных рисков студентов второго и третьего курсов

оздоровлению и пропаганде здорового образа жизни.

Так, в вузе разработаны программа «Ступени здоровья» и профилактические подпрограммы:

- Социально-психологическая адаптация студентов 1 курса;
- Профилактика ВИЧ инфекции и СПИДа;
- Профилактика табакокурения, наркотической, алкогольной и иных зависимостей среди студентов;
- Создан сайт по информированию студентов и сотрудников о проводимых мероприятиях, акциях, лекциях по формированию навыков здорового образа жизни.

Для улучшения всех показателей следует оптимизировать темп и ритм работы, но при этом необходимо учитывать, что завышенный и заниженный темпы, ослабляя внимание и снижая точность движений и ритмичность работы, отрицательно сказываются на работоспособности человека [13].

Необходимо обучить студентов релаксационным и дыхательным техникам.

Также важно предложить студентам аутогенную тренировку — комплекс приемов психической саморегуляции, навыков мышечного расслабления [12] — позволяет студентам повысить психологический тонус, сконцентрировать внимание, снять нервное утомление.

Но не стоит забывать, что поддержка со стороны родственников и друзей является

главным способом повышения устойчивости к влиянию психосоциальных рисков. Близкие люди всегда способны найти нужные слова, способы вывести из стрессового состояния.

Выполненное исследование показывает, что психосоциальные факторы действительно становятся актуальными на современном этапе жизнедеятельности для студентов.

Вывод

Таким образом, можно сделать вывод, что проводить оценку психосоциальных рисков у студентов необходимо, а сами методика и алгоритм оценки психосоциального риска могут быть в дальнейшем использованы на промышленных предприятиях для оценки влияния психосоциальных факторов и рисков на здоровье работников. В настоящее время актуальной задачей является принятие опыта зарубежных компаний и активное развитие данного вопроса. Ведь если психосоциальный фактор производственной среды не измеряется при оценке условий труда, то это не значит, что он не оказывает негативное влияние на здоровье и благополучие работников.

Для студентов как будущих специалистов очень важно проходить подобные исследования. В будущем менеджмент психосоциальных рисков может способствовать созданию позитивной рабочей среды, в которой ответственное отношение, мотивация, обучение и развитие играют важную роль и обеспечивают развитие организации.

Список литературы

1. Федосов А.В., Рассказов М.Ю., Фаизова З.В., Батршина Д.Р. Совершенствование управления безопасностью труда организации на основе концепции профессионального риска на примере ПАО «Газпром» // Транспорт и хранение нефтепродуктов и углеводородного сырья. 2017. № 5. С. 53–59.
2. Fedosov A.V., Abdrakhmanov N.Kh., Gaysin E.Sh., Sharafutdinova G.M., Abdrakhmanova K.N., Shammatova A.A. The Use of Mathematical Models in the Assessment of the Measurements' Uncertainty for the Purpose of the Industrial Safety Condition Analysis of the Dangerous Production Objects // International Journal of Pure and Applied Mathematics. 2018. Vol. 119. No. 10.
3. Abdrakhmanov N.Kh., Vadulina N.V., Fedosov A.V., Ryamova S.M., Gaisin E.Sh. A New Approach for a Special Assessment of the Working Conditions at the Production Factors' Impact through Forecasting the Occupational Risks // Man in India. 2017. Vol. 97. No. 20. pp. 495-511.
4. Федосов А.В., Абдрахимова И.Р., Закирова З.А. Перспективы применения риск-ориентированного подхода в области промышленной безопасности // Электронный научный журнал «Нефтегазовое дело». 2018. № 1. С.145-161.
5. Федосов А.В., Абдрахимов Ю.Р., Вадулина Н.В., Козлова А.В. Специальная оценка условий труда. Уфа: УГНТУ, 2016. 377 с.
6. Федосов А.В., Шабанова В.В., Абдрахманова К.Н., Шутов Н.В. Анализ принципов организации рабочих мест на промышленных предприятиях газовой промышленности. Уфа, 2018. С. 112.
7. Валиев Ш.З., Сухочев В.И. России нужен эффективный и компетентный менеджмент // Высшее образование сегодня. 2010. № 3. С. 29–33.
8. Валиев Ш.З., Сухочев В.И. Как сформировать и оценить компетентность будущего менеджера // Высшее образование сегодня. 2010. № 4. С. 57–61.
9. Федосов А.В., Васикова Э.И. Профессиональные риски работников промышленных предприятий. Уфа: УГНТУ, 2017. С. 140.
10. Федосов А.В., Козлова А.В. Влияние человеческого фактора на реализацию аварий и инцидентов, и методы его оценки // Вестник молодого ученого УГНТУ. 2016. № 4 (8). С. 117–121.
11. Асылгареева Ю.А., Еникеева Т.М., Федосов А.В. Профессиональные заболевания на нефтеперерабатывающем заводе // Электронный научный журнал «Нефтегазовое дело». 2018. № 3. С. 98–109.
12. Федосов А.В., Вадулина Н.В., Шарфутдинова Г.М., Абдрахманов Н.Х., Расулов С.Р. Охрана труда: в 2 ч. Уфа, 2017. Ч. 1.
13. Fedosov A.V., Khamitova A.N., Abdrakhmanova K.N., Abdrakhmanov N.Kh. Assessment of the Human Factor Influence on the Accident Initiation in the Oil and Gas Industry // Территория Нефтегаз. 2018. № 1–2. С. 62–70.

References

1. Fedosov A.V., Rasskazov M.Yu., Faizova Z.V., Batrshina D.R. Sovershenstvovanie upravleniya bezopasnost'yu truda organizatsii na osnove kontseptsii professional'nogo riska na primere PAO «Gazprom» [Improvement of Labor Protection Management of an Organization Based on the Concept of Professional Risk on the Example of PJSC «Gazprom»]. *Transport i khranenie nefteproduktov i uglevodorodnogo syr'ya — Transport and Storage of Oil Products and Hydrocarbons*, 2017, No. 5, pp. 53–59. [in Russian]
2. Fedosov A.V., Abdrakhmanov N.Kh., Gaysin E.Sh., Sharafutdinova G.M., Abdrakhmanova K.N., Shammatova A.A. The Use of Mathematical Models in the Assessment of the Measurements' Uncertainty for the Purpose of the Industrial Safety Condition Analysis of the Dangerous Production Objects. *International Journal of Pure and Applied Mathematics*, 2018, Vol. 119, No. 10, Special Issue C.
3. Abdrakhmanov N.Kh., Vadulina N.V., Fedosov A.V., Ryamova S.M., Gaisin E.Sh. A New Approach for a Special Assessment of the Working Conditions at the Production Factors' Impact through Forecasting the Occupational Risks. *Man in India*, 2017, Vol. 97, No. 20, pp. 495–511.

4. Fedosov A.V., Abdrakhimova I.R., Zakirova Z.A. Perspektivy primeneniya risk-orientirovannogo podkhoda v oblasti promyshlennoi bezopasnosti [Prospects for Risk-Based Approach Usage in Industrial Safety Sphere]. *Setevoe izdanie «Neftegazovoe delo» – Online Edition «Oil and Gas Business»*, 2018, No. 1. pp. 145–161. [in Russian]
5. Fedosov A.V., Abdrakhimov Yu.R., Vadulina N.V., Kozlova A.V. *Spetsial'naya otsenka uslovii truda* [Special Assessment of Working Conditions]. Ufa, USPTU Publ., 2016. 377 p. [in Russian]
6. Fedosov A.V., Shabanova V.V., Abdrakhmanova K.N., Shutov N.V. *Analiz printsipov organizatsii rabochikh mest na promyshlennykh predpriyatiyakh gazovoi promyshlennosti* [Analysis of the Principles of the Organization of Workplaces at Industrial Enterprises of the Gas Industry]. Ufa, 2018. 112 p. [in Russian]
7. Valiev Sh.Z., Sukhochev V.I. Rossii nuzhen effektivnyi i kompetentnyi menedzhment [Russia Needs Effective and Competent Management]. *Vysshee obrazovanie segodnya — Higher Education Today*, 2010, No. 3, pp. 29–33. [in Russian].
8. Valiev Sh.Z., Sukhochev V.I. Kak sformirovat' i otsenit' kompetentnost' budushchego menedzhera? [How to Form and Evaluate the Competence of the Future Manager?]. *Vysshee obrazovanie segodnya — Higher Education Today*, 2010, No. 4, pp. 57–61. [in Russian].
9. Fedosov A.V., Vasikova E.I. *Professional'nye riski rabotnikov promyshlennykh predpriyatii* [Occupational Hazards of Industrial Workers]. Ufa, USPTU, 2017. 140 p. [in Russian]
10. Fedosov A.V., Kozlova A.V. Vliyanie chelovecheskogo faktora na realizatsiyu avarii i intsidentov, i metody ego otsenki [The Impact of the Human Factor on the Implementation of Accidents and Incidents, and Methods of its Assessment]. *Vestnik molodogo uchenogo UGNTU — Bulletin of the Young Scientist USPTU*, 2016, No. 4 (8), pp. 117–121. [in Russian]
11. Asylgareeva Yu.A., Enikeeva T.M., Fedosov A.V. Professional'nye zabolevaniya na neftepererabatyvayushchem zavode [Occupational Diseases at The Refinery]. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal «Neftegazovoe delo» — Electronic Scientific Journal «Oil and Gas Business»*, 2018, No. 3, pp. 98–109. [in Russian].
12. Fedosov A.V., Vadulina N.V., Sharafutdinova G.M., Abdrakhmanov N.H., Rasulov S.R. *Ohrana truda* [Occupational Safety and Health]. Ufa, 2017. [in Russian]
13. Fedosov A.V., Khamitova A.N., Abdrakhmanova K.N., Abdrakhmanov N.Kh. Assessment of the Human Factor Influence on the Accident Initiation in The Oil and Gas Industry. *Territoriya neftegaz — Territorija Neftegaz*, 2018, No. 1–2, pp. 62–70.

ОБ АВТОРАХ

Аблаев Ремзи Рустемович

старший преподаватель кафедры «Экономика предприятия», ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь, Российская Федерация

Блаженкова Наталья Михайловна

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Финансы и кредит» Института экономики и сервиса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Бузрина Виктория Владимировна

студент кафедры «Промышленная безопасность и охрана труда», ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Гилева Татьяна Альбертовна

доктор экономических наук, доцент, доцент кафедры «Проектный менеджмент и экономика предпринимательства» Института экономики и сервиса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Гимаев Ильдар Закиевич

кандидат социологических наук, докторант, Институт социально-политических исследований РАН, г. Москва, Российская Федерация

Гирфанова Лилия Рашитовна

кандидат технических наук, доцент кафедры «Технология и конструирование одежды» Института экономики и сервиса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Евсейчикова Наталья Николаевна

ассистент кафедры «Налоги и налогообложение», УО «Белорусский государственный экономический университет», г. Минск, Республика Беларусь

Зайнашева Зарима Гафаровна

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Региональная экономика и управление» Института экономики и сервиса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Закирова Айгуль Энгелевна

аспирант кафедры «Проектный менеджмент и экономика предпринимательства» Института экономики и сервиса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Зинатуллин Руслан Рафаилович

руководитель Автономной некоммерческой организации «Территория развития», депутат Совета городского округа город Уфа Республика Башкортостан, г. Уфа, Российская Федерация

Зинатуллина Юлия Марселевна

аспирант кафедры «Проектный менеджмент и экономика предпринимательства» Института экономики и сервиса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Кашипова Ильгиза Рашидовна

кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора, Уфимский филиал ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Уфа, Российская Федерация

Кокодей Татьяна Александровна

доктор экономических наук, профессор кафедры «Менеджмент и бизнес-аналитика», ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», г. Севастополь, Российская Федерация

Кокшаров Владимир Алексеевич

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики транспорта, ФГБОУ ВО «Уральский государственный университет путей сообщения», г. Екатеринбург, Российская Федерация

Колганов Евгений Алексеевич

кандидат социологических наук, доцент кафедры «Математика и информатика», Уфимский филиал ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Уфа, Российская Федерация

Кондратенко Наталья Александровна

кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социология и политология», ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет», г. Тула, Российская Федерация

Леонова Лейла Борисовна

кандидат технических наук, доцент, докторант, доцент кафедры экономики и управления строительством и рынком недвижимости, ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, Российская Федерация

Лехмус Михаил Юрьевич

кандидат технических наук, доцент кафедры «Математика и информатика», Уфимский филиал ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Уфа, Российская Федерация

Маликова Эльвира Рустамовна

студент направления подготовки «Экономика» профиль «Финансовый контроль и государственный аудит», Институт государственной службы и управления, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Москва, Российская Федерация

Мухамадиева Эльвира Фанировна

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономическая безопасность» Института экономики и сервиса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Сафуанов Рафаэль Махмутович

доктор экономических наук, профессор, Директор Уфимского филиала ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Уфа, Российская Федерация

Старицына Ольга Александровна

кандидат социологических наук, доцент кафедры «Международные отношения, история и востоковедение» Института экономики и сервиса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Степанова Анжелика Валерьевна

студент 4-го курса кафедры «Региональная экономика и управление» Института экономики и сервиса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Федосов Артем Васильевич

кандидат технических наук, доцент кафедры «Промышленная безопасность и охрана труда», ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Хисаева Алия Инисовна

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Проектный менеджмент и экономика предпринимательства» Института экономики и сервиса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Хуснутдинова Ляйля Гельсовна

кандидат исторических наук, доцент кафедры «Международные отношения, история и востоковедение» Института экономики и сервиса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Четверикова Ольга Г.

студент 3-го курса кафедры «Технология и конструирование одежды» Института экономики и сервиса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Чуркина Алена Викторовна

студент кафедры «Промышленная безопасность и охрана труда», ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Шабанова Вилена Венеровна

студент кафедры «Промышленная безопасность и охрана труда», ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

Шашкова Светлана Николаевна

кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социология и политология», ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет», г. Тула, Российская Федерация

Шестакович Анна Геннадьевна

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра стратегических и междисциплинарных исследований, Федеральное государственное бюджетное научное учреждение Уфимский федеральный исследовательский центр Российской Академии наук, г. Уфа, Российская Федерация

Шитов Антон Олегович

магистрант кафедры «Региональная экономика и управление» Института экономики и сервиса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», г. Уфа, Российская Федерация

ABOUT THE AUTHORS

Ablaev Remzi R.

Senior Lecturer of the Department «Enterprise Economics», FSAEI HE «Sevastopol State University», Sevastopol, Russian Federation

Blazhenkova Natalia M.

Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Finance and Credit Department, Institute of Economics and Service, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Buzrina Viktoria V.

Student of Industrial Safety and Labor Protection Department, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Chetverikova Olga G.

3rd Year Student of Clothing Technology and Designing Department, Institute of Economics and Service, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Churkina Alena V.

Student of Industrial Safety and Labor Protection Department, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Evseichikova Natalya N.

Assistant of the Taxes and Taxation Department, IE «Belarusian State Economic University», Minsk, Republic of Belarus

Fedosov Artem V.

Candidate of Engineering Sciences, Assistant Professor of Industrial Safety and Labor Protection Department, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Gileva Tatyana A.

Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Assistant Professor of Project Management and Economics of Entrepreneurship Department, Institute of Economics and Service, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Gimaev Ildar Z.

Candidate of Sociological Sciences, Doctoral Candidate, Institute for Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Girfanova Liliya R.

Candidate of Engineering Sciences, Assistant Professor of Technology and Clothes Designing Department, Institute of Economics and Service, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Kashipova Ilgiza R.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Deputy Director, Ufa branch of the FSEBI HE «Financial University under the Government of the Russian Federation», Ufa, Russian Federation

Khisaeva Aliya I.

Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor of Project Management and Economics of Entrepreneurship Department, Institute of Economics and Service, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Khusnutdinova Lyaylya G.

Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of International Relations, History and Oriental Studies Department, Institute of Economics and Service, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Kokodei Tatyana A.

Doctor of Economic Sciences, Professor of Management and Business Analyst Department, FSAEI HE «Sevastopol State University», Sevastopol, Russian Federation

Koksharov Vladimir A.

Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of Transport Economics Department, FSBEI HE «Ural State University of Railway Transport», Yekaterinburg, Russian Federation

Kolganov Evgeny A.

Candidate of Sociological Sciences, Assistant Professor of Mathematics and Computer Science Department, Ufa Branch of FSEBI HE «Financial University under the Government of the Russian Federation», Ufa, Russian Federation

Kondratenko Natalia A.

candidate of sociological sciences, Assistant Professor of Sociology and Political Science Department, FSBEI HE «Tula State University», Tula, Russian Federation

Lekhmus Mikhail Y.

Candidate of Engineering Sciences, Assistant Professor of Mathematics and Informatics Department, Ufa branch of FSEBI HE «Financial University under the Government of the Russian Federation», Ufa, Russian Federation

Leonova Leila B.

Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor, Doctoral Candidate, Assistant Professor of Economics and Management of Construction and Real Estate Market Department, FSAEI HE «Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin», Yekaterinburg, Russian Federation

Malikova Elvira R.

Student of the «Economics» Course of Study, Profile «Financial Control and State Audit», Institute of Public Administration and Management, FSBEI HE «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation», Moscow, Russian Federation

Mukhamadieva Elvira F.

Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor of Economic Security Department, Institute of Economics and Service, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Safuanov Rafael M.

Doctor of Economic Sciences, Professor, Director of the Ufa Branch of FSEBI HE «Financial University under the Government of the Russian Federation», Ufa, Russian Federation

Shabanova Vilena V.

Student of Industrial Safety and Labor Protection Department, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Shashkova Svetlana N.

Candidate of Sociological Sciences, Assistant Professor of Sociology and Political Science Department, FSBEI HE «Tula State University», Tula, Russian Federation

Shestakovich Anna G.

Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Center for Strategic and Interdisciplinary Studies, FSBSI Ufa Federal Research Center, Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation

Shitov Anton O.

Undergraduate Student of Regional Economics and Management Department, Institute of Economics and Service, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Staritsyna Olga A.

Candidate of Sociological Sciences, Assistant Professor of International Relations, History and Oriental Studies Department, Institute of Economics and Service, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Stepanova Anzhelika V.

4th Year Student of Regional Economics and Management Department, Institute of Economics and Service, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Zainasheva Zarima G.

Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of Regional Economics and Management Department, Institute of Economics and Service, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Zakirova Aigul E.

Postgraduate Student of Project Management and Economics of Entrepreneurship Department, Institute of Economics and Service, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Zinatullin Ruslan R.

Head of the Autonomous Non-Profit Organization «Territory of Development», Member of the Council of the City District of Ufa Bashkortostan Republic, Ufa, Russian Federation

Zinatullina Yulia M.

Postgraduate Student of Project Management and Economics of Entrepreneurship Department, Institute of Economics and Service, FSBEI HE «Ufa State Petroleum Technological University», Ufa, Russian Federation

Требования к оформлению материалов, предоставляемых для публикации в журнале:

1. Статьи, предоставляемые авторами в журнал, должны соответствовать профилю журнала, обладать новизной, интересовать широкий круг научной общественности.
2. Редакция принимает к публикации только открытые материалы на русском и английском языках (для иностранных авторов).
3. Поля — 2,5 см с каждой стороны; шрифт — TimesNewRoman, кегль — 14, межстрочный интервал — полуторный; ссылки на литературу в квадратных скобках. При наличии ссылок список литературы обязателен (в порядке цитирования, в соответствии с ГОСТ 7.1 – 2003 или ГОСТ Р7.05 – 2008).
4. В правом верхнем углу жирным курсивом: фамилия, имя, отчество авторов (обязательно полностью), ученая степень, ученое звание, должность, наименование организации (полностью), страна, город.
5. По центру, жирным шрифтом, заглавными буквами: название статьи. УДК — в правом верхнем углу.
6. В конце статьи укажите почтовый адрес с указанием индекса, фамилию и инициалы получателя (поэтому адресу будет выслан журнал), телефон (мобильный), e-mail контактного лица. Файл со статьей оформить: Фамилия И.О. doc (или docx). Отправлять по адресу: uor-ugaes@mail.ru.
7. Обязательно прислать цветное фото авторов отдельным файлом (не менее 1 Мб и не более 5Мб).
8. К статье должны быть приложены на русском и английском языках: название статьи, аннотация (не менее 240 слов, определяющих теоретическую ценность и практическую новизну статьи), ключевые слова (не менее 10), список литературы обязателен (не менее 8 источников).
9. Автор дает согласие на воспроизведение на безвозмездной основе в сети Интернет на сайте ФГБОУ ВО «УГНТУ» электронной версии своей статьи, опубликованной в журнале «Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия экономика».
10. Графический и табличный материал должен быть представлен в приложении к WORD. Например, MicrosoftGraph, без использования сканирования; для диаграмм применять различную штриховку, размер шрифта 10 или 11 pt, математические формулы оформляются через редактор формул MicrosoftEquation, а их нумерация проставляется с правой стороны. Таблицы подписываются 12-м шрифтом в правом верхнем углу, диаграммы, рисунки — по центру внизу.
11. Сокращение слов, имени названий, как правило, не допускается. Разрешаются лишь общепринятые сокращения мер, физических, химических и математических величин и терминов и т. д.
12. Поступившие в редакцию статьи в обязательном порядке будут проходить рецензирование. Рецензии отклоненных работ высылаются авторам и содержат аргументированный отказ от публикации. В рецензиях работ, отправленных на доработку, указываются замечания к статье.
13. Все статьи, поступившие в редакцию, в обязательном порядке проходят проверку в системе «Антиплагиат». Для аспирантов, студентов, кандидатов наук допустимая норма заимствований — не более 25 %, для докторов наук, профессоров — не более 15 %.

Памятка авторам

В статье настоятельно рекомендуется:

- НЕ использовать табуляцию (клавиша Tab);
- НЕ устанавливать свои стили абзацев (кроме принятых по умолчанию);
- НЕ расставлять автоматические списки (при нумерации строк и абзацев);
- НЕ ставить двойные, тройные и т. д. пробелы между словами. Рекомендуется применять в статье только один тип кавычек («»).

Помнить о том, что необходимо различать дефис и тире. Тире выставляется сочетанием двух клавиш («Ctrl» + «-»).

Все цитаты в статье должны быть соотнесены со списком литературы, при прямом цитировании обязательно указывать номера страниц. Список литературы не следует смешивать с примечаниями, которые должны располагаться перед списком литературы.

Статьи, не соответствующие требованиям, отклоняются для доработки.

Requirements for the materials, provided for publication in the journal:

1. Articles provided by the authors in the Journal should match the profile of the magazine, are new, are interested in a wide range of scientific community.
2. Revision accepted for publication only open materials in Russian Federation and English (for foreign authors).
3. Fields — 2.5 cm on each side; font — Times New Roman, font size — 14, line spacing — one and a half; References in square brackets. If there is a list of literature references is required (in order of citation in accordance with GOST 7.1–2003 or GOST R7.05–2008).
4. In the upper right corner in bold italics: surname, name, patronymic of the author (certainly in full), academic degree, academic rank, position, name of organization (in full), country, city.
5. Centered, bold capital letters: title of the article. UDC — in the upper right corner.
6. At the end of the article, specify the e-mail address with ZIP code, name and initials of the recipient (the address will be sent to the magazine), telephone (mobile), e-mail the contact person. Article File Contents: Surname N. P. doc (or docx). Send to the address: uop-ugaes@mail.ru.
7. Be sure to send a color photo of the authors in a separate file (at least 1 MB and not more than 5 MB).
8. To the article must be accompanied by the Russian Federation and English languages: the article title, abstract (not less than 240 words, determine the theoretical value and practical novelty of the article), keywords (at least 10), references required (at least 8 sources).
9. Author agree stop lay free of charge on the Internet at the website FSBEI HE «USPTU» electronic version of his article published in the journal «Bulletin USPTU. Science, education, economy. Series economy».
10. Graphical and tabular material should be presented in the annex to the WORD. For example, Microsoft Graph, without scanning; diagrams for applying a different shading, font size 10 or 11 pt, mathematical formulas are made through the formula editor Microsoft Equation, and their numbers stamped on the right side. Table signed by the 12th print in the upper right corner, diagrams, drawings — at the bottom center.
11. Reductions of words of names usually are not permitted. Allowed only standard abbreviations measures, physical, chemical and mathematical quantities and terms, etc.
12. Received articles will necessarily be reviewed. Reviews of rejected papers are sent to the authors and contain are atoned rejection of the publication. In reviews of works sent for revision, specify comments on the article.
13. All articles received by the editorial compulsorily tested in the «Anti-plagiarism». For graduate students, candidates of sciences allow able rate loans — no more than 25 % for doctors, professors — not more than 15 %.

Memo to authors

The article is highly recommended:

- DO NOT use the tab key (Tab);
- DO NOT place your paragraph styles (other than the defaults);
- DO NOT set automatic lists (with line numbers and paragraphs);
- DO NOT put double, triple and so. D. The spaces between words. Recommended in the article is only one type of quotes («»).

Remember that it is necessary to distinguish between hyphens and dashes. Dash exhibited a combination of two keys («Ctrl» + «-»).

All quotations in the article should be correlated with the list of literature, with direct quotations necessarily indicate page numbers. References should not be confused with the notes that must be placed before the bibliography.

Articles that do not meet the requirements will be rejected for revision.

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» — 91825

Перечень отраслей наук, по которым ведется прием статей в журнал

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством
(по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки),

08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит (экономические науки),

13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания
(по областям и уровням образования) (педагогические науки),

22.00.03 – Экономическая социология и демография (социологические науки).

ISSN 2541-8904

9 772541 890006 >